

*По благословению
Митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора*

Российское Дворянское Собрание
Дворянское Собрание Кубани
ГНТУ «Кубанский казачий хор»

**«Да кто душу положит
за други своя...»**

**(К 130-летию участия русского дворянства
в освобождении православного населения
Балкан от османского ига)**

Материалы II Международных Дворянских чтений
(25–26 ноября 2006г.)

Краснодар (Екатеринодар)
2006

ББК 63.3(47)
УДК 049.7
Д 86

Научные редакторы:

О.В. Матвеев

кандидат исторических наук, доцент кафедры
дореволюционной отечественной истории КубГУ

Е.М. Сухачева

пресс-атташе Дворянского Собрания Кубани

Рецензенты:

В.Н. Ратушняк

доктор исторических наук, профессор

А.В. Венков

доктор исторических наук, профессор

Д 86 «Да кто душу положит за други своя...» : Материалы
II Международных Дворянских чтений. Изд-во «Кубанькино» .
Краснодар, 2006г. – 148 с.

ISBN –5–94933–009–2

ББК 63.3(47)
УДК 049.7

ISBN –5–94933–009–2

© Дворянское Собрание Кубани, 2006

Раздел I.

Подвиг освободителей

О.В. Матвеев

«Путем графа Вронского...» Русское дворянство в войне за освобождение славян

Светлой памяти кубанского славянофила В.П. Попова посвящаю...

В преддверии 130-летия борьбы за освобождение славян в нашей стране делается все, чтобы объявить славянский мир несостоявшейся и опасной утопией, мифом, во имя которого были принесены напрасные жертвы. Вместо того, чтобы оживить картины Верещагина, воссоздать таинство духовного пробуждения, охватившее в 1875–1878г. славянские народы, на российском экране демонстрируется пустышка «Турецкий гамбит» – водевиль, созданный на потребу толпе. Реальное лицо выдающегося русского полководца, воспетого в народных песнях, в фильме заменяет какой-то напыщенный хлыщ, бесконечно далекий от настоящей войны: больше всего озабоченный вниманием появившейся в военном лагере девицы. Все в русской контрразведке – от Фандорина до Мезинова (карикатура на шефа Отдельного корпуса жандармов и начальника III отделения Н.В. Мезенцева, между прочим, звезду российского сыска) – в борьбе на «невидимом фронте» изображены полными недотепами. Сценками гомосексуальных отношений в русской армии, бутафорскими костюмами минувшей эпохи, несколькими жалкими и ничтожными спецэффектами растаптывается память о русских мучениках, героях и духовидцах, растерзанных башибузуками болгарках, кровь сербских юнаков и болгарских четников... Для подобного рода «произведений» всегда было важным низвести до гротеска, осмеяния нравственный подвиг русской служилой элиты. В традиции, сложившейся еще в дореволюционной либеральной историог-

рафии, высокий гуманистический порыв русского дворянства – спасти от геноцида славянские народы – сводился к «империалистической политике» царизма и его «бездарной камарильи», захватническим планам в отношении Босфора и Дарданелл.

Показательно отношение к имени командующего генерала Михаила Григорьевича Черняева. Вопреки желанию русского правительства, пытавшегося решить Восточный вопрос дипломатическим путем, Черняев в 1876г. уехал в Белград и возглавил одну из сербских армий. Современники и историки не жаловали Черняева, иногда открыто обвиняя его в авантюризме. М.Е. Салтыков-Щедрин в повести «Современная идиллия» нарисовал гротескный образ «странствующего полководца» Полкана Самсоновича Редеди, в котором высмеял Черняева. И.С. Тургенев называл Черняева «пошляком Хлестаковым». Многие советские и современные историки на жалеют красок, чтобы подчеркнуть неспособность генерала командовать крупными оперативными единицами, его авантюризм и безответственность [1].

Главнокомандующий Тимокско-Моравской армией генерал
М.Г. Черняев

Но вот запись Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» за июль 1876г.: «Обозначилась и еще одна русская личность, обозначилась строго спокойно и даже величаво, – это генерал Черняев... Военный талант его бесспорен, а характером своим и высоким порывом души он, без сомнения, стоит на высоте русских стремлений и целей... его имя стало народным... Что бы не вышло потом, он может уже гордиться своим делом, а Россия не забудет его и будет любить его» [2]. Народ действительно возвеличил подвиг Черняева. И.С. Аксаков писал в 1876г.: «В России, на всем ее пространстве поются молебны «христоролюбивому и братолюбивому вождю славянского воинства рабу Божию Михаилу» [3]. Участник боев в Сербии русский офицер Петр Гейсман в своих воспоминаниях подверг критике тактику военачальника. Тем не менее, он отмечал: «Генерал Черняев заслуживает полного уважения со стороны всех Славян вообще и Русских в особенности, так как он первый у нас явился выразителем того прекрасного чувства к нашим соплеменникам, которое охватило в описываемое время всю Россию, и той беззаветной готовности пожертвовать собою в борьбе за правое дело, которою поистине могут гордиться русские люди» [4]. В одной из терских станиц в начале XX века местный учитель Д. Еланский записал казачью песню, в которой были такие слова: «С Малки, с Терека, с Кубани, / Дети русия зямли, / Мы на пир священна(ы)й брани / Ф помощь Сербии пришли: / Нам Черняиф путь указать, / Сербии архистратих, / В битвы с нами вмести ляжить, / Если врах не сдастца в них» [5]. «Архистратиг Сербии», «Архистратиг славянской рати» – титулы, восходящие к древневизантийскому наименованию военачальника, которыми окрестила Черняева русская общественность. Поэт второй половины XIX в. Ф. Миллер писал в одном из стихотворений:

*Архистратиг славянской рати,
Безукоризненный герой!
Под кровом Божьей Благодати
Да совершится подвиг твой!
Да сохранит в борьбе кровавой
Тебя Всевышнего рука,
И память дел Твоих со славою
Пройдет в далекие века [6].*

Глубоко права советский историк-славяновед Л.В. Кузьмичева, которая в 1981г. смело заметила: «По нашему мнению, М.Г. Черняев не заслуживает многочисленных упреков в том, что он принадлежал к числу вояк, которым было все равно, где сражаться. Черняев отправился в Сербию по глубокому убеждению в необходимости

ти избавления народов Балканского полуострова от турецкого ига. Нельзя отрицать то, что его искреннее стремление помочь сербскому народу, равно как и популярность его имени в России, способствовали развитию добровольческого движения» [7].

В апреле 1876г. против «райи» («стада», «скота» – так называли в Турции немусульман) брошены карательные части. Огненный смерч накатился на христиан. Зверства дикие: у пленных болгар отрубались головы, из которых, как в Средневековье, строились целые башни. Неоднократные протесты России против истребления болгар оставались Турцией без внимания, за ее спиной была поддержка англичан. Не в силах больше наблюдать расправу над единоверцами, Сербия и Черногория объявили 18 июня 1876г. Турции войну. В ряды сербских войск влилось, по одним данным, не менее 4 тыс. добровольцев, по другим – 7 тыс. Герой взятия Ташкента в 1864г. Михаил Григорьевич Черняев князем Миланом был назначен командующим Тимокско-Моравской армией в 48 тыс. штыков и сабель. Ближайшим помощником Михаила Григорьевича становится полковник Генерального штаба В.В. Комаров, которого к концу войны сменил Д.П. Дохтуров. Оба – потомки героев Отечественной войны 1812г., как и другие приехавшие воевать – граф Коновницын, князь Чавчавадзе, майор Миних. Н.Н. Раевский привез с собой не только отряд русских добровольцев, но и огромную по тем временам сумму для сербской армии – 50 тыс. рублей.

Около двух тысяч русских добровольцев погибло в боях за независимость Сербии. Среди павших – штаб-ротмистр Николай Алексеевич Киреев, выходец из известной аристократической семьи. Он окончил Пажеский корпус, служил в Лейб-Гвардии конном полку, в 1868г. стал секретарем Петербургского славянского комитета. В начале войны Николай Алексеевич вступил в сербскую армию в чине майора и по поручению генерала Черняева принял участие в формировании болгарских добровольческих отрядов. Возглавив один из них, он провел смелый и успешный рейд за границу Сербии – в Болгарию, к перевалу Кадибогаз и селу Белградчик. В рамках планируемой операции Тимокско-Моравской армии против корпуса Осман-паши, майор Киреев в начале июля 1876г. получил приказ атаковать коммуникации турок на болгарской территории. Отряд Киреева, в который входили три сербских батальона, болгарские добровольцы и артиллерийская батарея, атаковал неприятеля в районе Великого Извора и захватил турецкие позиции в селе Раковицы. Но развить успех не удалось из-за трусости командира резервного батальона капитана Илие Цветковича. Лишенные поддержки передовые

части отряда Киреева стали отступать под натиском турок. Пытаясь личным примером остановить солдат, русский офицер бросился в гущу боя с криком «Вперед храбрецы!», но был смертельно ранен несколькими пулями в грудь. Остатки отряда, поддавшись панике, бежали, оставив на поле боя своего командира и остальных погибших «войников». Но подвиг русского офицера и дворянина забыт не был. После освобождения Болгарии в 1878г. в честь русского добровольца за речная часть села Раковицы получила название Киреево [8]. Гибель русского офицера символична. По свидетельству современников, «движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, со смертью Киреева быстро двинулось вперед» [9]. Оно дало новое дыхание казалось бы уже безнадежной борьбе. Как отмечал сербский историк Слободан Иованович, прибывшие из России в Сербию волонтеры «внесли новое одухотворение в сербские войска», усилили сопротивление турецкому наступлению и в решающих боях, хотя и закончившихся поражением, «сражались лучше», более стойко, чем неопытная сербская милиция [10]. Активная участница русско-сербского благотворительного комитета в Белграде Е.О. Лихачева писала в сентябре 1876г., когда сербская армия терпела неудачи: «Сербия держится теперь русскими. Русские дерутся храбро; они учат сербов умирать; русских шлют в огонь первых...» [11]. Один из сербских офицеров говорил П. Гейсману: «Действовать вместе с русскими крайне опасно; это какие-то отчаянные люди, которые нисколько не дорожат ни своею, ни чужой жизнью; они думают только о наступлении, а отступления не допускают вовсе» [12].

Даже те, кто не читал знаменитый роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина», знают его начало и финал. Начало: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по-своему. Все смешалось в доме Облонских!» Финал: после самоубийства Анны Вронский уезжает в Сербию добровольцем на войну с турками. О дальнейшей судьбе его Толстой не упоминает, однако очевидно, что Вронский покидает Россию, чтобы умереть: «Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла». Слова о желании смерти не просто художественный приговор Льва Николаевича своему герою, обусловленный логикой развития сюжета. У графа Алексея Вронского был реальный прототип, который действительно погиб в Сербии. 20 августа 1876г. на высоте Голо Брдо, что у селений Горни Адровец, получил смертельное ранение отставной офицер русской армии Николай Николаевич Раевский. Литературоведы сходятся во мнении, что именно с него писал Толстой образ возлюбленного Анны [13]. Ни-

колай Николаевич родился в 1839г. в известной генеральской семье героев 1812г., окончил физико-математический факультет Московского Императорского университета, затем служил в Лейб-Гвардии Гусарском полку, воевал в Туркестане, отличился при взятии Китаба. Чтобы принять участие в сербо-турецкой войне, вышел в отставку. 1 августа 1876г. Раевский зачислен в сербскую армию с чином полковника кавалерии. Прибыв в распоряжении Тимокско-Моравской армии, он получил под свою команду правый фланг обороны и уже три дня спустя показал себя в деле. 9 августа Главнокомандующий писал ему: «Без высоты, которую Вы так славно сегодня обороняли, мы не можем держаться в Алексинце. Кроме Вас мне некому поручить командование. Посылаю Вам Таковский крест.

Пусть он будет служить Вам доказательством, как я ценю Вашу сегодняшнюю деятельность. Преданный Вам М. Черняев». Похва-

*Полковник сербской армии (русской службы подполковник)
Н.Н. Раевский*

лы эти были ответом на занятие и удержание частями Раевского тактически важной высоты Пергиловац, недалеко от местечка Житковиц [14]. Однако не получив от Черняева, кроме лестных оценок, никакой реальной помощи, Раевский вскоре вынужден был оставить выгодную позицию. И снова брать ее с боем по приказу из штаба. Продолжая занимать высоту, рискуя оказаться в окружении, Николай Николаевич дважды посылал донесения Черняеву, но ответа так и не получил. 11 августа отступил. Реакция Черняева была бурной. Раевского отстранили от командования под предлогом неудобства перед сербскими офицерами. Николай Николаевич намеревался немедленно вернуться в Россию, но Михаил Григорьевич извинился перед ним...

20 августа продолжались жестокие бои под Алексинцем. Потерпев незадолго до этого поражение при Шуматовице, турки жаждали реванша и вал за валом накатывались на сербские позиции. Когда в штаб стали поступать донесения о резком ухудшении обстановки, Черняев обратился к Раевскому: «Господин полковник, прошу Вас, пожалуйста, поторопитесь к Горнему Адровцу, примите команду и постарайтесь продержаться хотя бы час, пока я не пришлю вам на помощь свежие силы» [15]. Прибыв в распоряжение батареи поручика Косты Шамановича, Раевский осмотрелся, остановил отступающие под напором турок сербские части. Несмотря на колоссальное превосходство турок в силах, ближе чем на двести шагов к редуту у Горнего Адровца им подойти не удавалось. Русские добровольцы и сербские солдаты стояли насмерть. Именно с редута Раевского началась карьера ставшего знаменитым впоследствии, во время героической обороны Сербии в Первую мировую войну, генерала Путника. Но около половины шестого вечера турецкая шрапнель ударила в левый висок Николая Раевского, пробив форменную шапку. Из-под огня бездыханное тело вынес фейерверкер Антоние Стоноевич. Черняев, по воспоминаниям очевидцев, был сражен скорбной вестью. И поныне на высоте у Горнего Адровца стоит каменный крест с полустертой временем надписью: «Русский полковник Николай Раевский погиб здесь в борьбе с турками 20 августа 1876г.» Рядом с ним возвышается небольшая церковь Св. Троицы в византийском стиле, построенная в память о Раевском и его боевых товарищах. Реальный участник событий и литературный персонаж – полковник Раевский и граф Вронский – слились в сознании сербов в единый образ. Многие из них не только расскажут, куда Толстой отправил своего героя, но и воспроизведут, пересыпая легендами, его службу в Сербии и героическую смерть, словно дописывая за Льва Николаевича эпилог романа [16].

В будущем году исполняется 150 лет со дня рождения генерала-от-кавалерии графа Федора Артуровича Келлера, одного из наиболее выдающихся кавалерийских генералов Русской Императорской армии. Известно, что он был одним из двух высших военачальников, сохранивших в феврале 1917 г. верность Императору. В ответ на сообщение об отречении Николая II командир кавалерийского корпуса Келлер отправил на имя Царя телеграмму: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя». Однако мало кто знает, что Ф.А. Келлер был сербским добровольцем в 1876 г.

Группа русских добровольцев в Сербии (1876 г.)

Во время схваток в долине Моравы добровольцы русско-болгарской бригады Келлера одержали несколько побед над турками и черкесами. Молодецкая удаля Келлера чудесным образом влияла как на добровольцев, так и на самих сербов: самые нерешительные под воздействием его примера становились отчаянными храбрецами. В конце сентября 1876 г. Келлер был назначен начальником левого крыла 3-го корпуса сербской армии. Этот крыло действовало против талантливого турецкого полководца Осман-паши, которому вскоре за умелую оборону Плевны турки присвоят почетное звание «гази» – Победоносный [17]. Воевать приходилось в сложных природных условиях, часто подвергаясь нападению банд башибузуков

и вооруженного местного мусульманского населения – турок, кавказцев и боснийцев. Нередко Келлеру приходилось выполнять довольно неприятную работу: подавлять вооруженные мятежи среди местных мусульман. В октябре 1876 г. Ф.А. Келлер был награжден серебряной и золотой медалями «За храбрость», офицерским крестом сербского ордена Такова. Но война закончилась поражением Сербии. Более половины русских добровольцев, участвовавших в решившем исход войны Джунисском сражении 17 октября 1876 г., погибли, часть находилась в госпиталях, остальные двинулись к Белграду, который стал пунктом сбора и отправки в Россию. От полного разгрома Сербию спас ультиматум русского правительства, предъявленный Турции.

Черняев после возвращения из Сербии остался не у дел, но начатая им борьба привела к освобождению славян в 1877–1878 г. Ф.М. Достоевский отмечал в «Дневнике писателя»: «Черняев возродил все славянское дело – вот, что сделал Черняев. Черняев, может быть, неразумен, с дурным характером, но он гений [...]. Славянство умело только изнывать и хвастаться, но восстать не умело. С Черняевым восстало... Славянское дело во что бы то ни стало должно было начаться, то есть перейти в *деятельный фазис*, а его никто не хотел начинать в этом смысле. Начал Черняев» [18]. Внезапное исчезновение с арены общественно-политической жизни «Архистратига славянской рати», чье имя еще несколько месяцев назад пестрело во всех газетах, поразило народное воображение. В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 г. появилась легенда о том, что генерал И.В. Гурко, герой Забалканского похода, не кто иной, как переодетый М.Г. Черняев. Корреспондент газеты «Гражданин», со слов раненого солдата, привел и другую причину «черняевской маскировки»: «...Еще, значит, с прошлого года турецкий солдат оценил его голову, вот теперь, чтобы эти самые машибузуку его не искали, Царь и приказал ему называться Гуркою» [19]. В 1880 г. Михаил Григорьевич, собрав в России пожертвования, снова приехал в Сербию, чтобы отдать последний долг своим бывшим соратникам – установить скромный памятник павшим русским добровольцам. Этот памятник был воздвигнут на Руевацком поле, у стен Шуматовацкого монастыря, где стояли насмерть русские и сербы, вырвав победу у превосходящих турецких полчищ...

Путем графа Вронского шли и кубанские офицеры. В одном из дел фонда 454 Государственного архива Краснодарского края хранится немало ходатайств о направлении в сербские войска. Так 21 августа отставной поручик Иван Иосифович Эртель, проживаю-

щий в ст. Лабинской, писал начальнику уезда: «Имея искреннее желание поступить в волонтеры Сербской Армии, я имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие принять на себя труд заявить о моем желании куда следует и ходатайствовать о выдаче мне пособия для следования в Сербию и о снабжении меня необходимыми документами» [20]. Казацкие офицеры отправлялись на Балканы под разными поводами. Войсковое начальство спохватилось лишь после получения копии письма военного министра главнокомандующему Кавказской армии от 31 августа 1876г., в котором говорилось: «В последнее время замечено, что большое число офицеров всех родов оружия подает прошение об увольнении со службы и что весьма многие из них, по получении отставки, отправляются на театр войны на Балканском полуострове, для поступления в ряды сражающихся Христиан против Турок. Государь Император, в Отеческом Своем попечении о военнотружущих, и вместе с тем во внимании к интересам самой Армии, Высочайше повелеть соизволил вменить в обязанность ближайшим начальникам частей не только не поощрять подчиненных им офицеров к выходу в отставку с означенною целью, но и предостерегать их (особенно молодых офицеров) от последствий увлечения, объясняя им, что наша армия нуждается в их службе и что в ней самой может сказаться недостаток в офицерах, так как число их далеко не соответствует потребностям военного времени». В фондах Государственного архива Краснодарского края имеется «Именной список офицерам Кубанского войска, находящимся на театре военных действий в Сербии». В нем числятся сотник Таманского конного полка Кононов, служащий по войску есаул Энгельгардт, сотник Уманского конного полка Журавель, хорунжие 5-й батареи Конно-артиллерийской бригады Василий Пахомов и Алексей Кравченко [21]. Начальник штаба Кавказского военного округа писал 3 ноября 1876г.: «Хотя о поездке этих двух офицеров на театр войны (Пахомов и Кравченко), также как о первых трех, не имеется никаких официальных сведений, но известно, что они находятся на Балканском полуострове». Командир 5-й батареи сообщал 11 октября 1876г., «что Пахомов уволен им в 3-х месячный отпуск в г. Санкт-Петербург и Одессу и что, как частично известно полковнику Назарову, офицер этот находится на театре военных действий в Сербской армии, но от кого выдан ему заграничный паспорт, сведений в бригаде нет». Пока начальство разбиралось, где находятся упомянутые офицеры, 7 декабря из Белграда в Екатеринодар пришла телеграмма: «Наказному атаману. Должен ли я возвра-

титься в войско или могу остаться в Сербии? Сотник Журавель». Начальник штаба телеграфировал в ответ, что атаман отсутствует, но «необходимо возвратиться». В делах Краснодарского госархива сохранились скудные сведения об этом офицере за 1888г. В это время Петр Лукич Журавель был есаулом 2-го Уманского полка. Он родился 20 июня 1844г., окончил курс в Кубанской войсковой гимназии, службу начал в 1867г., в офицерском чине с 28 мая 1870г. С 1 ноября 1888г. П.Л. Журавель командовал 6-й сотней, был человеком холостым и, как говорится в деле, «в военных компаниях не участвовал» [22]. Свое участие в сербо-турецкой войне есаул, видимо, предпочитал не афишировать. Встретились в документах и сведения о другом сербском добровольце, А.П. Кравченко, в 1888г. – есаулу 4-й конно-артиллерийской батареи. Он родился 30 марта 1855 г., образование получил в Санкт-Петербургской Михайловской и Воронежской гимназиях, в 1-м военном Павловском училище. Участвовал «в компании 1877–1878 гг. во время Турецкой войны в составе войск на Кавказско-Черноморском побережье был в сражениях». За участие в войне был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, чином сотника, в 1882г. получил чин есаула, в 1888г. орден Св. Анны 3-й степени, в 1891г. Станислава 2-й степени. С 1895г. есаул Кравченко заведывал батарейным хозяйством [23]. Опять же: никаких сведений об участии Кравченко в сербо-турецкой войне в деле не имеется. В отзыве окружного штаба Кавказского военного округа начальнику Кубанской области от 6 августа 1877г. говорилось: «Время бытности в отпусках, в продолжение которых офицеры принимали участие в военных действиях в Сербии, Черногории и в других восставших славянских областях Турции за честь в действительную службу только тем, которые, подав прошение об увольнении в отставку, отправились на театр войны на Балканском полуострове, не добившись отставки [...] Сроком этих действий считать 20 июня 1876 года, т.е. день объявления Сербиею и Черногориею войны Турции и окончательным 1-го февраля 1877г. в том понимании, что содержание добровольцам по распоряжению командированного в Сербию генерального штаба генерал-лейтенанта Никитина было выдано по это последнее число [...]. Доставка документов для удостоверения участия офицеров в военных действиях в Сербии, Черногории и в других восставших славянских областях возложить на самих тех офицеров; рассмотрение же сих документов предоставить начальникам дивизий и другим, пользующимся равною с ними властью». Получить удостоверенные

в Сербии документы об участии в войне было уже практически невозможно, поэтому эта компания в послужные списки не вносилась. Лишь в начале XX в. в войске вспомнили о сербских добровольцах, и то лишь о тех, которые, по подсчетам начальства, должны были дослужиться до чина есаула. Но было поздно: многие участники той героической эпохи уже сошли со сцены и не служили. 23 января 1903г. войсковой штаб направил в отделы, полки, батальоны и батареи войска циркуляр: «Вследствие телеграммы Главного штаба и по поручению Вр. и. д. наказного атамана генерал-майора Бабыча, прошу Атаманов отделов и командиров всех первоочередных полков, пластунских батальонов экстренно сообщить Войсковому штабу список на есаулов, участвовавших в Сербско-Турецкой войне 1876 года в качестве русских добровольцев и получивших раны и контузии с причислением к классу раненых, если таковые Есаулы имеются и ныне на службе» [24]. Командир 1-го Хоперского полка ответил, что «во вверенном мне полку есаулов, участвовавших в Сербско-Турецкой войне 1876г. в качестве русских добровольцев не имеется». Вскоре то же самое сообщили командиры 1-го Таманского, 1-го Ейского, 1-го Уманского, 1-го Екатеринодарского, 1-го Кавказского полков, 3-го, 4-го, 5-го пластунских батальонов, атаманы Лабинского отдела и Майкопского отделов, управления Кавказского, Темрюкского, Ейского. Екатеринодарского и Баталпашинского отделов, командование 1-го Лабинского, 1-го Полтавского и 1-го Черноморского полков, 2-го, 6-го и 1-го пластунских батальонов. Вопрос требует дальнейших архивных разысканий.

Обращение к нравственному подвигу русского дворянства на Балканах в 1876г. показывает, что бедствия южных славян вызвали очередной всплеск подвижничества, которое военный историк генерал-лейтенант Н.Н. Головин в свое время удачно назвал «чувством национального рыцарства» русского народа. Задумываясь о будущем славянского мира в условиях процессов глобализации, необходимо помнить об этих устойчивых категориях народного сознания. Общемировая цивилизация пока выступает утопией, и напротив, конкретные цивилизации, в том числе, славянский культурно-исторический тип, существовали всегда. Драматическое, постоянно возвращающееся прошлое взывает: списывать со счета идеи славянской взаимности, относить их лишь к романтическому периоду истории славянских народов – преждевременно и кощунственно по отношению к памяти наших прадедов, не щадивших жизни «за други своя».

Примечания

1. *Глуценко Е.А.* Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 425–435.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л., 1982. Т. 23. С. 105.
3. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. Освободительная борьба южных славян в 1875–1876гг. и Россия. М., 1961. С. 386.
4. *Гейсман П.* Славяно-турецкая борьба 1876–77–78гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войн 1876 и 1877–78 годов. Ч. 1. Сербско-турецкая война 1876 года. СПб., 1887. С. 156.
5. *Еланский Д.* Старинные песни терских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 39. Тифлис, 1908. С. 52–53.
6. *Михайлов А.* Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк с приложением общественного к нему сочувствия. СПб., 1906. С. 5.
7. *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876г. // Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в. М., 1981. С. 79–80.
8. *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 33.
9. *Хвостов А.Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 9.
10. *Нарочницкая Л.И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. М., 1979. С. 32.
11. Там же.
12. *Гейсман П.* Указ. соч. С. 137.
13. *Моисеева Г.Н.* Образ Вронского в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 199.
14. *Шемякин А., Югович М.* Смерть «графа Вронского» // Родина. 2001. №1–2. С. 127.
15. Там же. С. 128.
16. Там же. С. 126.
17. *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878гг. – Шкуро В.И.
18. *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 24. С. 280–281.
19. Цит. по: Золотарев В.А. Указ. соч. С. 203.
20. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 846. Л. 9.
21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1761. Л. 41.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 507. Л. 218 об.
23. Там же. Л. 354.
24. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д.8467. Л. 2.

«Из Болгарии с золотой шашкой» (о Степане Яковлевиче Кухаренко)

Среди войн, в которых участвовали кубанские казаки, наиболее популярной была Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Этой войной Россия закончила свою историческую миссию по освобождению православных и других христианских народов от османского ига. Помимо Греции и Румынии, получивших гарантии самостоятельного развития раньше, в результате этой войны такую же гарантию независимого развития со стороны европейских государств получили Сербия, Черногория, Болгария. Произошли изменения и в Закавказье: к Грузии была присоединена Аджария, а к Армении – Карская область.

На Кубани были поставлены под ружье 26 казачьих конных полков, 12 пластунских батальонов, 6 конно-артиллерийских батарей, 2 гвардейские сотни Собственного Его Императорского Величества конвоя, а из черкесов-охотников был сформирован Кубанский конно-иррегулярный полк, который, как и большинство кубанских частей, принимал участие в войне на Малоазиатском театре военных действий.

Среди тех, кто успешно воевал на Балканах, был сын наказного атамана Черноморского казачьего войска, историка, писателя и этнографа Якова Герасимовича Кухаренко – подполковник Степан Яковлевич Кухаренко.

Родоначальник прославившейся на Кубани ветви рода Кухаренковых – Герасим Романович Кухаренко прибыл на Кубань в составе Куцевского куреня в должности бунчукового товарища. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он дослужился до чина капитана русской регулярной армии. По первой переписи населения Черномории, проведенной 21 марта 1794 года, он числился в составе «служивших от бывшего Запорожья». Уже здесь, на Кубани, он женился на дочери войскового протоиерея Анне Романовне Порохня, от которой имел единственного сына Якова. После получения увечья на пограничном кордоне, он получил возможность основать в юрте Переяславского куреня хутор, который впоследствии достался внуку – Степану. Правда, к этому времени рядом с хутором был поселен Батурицкий курень (с 1842 г. станица Батуриинс-

кая) и Степан до самой смерти числился казаком Батуриинской станицы. У сына Герасима – Якова, который обосновался в г. Екатеринодаре, построив добротный дом, было пять сыновей: Герасим (умер в трехлетнем возрасте), Александр, Степан, Николай и Вячеслав. Интересно, что все четыре сына принимали участие в войне 1877–1878 гг., причем Александр и Степан командовали полками.

Степан Яковлевич Кухаренко родился 22 марта 1833 г. Воспитывался во 2-м Московском кадетском корпусе, из которого выпущен юнкером в Резервный батальон Эстляндского егерского полка 4 июня 1849 г., а 1 ноября этого же года переведен в действующий состав полка.

Высочайшим приказом от 17 марта 1851 года юнкер Степан Кухаренко переведен в Черноморское казачье войско с переименованием в урядника. Службу проходил на Черноморской кардонной линии в Черноморской конно-артиллерийской № 11 батарее. Первым поощрением по службе были 5 рублей серебром, которые он получил 3 сентября 1852 г. 30 января 1852 г. за подвиг на поле боя он был награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия под № 90374, который, вначале в народе, а позднее и официально стал называться Георгиевским крестом.

7 октября того же года за боевые отличия против неприятеля он получает первый офицерский чин хорунжего, а 5 марта следующего года назначается начальником трех конно-ракетных команд, продолжая службу на кордонной линии. За боевые отличия 13 марта 1856 г. С.Я. Кухаренко получает монаршее благоволение; 1 ноября награждается орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; 25 декабря 1859 г. – орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; 6 апреля 1861 г. – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

26 июля 1862 г. С.Я. Кухаренко производится в есаулы; 16 апреля 1863 г. назначается командиром Учебного дивизиона Кубанского казачьего войска; 7 июня 1864 г. награждается боевым орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

10 апреля 1865 г. он избирается в состав делегации Кубанского казачьего войска, которая ездила в Санкт-Петербург благодарить Императора за сокращение срока службы казаков до 15 календарных лет. 12 ноября 1865 г. он назначается командиром 10-го Кубанского конного полка [1].

Звездным часом для Степана Яковлевича стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Будучи помощником атамана Ейского отдела, он приложил много сил для формирования сводного конного полка

из казаков, находившихся на льготе. 16 ноября 1876г. полк был сформирован и получил наименование 2-го Кубанского конного полка. Следует заметить, что с началом войны законный 2-й Кубанский конный казачий полк также был сформирован и принимал участие в войне за Кавказом. Подполковник С.Я. Кухаренко был назначен исполняющим должность командира этого сборного полка Высочайшим приказом от 16 января 1877г.

Полк формировался в ст. Уманской и комплектовался в основном офицерами Уманского полка. Из других полков были прикомандированы прибывшие с командами казаков есаул Петр Барыш-Тыщенко и сотник Николай Вышеславцев из Ейского полка, хорунжие: Константин Бабич из Полтавского, Григорий Малашевич из Таманского, Ипполит Бирюков и Иван Свидин из Хоперского.

12 декабря 1876г. полк в составе 18 офицеров, 54 урядников, 18 трубачей и 796 казаков прибыл в город Кишинев и поступил в состав действующей Дунайской армии.

Целью русской Дунайской армии было оказание помощи болгарскому народу, но Болгария была отделена от наших войск территорией Румынии – вассального княжества Турции. Пока велись переговоры о пропуске русских войск, турки подтянули к границам Румынии около 45 тыс. своих солдат, с намерением разместить их на румынской территории. 4 апреля 1877г. была заключена Русско-румынская конвенция, которая определяла условия и порядок прохода русских войск через румынские земли.

12 апреля в 5 часов утра русская армия двинулась к Дунаю и к середине мая заняла левый берег реки, упредив турок. В бессильной злобе турки подвергли варварскому обстрелу расположенные вдоль Дуная русские города Галац, Браилов и др.

Форсирование Дуная началось в 2 часа ночи 15 июня. В первом эшелоне переправились части 14-й пехотной дивизии, в состав которой входили две сотни 7-го Кубанского пластунского батальона. 2-й Кубанский казачий полк, входивший в состав Кавказской казачьей дивизии генерала М.Д. Скобелева, переправился через Дунай 21 июня и уже 22 июня при сел. Делисун принял участие в сражении с черкесской конницей. (Выселявшихся с Кавказа черкесов и представителей других горских народностей турки расселяли среди христианского народа Болгарии и Сербии, и только после подписания Берлинского трактата 1 июля 1878г. они были выведены на территорию Анатолии) [2].

На правом берегу Дунайская армия была разделена на три отряда: Восточный, Западный и Передовой. Кубанцы вошли в состав Западного отряда, задачей которого было взятие городов Никополя и Плевно.

Как ни удивительно, но первой наградой, которую получили в полку, была не боевая. Русский Император Александр II «...соизволил пожаловать уряднику 2-го Кубанского полка Кубанского казачьего войска Ивану Золотареву серебряную медаль с надписью “За спасение погибавших” для ношения на груди на Владимирской ленте и, сверх того, десять рублей за оказанный им человеколюбивый подвиг при спасении утопавших 2-го мая 1877г. около сел. Синешты (Румыния) канонира Донской конно-артиллерийской № 1 батареи Наума Пшеничного и обозного рядового Израила Спевака» [3].

1 июля 1877г. кубанские казаки при сел. Делисун снова вступают в бой с черкесской кавалерией; 2 июля принимают участие в занятии сел. Градешты; 3 июля – в разбитии турок под г. Никоподем, а ночью подвергаются нападению турецкого отряда, отступавшего из Никополя.

8 июля русский отряд, состоявший из 7200 человек пехоты и 1650 кавалеристов, половину которых составляли кубанские казаки, предпринял попытку взять Плевно, но вынужден был отступить, так как турки располагали 18 тысячами пехотинцев и конников при 58 орудиях. Этот эпизод получил наименование Первой Плевны. Нужно сказать, что Плевна для обеих сторон имела важное стратегическое значение. Для русских, в случае обхода этой крепости и движения к горам, оставалась опасность, что противник в любой момент может перерезать всякую связь между тылом и передовыми частями. Поэтому бои за Плевну приобрели затяжной и кровопролитный характер, привлекая к себе все большее и большее внимание.

«За отличия, оказанные в делах с турками с 24 июня по 8 июля» офицеры 2-го Кубанского полка получили следующие награды: командир полка подполковник С.Я. Кухаренко – орден Равноапостольного князя Владимира 4 степени с мечами и бантом; этим же орденом были награждены войсковой старшина Александр Колокольцев, есаул Александр Пархоменко и хорунжий Иван Свидин. Есаулы Петр Барыш-Тыщенко и Владимир Юрьев и сотник Дмитрий Шишков были награждены орденом Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, сотник Алексей Фок – орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, а сотники Николай Вышеславцев и Николай Закрепа, хорунжие Константин Бабич, Ипполит Бирюков, Иван Карагичев и Григорий Милашевич получили ордена Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

18 июля была предпринята вторая попытка взять Плевну. Потеряв 7 тыс. человек, русские войска вынуждены были прекратить штурм. В этих боях принимал участие и 2-й Кубанский полк. Неудача привела к прекращению боевых действий на всех участках фронта до прихода подкреплений из России.

«За отличие в делах с турками при городе Плевно 18 июля и при рекогносцировке города Ловчи 26 июля 1877 года» есаулы Владимир Юрьев, Петр Барыш-Тищенко и сотник Александр Меняев были удостоены ордена Равноапостольного князя Владимира 4 степени с мечами и бантом; есаул Кузьма Венков, сотники Николай Вышеславцев, Николай Федоров и Алексей Фок были награждены орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом; есаул Александр Пархоменко получил орден Св. Станислава 2 степени с мечами; хорунжие Петр Лагунов и Константин Цамага награждены орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость». Войсковой же старшина Александр Колокольников был удостоен ордена Св. Анны 2 степени с мечами «за отличие в деле с турками под городом Плевною 7, 8 и 18 июля 1877 года».

Но русские не сидели сложа руки. В зоне боевых действий проводилась усиленная разведка. 2-й Кубанский полк был переброшен еще к одному стратегическому городу, находящемуся на пересечении Плевненского и Сельви-Ловченского шоссе. Это был город Ловча. 25 июля казаки храбро отразили набег турецкой кавалерии, а 26-го выдержали довольно тяжелый бой во время рекогносцировки укрепленных позиций вокруг города. 27 июля отбили наступление турецкой кавалерии вдоль Сельви-Ловченского шоссе.

22 августа русские войска с боем овладели г. Ловча. В боях участвовали и кубанские казаки. «За отличие, оказанное в деле с турками при взятии г. 22 августа 1877 года» командир полка подполковник С.Я. Кухаренко был награжден орденом Св. Анны 2 степени с мечами; есаулы Кузьма Венков и Александр Прохоренко, сотники Николай Вышеславцев и Николай Федоров – орденом Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, подполковник князь Керканов – орденом Св. Станислава 2 степени с мечами и сотник Никита Поваляев – орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом.

Взятие г. Ловчи повлияло на решение командования Дунайской армии предпринять третий штурм Плевны. На этот раз в штурме участвовали 52100 русских и 32000 румын. Наибольшего успеха добились румынские воины с помощью 1-й бригады 5-й русской дивизии, сумевшие захватить Гривицкий редут № 1 и отряд генерала М.Д. Скобелева, которому удалось захватить несколько редутов на центральном участке. Не получив помощи от соседей и командования армии, он вынужден был отойти. Во время этого неудачного штурма русские потеряли 13000, румыны 3000 человек. Кубанцы в это время находились на левом фланге отряда М.Д. Скобелева.

Подробности боев автору неизвестны, но есть Высочайший приказ с объявлением, что «За отличия, оказанные в делах против турок

под Плевною с 26 августа по 2 сентября 1877 года командир 2-го Кубанского конного полка подполковник Степан Кухаренко (награжден) Золотой пашкой с надписью «За храбрость» [4]. Дело в том, что награждение офицеров русской армии золотым оружием, также как и награждение орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия, имело свои особенности: во-первых, обе награды были Георгиевскими, во-вторых, ими награждали только за подвиг на поле боя, и в-третьих, вопрос о награждении решали кавалеры Георгиевской думы, которые комплектовались из лиц уже имевших к тому времени Георгиевские награды.

После третьей неудачной попытки взять Плевну на Балканы был вызван генерал Э.И. Тотлебен, прославившийся при обороне Севастополя во время Крымской войны 1853–1856гг. Совместно с генералом И.В. Гурко они разработали новый план ведения военных действий, суть которого сводилась к захвату Софийского шоссе и полной блокаде турецкой армии в Плевно. Главным направлением будущих боевых действий намечался захват Горного Дубняка и Телиша. Задолго до наступления 2-й Кубанский полк был переброшен в этот район и 10 сентября принимал участие в задержании турецкого отряда, шедшего на помощь плевненскому гарнизону из Южной Болгарии. 14 сентября он принимает участие в усиленной рекогносцировке г. Рахова, 19 сентября в бою под сел. Опанец и 5 октября под сел. Княжево. 7 и 9 октября казаки принимают участие в отражении атак черкесской кавалерии около села Чумаковцы, а за день до этого, 6 октября, проводят усиленную рекогносцировку позиций у Горного Дубняка. На рассвете 12 октября началась долго готовившаяся операция у Горного Дубняка, в которой наряду с давно воюющими войсками приняли участие все гвардейские части, прибывшие на Балканы. В тот же день был взят Горный Дубняк. 16 октября Телиш. Кольцо окружения замкнулось. Турки сопротивлялись еще полтора месяца, но во время четвертого штурма 28 ноября 1877г. 40-тысячный гарнизон капитулировал. За отличие в этих боях командир 2-го Кубанского полка С.Я. Кухаренко получил чин полковника, а его подчиненные офицеры «за отличие в делах против турок 12 и 16 октября при Горном Дубняке и Телише» получили ордена: сотник Алексей Фок – Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом, подполковник Владислав Керканов – Св. Анны 2 степени с мечами; сотник Александр Меняев, хорунжие Ипполит Бирюков и Григорий Милашевич – Св. Анны с мечами и бантом; хорунжие князь Алексей Церетелев и Петр Шапрынский – Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость»,

а сотник Николай Бузановский и хорунжий Иван Свидин – Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом.

После завершения окружения войска с боями передвигались к перевалам через Балканы. 31 октября 2-й Кубанский полк проводит усиленную рекогносцировку укрепленных позиций на Правецких высотах, 10 ноября принимает участие во взятии Этропольских укрепленных позиций, а 11 ноября – Правецких высот. С 18 по 30 ноября казаки принимают участие в боях и стычках на Златицком перевале. 15 декабря они отбили и захватили обоз неприятеля около сел. Ташкисен; 16 октября такой же обоз у сел. Яны; 18 декабря выбили турок из сел. Стольник; 21 декабря участвовали в бою на реке Эскер. Преодолев Златицкий перевал, 23 декабря казаки, в составе отряда И.В. Гурко, вошли в Софию и начали преследование противника, отступавшего по Радомирскому шоссе.

Движение с перевала в Южную Болгарию было нелегким не только из-за сопротивления противника, но и вследствие снежных бурь и заносов на горных дорогах. 27 декабря пришлось с боем брать сел. Чумурлы; 28 декабря укрепленные позиции у сел. Ново-Село; 2 января 1878г. город Татар-Базарджик; 4 января – сел. Адыкиой; 5 января – сел. Дермендере; 6 января – сел. Марково. 16–18 января довольно тяжелые бои проходили при селениях Чепелаф и Четах при преследовании корпуса Сулейман-паши в Родопских горах [5].

Для Кубанского казачьего войска конный казачий полк полковника С.Я. Кухаренко оставил не только были и легенды в памяти казаков и болгар. 16 мая 1878г. в приказе по войскам Кавказской армии и Кавказскому военному округу было объявлено, что «Высочайшим приказом, состоявшимся 17 апреля в ознаменование особенного Монаршего благоволения и в награду за подвиги, мужество и зрабость, оказанные в продолжении минувшей войны 1877 и 1878 годов войсками, действовавшими в Европейской Турции, Государь Император Всемилостивейше жалует Георгиевский штандарт с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов 2-му конному полку Кубанского казачьего войска». Такие Георгиевские награды вручались воинским частям только за выдающиеся подвиги их личного состава на поле боя или, в том случае, если больше половины нижних чинов получали Георгиевские кресты.

Император Александр II в период боевых действий неотлучно находился при Дунайской армии и видел, как воевали казаки, собственными глазами. Возможен и другой вариант, подтвердить который пока не удалось: дело в том, что награждение рядовых проводилось приказами дивизий и корпусов, в которые входил полк. А

таких документов в Государственном архиве Краснодарского края нет. Можно предположить, что больше половины казаков могли быть награждены Георгиевскими крестами: по возвращении с войны некоторые казаки этого полка были зачислены в состав Кубанского дивизиона Собственного Его Императорского Величества Конвоя и большинство из них оказались Георгиевскими кавалерами. Это приказный Архип Афанасьевич Афанасьев из станицы Дмитриевской, казаки Григорий Антонович Долгушев из станицы Невинномысской, Андрей Александрович Жуков и Никита Корнеевич Коваленко из станицы Темнолесской, Иван Тимофеевич Марьин из станицы Новотроицкой, Семен Степанович Попов из станицы Беломечетской, унтер-офицер Илья Самойлович Прокопов из станицы Петропавловской, казак Петр Никитич Самойленков из станицы Невинномысской, трубач Созонт Алексеевич Чикунов из станицы Прочноокопской и казак Кирей Агапович Чугунов из станицы Григориполисской [6].

1 апреля 1879г. 2-й Кубанский полк прибыл на станцию Уманскую и после смотра казаки были отпущены на льготу, а командир полка, полковник и Георгиевский кавалер Степан Яковлевич Кухаренко назначен командиром 1-го Таманского полка.

Через 15 лет, 8 ноября 1894г. генерал-майор С.Я. Кухаренко скончался. Отпевали его в Александро-Невском соборе, а похоронен он был на Всесвятском кладбище.

Атаман Кавказского отдела в приказе по отделу объявил, что «Отставной генерал-майор Степан Кухаренко, 61 года, принадлежащий по жительству к станице Батуринской, 8 ноября 1894 года от хронического воспаления легких умер.

Объявляю об этом по вверенному мне отделу для сведения и исполнения в отношении исключения из списков и отчетности означенного генерала» [7].

Примечания

1. ГУ «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 228. Л. 39–49;
2. *Хавжоко Шаукат Муфти*. Герои и Императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 239.
3. Приказы по Кавказской армии и кавказскому военному округу за 1877 г. (ГАКК. Справочно-информационный фонд);
4. Приказы по Кавказской армии и Кавказскому военному округу за 1878 год; Приказы Кубанскому казачьему войску 1878 и 1879гг. (ГАКК. Справочно-информационный фонд);

5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2475. Л. 247–249; Ф. 418. Оп. 3. Д. 10. Л. 108–110; В.И. Виноградов. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М. Изд-во «Мысль», 1978. С. 138–139; 145–146; 150; 172–173; 175–176; 181–182;

6. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1032. Л. 6061; 7, 22–23, 58–59, 76–78, 119–120; Д. 1029. Л. 319–320; Д. 1030. Л. 7–8, 11–12, 1-об., 10–11, 9;

7. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 38. Л. 239-об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 6928. Л. 132-об.

Ю.А. Болдырев

Освобождение Балкан от османского ига в отечественном кинематографе

Героические традиции, свойственные российской истории, всегда находились в центре внимания художников, писателей, драматургов, кинематографистов. Традиции военного кинематографа закладывались давно. Поскольку герой художественного произведения, как правило, ставится в условия, приближенные к чрезвычайным, в таких условиях характер героя и его окружения проявляется наиболее выпукло, явно. То есть наиболее ярко освещается перед зрителем, читателем, слушателем. В качестве чрезвычайных могут выступать разные обстоятельства в зависимости от жанра произведения.

Со времен создания эпоса героический характер произведений художественной культуры чаще всего обосновывается борьбой персонажей с явным или тайным врагом. Как отмечал один из самых известных исследователей эпоса В.Я. Пропп, борьба ведется «не за частное благополучие героя, а за самые высокие идеалы народа в данную эпоху» [1]. Она носит, подчеркивал он, «общенародный и общегосударственный <...> характер». В.Я. Пропп прибавлял сюда еще и классовый характер, но необходимо учитывать время создания его работ.

Традиционным является образ героя, защищающего высочайшее достояние и святыню – свою Отчизну. Ссылаясь на Н.Г. Чернышевского, В. Пропп пишет, что «масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, <...> совершались силою народа великие события...» [2]. К этим событиям он причисляет время татаро-монгольского нашествия, Отечественную войну 1812 года, Великую Отечественную войну. Определение можно расширить: на-

родные сказания, созданные в разные эпохи дают повод для этого. Вспомним, к примеру, что в лубочной литературе XIX века одним из самых популярных был сюжет «битвы русских с кабардинцами», исследованный Н. Зоркой [3]. Следует отметить, что здесь, кроме высоких целей блага Родины, важное место занимает любовный мотив (сюжет затем проявился в сочинениях великих мастеров русской литературы – А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и др.)

Не менее значимой является и тема борьбы за свободу братских народов, имеющих общее в понимании картины мира, формировании культурных ценностей, вере. В этом смысле показательна многовековая борьба с Османской империей, в том числе и за освобождение балканских народов. Чаще, правда, авторы художественных произведений обращались к сюжетам, касающимся Причерноморья и Кавказа. Так, первый полнометражный отечественный фильм, созданный в 1911 году при поддержке Императорского двора, был посвящен Крымской войне и назывался «Оборона Севастополя». В финале картины участники показанных на экране военных событий (прошло 55 лет) появлялись перед камерой и усаживались в ряд, создавая живую фотографию.

Страницы истории войны России и Османской империи 1877–1878 годов не привлекали внимания российских кинематографистов вплоть до Великой Отечественной войны. Понятие о славе русского оружия не укладывалось в советскую идеологию, и ее пониманием антитезы «старое/новое». Лишь к 1943 году ситуация изменилась. Потребовалось не просто вспомнить былую славу, но показать примеры героизма. События войны за освобождение балканских народов такой повод давали. К тому же создание «социалистического лагеря» требовало зримых образов совместной истории России и народов Восточной Европы.

В конце 1940–1950-х годов были сняты картины, отвечающие поставленной задаче. Как правило, выдающиеся советские режиссеры (С. Юткевич, А. Роом и другие) ставили фильмы совместно с восточноевропейскими кинематографистами. Это были советско-польские, советско-венгерские, советско-албанские, даже советско-монгольские ленты. В 1954 году один из создателей «Чапаева» – Сергей Васильев по сценарию известного писателя Аркадия Первенцева совместно с болгарскими кинематографистами поставил картину «Герои Шипки» – масштабное двухчасовое, цветное действо, награжденное, кстати, в 1955 году в Каннах за режиссуру. В фильме был занят цвет советского кинематографа: Иван Перверзев, Георгий Юматов, Евгений Самойлов, Николай Симонов, Бруно Фрейндлих и другие. Болгарию

представляли композитор Филипп Кутев, актеры Петко Карлуковский и ставший знаменитым в будущем Апостол Карамитев [4].

Для эпохи малокартинья (1946–1956) характерна была замена глубокой драматургии многонаселенностью, масштабностью, подчеркиванием социально-политических проблем Императорской России. Войну 1877г.с Османской империей трактовали как объявленную для того, чтобы разрядить напряженную обстановку в России, где волну возмущения вызывает «передовая часть русской интеллигенции» во главе с писателем Гаршиным и хирургом Пироговым.

В свое время авторам «Чапаева» удалось создать живые, запоминающиеся образы, вызвавшие волну интереса у многочисленной публики. «Герои Шипки», несмотря на Каннскую премию и официальное признание, такого интереса не вызвали. В фильме достаточно сухо, как в учебном пособии, констатировались события героического прошлого. После появления «новой волны» в кинематографе «оттепели» картины, составившие один ряд с «Героями Шипки», были скоро забыты.

Более чем через тридцать лет, в 1977 году, к столетию начала войны за освобождение Балкан, советские и болгарские кинематографисты вновь объединили свои усилия. И на этот раз были задействованы лучшие силы. Новую картину снял болгарин Никола Карабов, принявший участие в создании сценария, который писали известнейшие кинодраматурги Семен Лунгин и Стефан Цанев. Оператором стал один из самых значительных мастеров – Вадим Юсов. Среди актеров – популярнейшие Юрий Яковлев, Регимантас Адомайтис, Владимир Ивашов, Владислав Дворжецкий, Ролан Быков, любимые в Европе и СССР Стефан Данаилов, Коста Цонев. Фильм был цветной и широкоформатный, продолжительностью почти 140 минут. Музыка к фильму написал один из лидеров болгарской эстрады, хорошо знакомый тогда в нашей стране Тончо Русев [5].

Казалось, что и на этот раз стремление создать масштабный юбилейный монумент помешает представить историю, способную захватить публику. Тем более, что подавляющее большинство крупных батальных и исторических полотен, поставленных в предшествующее десятилетие, провалились. Достаточно назвать «Ватерлоо» С. Бондарчука, «Солдаты свободы» Ю. Озерова, «Клеопатру» Дж. Манкевича. Однако лента Н. Карабова «Юлия Вревская» не вполне разделила их судьбу.

Конечно, объемность, обилие персонажей, неудавшаяся эпичность оттолкнули часть зрителей. Но в центр повествования была поставлена драматическая судьба замечательной русской женщины – гра-

фини Юлии Петровны Вревской, роль которой проникновенно исполнила Людмила Савельева. До этого ей уже удалось справиться с одной из интереснейших и трудных ролей в фильме-эпопее. Это был фильм «Война и мир» С. Бондарчука. Позже она смогла не потеряться рядом с такими звездами как Софи Лорен и Марчелло Мastroяни в картине Витторио де Сика «Подсолнухи». Теперь она должна была прожить судьбу рано овдовевшей графини, которая, вложив все средства в организацию добровольческого санитарного отряда, становится сестрой милосердия на фронте. Была поднята тема подвига русских добровольцев, по велению души шедших на поле битвы, чтобы добиться свободы для своих братьев-славян и единоверцев. Юлия Вревская в 1878 году умерла от тифа в болгарском городе Бяла.

События, положенные в основу фильма, послужили не только поводом для создания зрелища. В картине был герой, точнее, героиня, способная вызвать любовь публики, сочувствие своим поступкам, желание следить за ее экранной судьбой. Героиня Людмилы Савельевой нашла путь к сердцам зрителей. Несмотря на то, что кинопроизведение не имело того резонанса, на который рассчитывали создатели, интерес к войне 1877–1878 годов и подвигу борцов за освобождение балканских народов от османского ига в обществе возрос.

Прошло время, в России завершилась очередная эпоха. Вновь возникла необходимость вспомнить о славном героическом прошлом страны. Сначала появились фильмы о Великой Отечественной, затем интерес кинематографистов коснулся давнего и не очень давнего прошлого. На волне этого интереса в 2005 году состоялась экранизация популярного детективного романа Бориса Акунина «Турецкий гамбит», посвященного событиям 1877–1878 годов. Режиссер Джаник Файзиев пополнил ряды многочисленных дебютантов, пришедших в большое кино, имея опыт создания музыкальных клипов. Данное обстоятельство и не позволило автору выйти за пределы зрелища.

Драматургическая основа, – а сценарий создавался при участии автора романа, – могла бы позволить создать не только захватывающее действие, но и выдвинуть образы героев. На деле этого не произошло. Клиповая подача зрелища, отсутствие характеров, перенаселенность картины звездами кино, исполняющими даже эпизодические роли, не дали возможности создать привлекательные запоминающиеся образы. Авторы умудрились потерять даже главного героя, хорошо всем знакомого по роману, – Эраста Фандорина.

Таким образом, обращение отечественного кинематографа к событиям войны России и Османской империи 1877–1878 годов выявило некоторые тенденции.

– Давление идеологии над художественной стороной. В первом и втором случае – политической, в последнем – изобразительной.

– Стремление использовать сюжеты для воспроизведения батальных и постановочных сцен, часто в ущерб логике характера героев.

– Отображение в картинах не исторической правды, а сложившихся мифологем восприятия исторических событий. Впрочем, последнее может и не быть воспринято как слабость, так как исторические события изучаются не по художественным произведениям.

В целом заметно, что обращение к событиям 1877–1878 годов совпало с периодами, когда оказались актуальными попытки утверждения своего рода новой империи – 1) сталинской: картина «Герои Шипки» снималась в 1954 году, но, по тогдашней практике в отечественном кино, задумывалась не менее, чем двумя-тремя годами ранее; 2) империи так называемого «развитого социализма»: 1977 год – год принятия соответствующей Конституции; 3) наконец, сегодня достаточно отчетливо проявляются попытки утвердить образ России если не как империи, то просто как «великой державы».

Остается надеяться, что российский кинематограф сможет избавиться от идеологических штампов в подходе к освобождению балканских народов от османского ига и предложит своим почитателям достойные произведения. Тому порукой незабываемый образ Юлии Вревской.

Примечания

1. *Пропи В.Я.* Труды. Русский героический эпос. М., 1999. С. 291
2. Там же, с. 290
3. См.: Норкая И.М. Фольклор. Лубок. Экран. М., 1994
4. См.: Домашняя синематика. Отечественное кино 1918–1996 гг. М., 1996. С. 89–90
5. Там же, с. 513

Е.М. Белецкая

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в песенном фольклоре гребенских и терских казаков

Успешное участие казаков в событиях военной истории России, несомненно, как и большой вклад казачества в культурный фонд исторического фольклора. Среди отличившихся на русско-турецкой войне 1877–1878 гг. было более сорока казачьих полков, в том числе 11 полков терских казаков, прошедших только что боевую школу в Кавказской войне [1]. Из 32-х песенных сюжетов этого исторического периода, опубликованных С.Н. Азбелевым, большая часть создана казаками или бытовала среди казаков. Отсутствие паспортизации перепечатанных песен не дает возможности провести более точный количественный анализ текстов.

Народная история, запечатленная в песнях казачества, была связана с турками еще с XVII века. Это сюжеты «Казак говорит об Азове», «Турки плывут на Русь» («Не два сокола из дубравушки они вылетали»), «Гребенской казак в турецком плену» и др. [2]. В песнях изображение события, имевшего место в действительности, сочетается с обобщением целого явления, типичного для определенной эпохи. «Выветривание» со временем исторических деталей, сокращение текста, сохранение лишь описательной части, которой придается характер завершенности, ведут к тому, что содержание некоторых песен не может быть отнесено к какому-то конкретному факту и определенному времени. Так, в сюжете о турках, плывущих на Русь, переплетаются впечатления от разных событий и эпох, вплоть до конца XVIII – начала XIX вв. Это отметил в комментариях к тексту Б.Н. Путилов [3].

Значительная группа песен XVIII века отражает войны с турками на Кавказском участке. Казачество принимало участие в русско-турецкой войне 1769–1774 гг. Наряду с песнями, где упоминались конкретные исторические лица («Румянцев и Нурханпаша», «Воронцов просит казаков поймать турецкого пашу» и др.), возникали тексты, в которых отражались настроения казачьих и солдатских масс, вся тяжесть и кровопролитный характер русско-турецких войн. Характеристика «нехорошей» турецкой земелюшки, которая перевела «лучшие наши головушки», «каза-

чия» да «солдатская» – кульминация песни «Турецкая земля», записанной уже в XX веке Б.Н. Путиловым в станице Старощедринской от Н.М. Литвина [4].

Основные циклы песен о войнах с турками сложились в XIX веке. Роль русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в исторической картине мира кубанского казачества убедительно показана в монографии О.В. Матвеева, который привел большое количество фольклорного материала, преимущественно кубанского [5]. Песни об этой войне сохранились и в памяти гребенских казаков – в публикациях и рукописных источниках XIX века, в опубликованных записях экспедиции Б.Н. Путилова 1945 г., в архиве экспедиций Чечено-Ингушского пединститута (ЧИГИ) 1965–1969 гг. и фольклорной практики студентов Чечено-Ингушского университета (ЧИГУ) на протяжении 1972–1990 гг.

Начинают цикл песни о «дне двенадцатом апреля» и о переходе турецкой границы. Примечательно, что традиционные исторические песни чрезвычайно редко содержат указание на время и намного чаще указывают точку или линию в пространстве, т.е. место действия (город, реку и т.п.). XIX век вносит свои коррективы в фольклорную поэтику. И одна из причин этого процесса – следование другим, уже литературным, традициям (книжный характер текста), а иногда – удачное авторство, соединяющее народное и официально-государственное, фольклорное и книжное. Один из таких примеров – песня «природного гребенского поэта-казака», уроженца станицы Червленной, командира Лейб-Гвардии Терского эскадрона Собственного Его Императорского величества конвоя П.Т. Кулебякина [6], которая очень быстро стала фольклорной по бытованию. Это песня «С богом, терцы, не робей», известная по публикациям и рукописному сборнику из станицы Червленной (хранится в личном архиве автора; далее – РС в ссылках на источник текста) [7].

История написания песни связана с манифестом 12 апреля 1877 года об объявлении войны, и посещением государем императором эскадрона конвойцев. Из документальных источников видно, что слова государя, обращенные к эскадрону («Благодарю Вас за молодецкую службу при мне, поручаю Вам брата, берегите его, а когда пустит вас в дело, то, надеюсь, будете молодцами, не посрамите славы отцов»), почти дословно совпадают со словами царя в казачьей песне [8]. Ее функция заключалась не столько в отражении уже состоявшегося исторического события, сколько в напутствии казакам, в напоминании о прежней славе, в установке на победу: «С богом, терцы, не робей / Смело в бой пойдем, друзья!/Бейте,

режьте, не жалея/Басурманина врага. / Там, далеко за Балканом/Русский много раз шагал/И, карая вражьи станы,/Гордых турок побеждал./Мы идем путем прадедов...» и т.д. (РС. № 86). Авторская песня, таким образом, объединяет поэтику военно-бытовых и собственно исторических песен.

В песнях этого цикла имеет место переключки событий. Так, в песне «Белый русский царь желает» присутствует следующий мотив: «Царь посылает брата Николая наказать турок» (РС. № 80). Встреча царя с терцами отражена в сюжете «Сражение под Ловчей», записанном в станице Наурской (публикация 1893 г.): «Царь при встрече своих терцев / Молодцами называл / И награду за победу / Сам всем лично раздавал» [9]. Появление Николая, Великого князя, отражено в песне «На Дунае мы стояли» [10]. Имя Николая повторяется в болгарской песне, известной гребенским казакам-конвойцам – «Шуме морице укрововлена»: «Чуйте, воспойте, генерал наш, / Ще ти запойте Николаю марш» (РС. № 77), в которой речь идет о генерале И.В. Гурко.

Сюжетные ситуации казачьих песен отражают перемещения в пространстве, важные для исторической картины мира. Это переход через турецкую границу: форсирование Дуная на Балканском фронте и р. Арпачай – на Кавказском. Немаловажное значение имело взятие городов, занятых турками, т.е. преодоление «чужого» пространства и его освобождение от «злых» и «гордых» врагов. Традиции исторических песен-описаний тех или иных сражений нашли отражение и в форме сюжетов о русско-турецкой войне. Это сходство композиции и ритмики, использование повторяющихся мотивов и т.д. Необходимо отметить и литературное влияние на содержание и на форму песен. Это отнюдь не пародирование формы, это не песни-переделки, а применение освоенного ранее литературой к новому содержанию, своеобразное продолжение, дальнейшее развитие темы.

Литературные образцы легко угадываются в сюжетах: «Скобелев под Плевной» («Было дело так под Плевной, / Дело славное, друзья. / Мы дрались тогда все с турком / Под знаменами царя»); «Гвардейцы и казаки под Филиппополем»: «За Дунаем, за рекой / В стороне турецкой / Мы дрались со врагом / Даже в день крещенский» [11] и др. В последнем тексте нетрудно обнаружить использования композиции народных песен русско-кавказской войны. Достаточно сравнить два текста – «В Воздвиженской крепости на страстной неделе» (РС. № 50) и уже упомянутый, «За Дунаем за рекой». Мотив ожидания полководца (Миллера в первом тексте – Гурко во втором), при-

ветствие и дальнейшие военные действия описаны со значительной степенью сходства:

1-й текст: *...И уехал командир Миллер с казаками,
А куринцы-молодцы за ним поспешали.
Мы к аулу подошли, петухи пропели,
А куринцы-молодцы скоро подоспели.
Растрекляты басурмане на бекете спали,
А куринцы-молодцы ружья отобрали.
Растрекляты басурмане три выстрела дали,
А куринцы-молодцы на «ура» (в)скричали.*

(РС. № 50)

2-й текст: *...И поехал командир/Вперед с казаками,
А пехотные полки/За ним поспешали.
Под Балканы подошли –/Петухи запели,
Мы, гвардейцы, молодцы,/Скоро подоспели.
А что турки, подлецы/На Балканах спали,
А гвардейцы, удалцы,/Все ружья забрали.
А что турки, басурмане,/Два выстрела дали,
Как гвардейцы, молодцы,/Все «ура!» вскричали.*

(Исторические песни. С. 388)

Сюжет «Отпор Мухтару-паше» («Ну-ка, вспомните, ребята, / Как стояли мы в горах, / Как не раз пашу Мухтара / Мы пугали на горах») также перекликается с созданной ранее песней об обороне Зирян, вплоть до текстовых совпадений [12].

Обращение казаков к песенным традициям и опыту прошлых сражений подтверждается не только текстуально, но и документально. Как отметил О.В. Матвеев, участник героической обороны крепости Баязет урядник Сергей Севастьянов рассказывал А.Д. Ламанову, что на «14-й день нашего мученья», когда казаки стали забивать лошадей, мне припомнилась песня наших отцов из войны с кавказскими горцами: «Всю рогатую скотину / Дочиста перевели, / Стали есть мы лошадину, / И варили ее и пекли. / Вместо соли мы солили / Из патрона порошок» [13]. Действительно, поведение прадедов в схожих обстоятельствах давало установку на поведение в настоящем. Наверное, именно поэтому так быстро откликнулись казаки песней на новое сражение, новую войну, используя типичную ситуацию и сохраняя определенный стереотип поведения и восприятия событий. Схематизм сюжета не является недостатком, наоборот, подчеркивает традиционность воинской стратегии и тактики в сходных условиях, установку на преодоление трудностей и на достижение победы.

Лермонтовские реминисценции угадываются в следующей песне, известной в рукописном варианте конца XIX века (ст. Червленая, РС. № 99) и в публикации Г.М. Попова (СПб., 1902) «Полночь наступает, луна горит светло» [14]. Ритмика первой строки соответствует началу стихотворения М.Ю. Лермонтова: «Горные вершины / Спят во тьме ночной». Тематическое сходство подчеркивает и припев: «Горные вершины, я вас увижу вновь. / Балканские долины – кладбище мертвецов».

Оба варианта достаточно близкие, незначительные расхождения наблюдаются в начале текста: «...Идем мы тихо, стройно, подходим мы к горам, / Балканские вершины покажутся нам» в рукописном тексте, «...подходим уж к реке», «...видны нам вдалеке» в опубликованном варианте. Однако гребенская песня не содержит имени командира («Полковник наш удалый по фронту проскакал»), в опубликованном сюжете – «Полковник Комаровский по фронту проскакал» (он вместе со своим отрядом отвлекал силы турок от генерала Гурко во время завершения операции над Плевной).

Исторический комментарий помогает понять причину трагической окраски текста, присутствующей в обоих вариантах – и в более полном, опубликованном («Кукушка вестовая / О смерти говорит, / А пуля роковая / Нас с жизнью примирит»), и в рукописном: «Прощай, моя невеста, родительский мой дом. / Мне мать-земля постеля и вечный мой покой». В рукописи отсутствует строфа «Мы будем помнить славу – / Турецкую войну, / Защитим державу – / Мать Русскую землю»; основное внимание уделяется психологии человека, готовящегося к смерти, образ которого обычно присутствует в военно-бытовой лирике.

Наиболее распространенными в репертуаре гребенцов и терцев являются песенные описания сражений – под Ловчей и за Баязет и похода за Арпачай [15]. Последняя песня («Вечер поздний, непогодный») неоднократно записывалась в станицах Шелковского и Науурского рнов бывшей Чечено-Ингушской АССР – Старощедринской (1945г.), Гребенской (1965–1966гг.), Червленой (1980г.); Калиновской (1976г.). Эти сюжеты достаточно известны на Тереке и Кубани, установка на достоверность (это подтверждается историческими комментариями и рассказами очевидцев) определяет поэтику песен.

Заслуживают внимания еще два сюжета: казачья песня обобщающего характера «С Малки, Терека, Кубани», впервые опубликованная в 1879г. [16], прославляющая «лихого» Камкова, «правдивого» Скобелева, князя Бебутова [17], и «Славянский марш» (РС. № 93), лейтмотивом которого являются слова: «Мы дружно на вра-

гов / На бой, друзья, спешим, / За Родину, за славу, / За честь мы постоим». Противопоставление личного, семейного и воинского, социального, присутствующее в «Славянском марше», разрешается в пользу последнего: «Мать моя меня просила: / «Ты останься здесь, мой милый, / Поддержи ты мои силы. / Ой... не покидай меня!» / Бог пошлет тебе отраду, / Мать моя ты дорогая, / Но зовет и честь и слава. / Ура!.. Ура! Мы вперед! / Мы дружно на врагов ...» и т.д.

Таким образом, песни гребенских и терских казаков наполнены патриотизмом, пониманием необходимости помочь славянам в освободительной борьбе. Отвага и доблесть, установка на победу, преодоление трудностей вдохновляли казаков, что подкреплялось традициями народных исторических песен. При очевидном сходстве сюжетов, бытовавших у терцев и кубанцев, наблюдаются незначительные отличия в текстах, что объясняется совместным участием в военных действиях.

Устойчивая сохранность текстов среди казаков обусловлена не только общностью традиций и репертуара, но и тем, что многие военачальники были связаны и с Кавказом, и с Кубанью – происхождением, местом жительства или службы (Е.Ф. Семенкин, П.Т. Кулебякин и др.). Песенное творчество подчинялась общим тенденциям сближения книжной и фольклорной поэтики, что нашло яркое отражение в казачьих песнях о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Примечания

1. Исторические песни / Сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 2001. С. 489.
2. Исторические песни на Тереке / Подг. текстов, статья и прим. Б.Н. Путилова. Грозный, 1948. №№ 18–22.
3. Там же. С. 111.
4. Там же. №№ 67–68; 69 (вар.: Гребенцы в песнях: сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков. / Собр. Ф.С. Панкратов. Владикавказ, 1895. С. 63).
5. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII–начало XIX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 221–238.
6. Там же. С. 223–224.
7. Исторические песни. № 271; Гребенцы в песнях. С. 79–80; РС. № 86.
8. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества. С. 223.
9. Исторические песни. С. 377.
10. Там же. № 273.
11. Там же. №№ 279, 291.

12. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества. С. 74

13. Исторические песни. № 297; прим., с. 494. (Ср.: Исторические песни на Тереке. № 91).

14. Там же. № 284. Комментарий. С. 492.

15. Песни гребенских казаков / Публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б.Н. Путилова. Грозный, 1946. № 31; Исторические песни на Тереке. №№ 98–100; Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков / Публ. текстов, вступ. статья и примеч. Ю.Г. Агаджанова. Грозный, 1974. № 46; Исторические песни. №№ 280, 295–296; РС. № 95 (Сражение за Баязет) и др.

16. Исторические песни. № 300.

17. Записано от В.С. Дегтерева, 1920 г.р., в ст. Червленной в 1980 году.

Е.В. Тасев

Дружба, рожденная в боях

Во второй половине XIV века из Малой Азии на Балканский полуостров наступают полчища османских турков. Под властью завоевателей оказываются все балканские государства.

Пять веков на Балканах царит режим насилия и грабежа. Славянское население лишено всех прав и обложено непосильной данью. Но самое страшное, «кровавая дань»: население обязано каждый год отдавать определенное количество мальчиков, из которых воспитывают будущих янычар для султанской армии. Большие группы болгарского населения насильственно обращены в мусульманство. Из порабощенной страны начинается массовое бегство за Дунай и в Россию, где переселенцы встречают радушный прием как единоверцы и говорящие на близком славянском языке.

Порабощенные народы, находясь длительное время под турецким игмом, не однажды поднимают восстания, которые жестоко подавляются турками. Восстания болгарского народа особенно часто разгораются во время русско-турецких войн XVII–XIX века, расшатывая устои Османской империи, и играют важную роль в развитии национально-освободительного движения балканских народов, в том числе и в Болгарии.

Османские завоеватели не могут оборвать связи между южными славянами и Россией. Истоки дружбы между русским и болгарским народами скрыты в далеком прошлом и проверены веками: это и общая религия, и связь племен, и культурно-историческая

близость. Письменность и славянская литература тоже пришли в Россию из Болгарии.

Во время османского ига русские монастыри оказывают материальную помощь болгарским монастырям, церквям, помогают формированию болгарского национального сознания. Болгарский народ с надеждой смотрит в сторону России и ждет помощи от «дедушки Ивана», как с любовью болгары называют русский народ.

Усиление экономического и политического гнета со стороны турецких феодалов активизирует сопротивление со стороны славянских народов Балканского полуострова.

В Болгарии возникает партизанское движение – «Хайдутство». Героические отряды мстят османским завоевателям за насилие, обиды, притеснения. Были случаи, когда во главе народных мстителей вставали женщины. Разрозненное сопротивление хайдуков не отражается на системе национального порабощения и экономического гнета, но поднимает народный дух и содействует пробуждению национального самосознания. Лучшие представители народа видят в этом движении единственные на то время путь для самостоятельного участия болгар в борьбе с врагом.

В конце XIII – начале XIX века в Османской империи начинается разложение феодального общественного строя зарождаются капиталистические отношения. В порабощенной Болгарии поднимается национально-освободительное движение.

В 1762г. монах Хилендарского монастыря Паисий заканчивает свое произведение «История болгарская», которое сыграло огромную роль в возрождении самосознания угнетенного болгарского народа. Содержащееся в книге патристическое обращение к славному историческому прошлому народа содействует формированию общественного мнения по проблеме культурно-национального самоопределения.

В середине XIX века освободительное движение возглавляют представители прогрессивной демократичной общественности, цель которых – свержение турецкого господства в Болгарии. Основатель революционного движения и тактики отрядной борьбы Георгий Раковский. Он первым пытается превратить стихийное сопротивление народа в организованное движение. Из-за границы в Болгарию отправляются отряды под руководством опытных воевод, таких как Цеко Петков, Илья Марков, Панайот Хитов и др. Попытки вовлечения широких народных масс в восстание не увенчались успехом. После гибели отряда под руководством Хаджи Димитра и Стефана Караджи, в июне 1868г., отрядная тактика прекратила свое суще-

ствование. Возникает необходимость найти новые методы борьбы. В 1868г. великий болгарский демократ Васил Левский становится основоположником создания широкой сети тайных комитетов в Болгарии, которые занимаются подготовкой восстания болгарского народа. Вместе с Любеном Каравеловым им удается создать в Бухаресте Болгарский революционный комитет и разветвленную сеть тайных комитетов, но 27.12.1872г. он арестован, осужден и повешен в феврале 1873 г. После его смерти деятельность большей части революционных комитетов прекращается. В середине семидесятых годов XIX века болгарское национально-освободительное и революционное движение снова активизируется.

Расширяется круг учащейся в России молодежи. Большое количество болгарских поэтов, писателей и общественных деятелей воспитывается на традициях Пушкина и Гоголя, Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Русская революционно-демократическая мысль оказывает благотворное влияние на формирование демократического движения в Болгарии. Многие революционеры этой страны становятся последовательными проводниками идей великих русских демократов и гуманистов.

Восстания балканских славян летом 1875г. явились началом нового Восточного кризиса (1875–1878гг.), который в свою очередь вызвал обострение общего кризиса Османской империи. Обстановка в Болгарии раскаляется. Вспыхивает восстание в г. Стара Загора 16 (28) сентября 1875г., которое быстро подавляется турецкими властями, несмотря на свой локальный характер, это восстание дает толчок для распространения Восточного кризиса и в Болгарии.

В ноябре 1875г. деятели болгарского освободительного движения, скрывшиеся в Румынии после подавления Старозагорского восстания, организуют в Гюргево новый Болгарский революционный комитет, который принимает решение поднять восстание весной 1876г. В стране начинается усиленная подготовка к предстоящему вооруженному восстанию. Будущие повстанцы льют пули, снабжаются оружием, из стволов черешен изготавливают пушки. Болгарские женщины шьют форму и готовят еду. Восстание намечено на 1 мая 1876г.

Однако создавшаяся обстановка принуждает организаторов ускорить срок. Невнимательность участников, которые часто нарушают конспирацию, настораживают турецкую администрацию. По полученным от предателя сведениям о готовящемся восстании власти отправляют карательные отряды в села Пловдивского округа.

20 апреля 1876г. тревожный звон колоколов церкви и первый выстрел Георгия Тиханека в Копривштице возвещают о начале вос-

стания, которое в истории национального освободительного движения получило название Апрельского. Центр восстания – г. Панагюриште, руководитель Панайот Волов, помощник – Георгий Бенковский. Знамя для восстания сшила молодая учительница Райна Георгиева, позже названная народом «Райна-княгиня».

В горах начинается неравная вооруженная борьба с противником. Фактическим руководителем восстания становится Бенковский, который во главе небольшого кавалерийского отряда объезжает села революционного округа и координирует действия восставших, наносит неожиданные удары по противнику.

Апрельское восстание заканчивается действиями отряда Христо Ботева, известного болгарского демократа, поэта и публициста. В мае 1876г. болгарские повстанцы численностью около 200 человек отплывают на австрийском пароходе «Радецки» из Румынии. По дороге силой оружия заставляют капитана пристать к болгарскому берегу недалеко от села Козлодуй. После высадки отправляются на юг Болгарии, в сторону г. Враца. Власти, получив предупреждение о новых повстанцах, высылают навстречу карательный отряд. Во время боя 20мая (1июня) Ботев убит, сопротивление отряда сломлено.

После разгрома восстания, власти жестоко расправляются с участниками: жертвами террора становятся более 30 тыс. человек. Сожжено 80 и полностью разорено 200 сел.

Остаются тысячи сирот и вдов, сотни молодых женщин и девочек опозорены или проданы в рабство на Восток. Десятки народных героев повешены, сотни отправлены на каторгу в крепости и тюрьмы Малой Азии.

Апрельское восстание явилось кульминационной точкой в истории болгарского национального движения, оно продемонстрировало всему миру твердую решимость народа сбросить пятивековое иго. Восстание почти невооруженного населения наносит непоправимый урон Османской империи, ее господству на Балканах.

Несмотря на поражение, Апрельское восстание ускоряет решение Восточного кризиса, превращается в прелюдию русско-турецкой войны 1877–1878гг. и освобождения Болгарии от турецкого рабства.

Апрельское восстание оказало большое влияние на общественное мнение в России, вызвало горячую симпатию во всех слоях российского общества к мужественной борьбе болгар за свободу.

Созданные еще в 50-х – 60-х годах в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе славянские благотворительные комитеты считают своим долгом помогать славянским народам в освободительной борьбе. Во время Апрельского восстания они разворачивают широкую компа-

нию по сбору средств для помощи пострадавшим болгарам. Помогают материально и прибывающим в Россию детям – сиротам.

Российская пресса быстро откликнулась на восстание. Такие видные деятели российской науки и культуры, как Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин, Я.П. Полонский, И.Н. Крамской гневно осуждают в печати террор турецкого правительства. В публикациях прессы чувствуется призыв к российской общественности активнее помогать южным славянам и внушить правительству необходимость вмешательства для решения вопроса.

Под впечатлением от случившихся в Болгарии событий И.С. Тургенев пишет стихотворение «Крокет в Виндзоре», в котором сурово осуждает деятельность английской королевы и ее министров, которые поддерживают правительство султана и враждебно относятся к национально-освободительной борьбе болгарского народа. Стихотворение распространяется широко в России и за ее пределами. Сильное впечатление на русскую публику производит картина К.Е. Маковского «Болгарские мученики», показанная на благотворительной выставке, средства от которой передаются в «Красный крест» для помощи болгарскому населению. В защиту болгарского народа вступает и прогрессивная общественность западной Европы – В. Гюго, Дж. Гарibaldi, Ч. Дарвин и другие.

Все старания русской дипломатии получить согласие Турции улучшить положение балканских славян напрасны. Правительство Султана, поощряемое Западными странами, особенно Англией, не желает идти на компромисс, что вынуждает Россию 12 (24) апреля 1877г. объявить войну Турции.

Военные лишения вызывают сочувствие и популярность среди русского народа, который видит в войне только благородную миссию освобождения от ига братского народа-единоверца. В действующую армию идут служить такие известные люди как, В. Гаршин, В. Гиляровский, В. Немирович-Данченко, Н. Пирогов, Н. Склифосовский, С.Боткин. В ряды добровольцев, уехавших на фронт, значатся такие художники как, В. Верещагин, П.Ковалевский, Н. Карамзин, С. Лучшев, Е. Макаров, М. Малышев, В. Поленов, П. Соколов. Впоследствии многие из них были награждены боевыми наградами.

После объявления войны русская армия начинает сосредотачиваться в союзной Румынии и в Закавказье. Основные действия происходят на Балканах. Болгары с нетерпением ждут освободителей и готовы с оружием в руках помогать русской армии.

В конце марта 1877г. в Кишиневе начинается формирование Болгарского ополчения, ядро которого составляют участники нацио-

нально-освободительного движения, которым удалось убежать от преследователей. Дальнейшее его формирование продолжается в Румынском городе Плоешт. К июлю 1877г. в ряды ополчения вступают 7500 человек, командиром ополченцев назначен генерал Н.Г. Столетов. Военному искусству их обучают русские офицеры и младшие командиры российской армии. Болгарскому ополчению 6 (18) мая в городе Плоешт торжественно вручено знамя, подаренное жителями г. Самары, которое стало символом дружбы болгарского и русского народов и известно в исторической литературе как Самарское знамя.

Войска переправляются через Дунай в районе румынского города Зимница и болгарского города Свищев. В ночь с 14 (26) на 15 (27) июня 1877г. части русской пехотной дивизии генерала Драгомирова, успешно форсируют реку шириной 650–700 м. Блестящая переправа явилась полной неожиданностью для Запада, вызвав удивление и злобу. Восторг и восхищение вызвала эта переправа в дружественной для русской армии среде.

Признавая заслуги и способности командиров, командовавших на переправе, следует отметить помощь болгарских патриотов – болгарлоцманов, которые хорошо знали подступы к правому берегу Дуная.

15 июня русские войска занимают г. Свищов – первый город Болгарии, освобожденный от турецкого рабства. Многовековая мечта болгарского народа начинает осуществляться. Российская армия устремляется в глубину Болгарии.

Болгарский народ восторженно встречает своих освободителей. Некоторые враждебно настроенные иностранные корреспонденты признают в своих публикациях, что болгары в лице русских солдат видят своих долгожданных освободителей.

Началась великая эпопея освобождения Болгарии, в которой болгарский народ принимает активное участие.

Русские солдаты чувствуют заботу населения, неслучайно один из участников в войне говорит, что «мы шли как по матушке России».

Болгары, проводя Русскую армию по труднодоступным горным тропам, восстанавливают и ремонтируют дороги, помогают русским саперам возводить укрепления, снабжают продовольствием и фуражом. Болгарские женщины ухаживают за ранеными и больными солдатами, окружают их теплотой и вниманием.

После успешного форсирования Дуная военные действия развиваются по трем направлениям: на запад к Никополю, на восток к городу Руссе, на юг к балканским перевалам.

Южный фронт имеет особенно важное значение, так как в случае успеха перед русским войском открывается дорога к Османской

империи. Сформированный 18 (30) июля на этом участке небольшой Передовой отряд под командованием генерала Гурко (12 тысяч солдат и кавалерии с 24-мя орудиями), в состав которого входит и Болгарское ополчение, несмотря на трудности, успешно продвигается вперед. В походе болгарские ополченцы проявляют себя как смелые и выносливые солдаты. Болгарские отряды, проводники и разведчики оказывают помощь российским войскам.

25 июля (7 июля) Передовой отряд освобождает Тырново – древнюю столицу Болгарии, и подходит к подножию Балканского хребта. Предстоит преодолеть эту преграду, самым удобным считается перевал Шипка, который, как и другие два: Твырдишкий и Тревня, охраняется противником. Болгары оказывают Передовому отряду существенную помощь, указав малоизвестную тропу, из г. Тырново в долину реки Тунджа, которую турки считают непроходимой и которая заканчивается тесным проходом у села Хаинкей.

Преодолев труднодоступный перевал и освободив село, Передовой отряд генерала Гурко успешно продолжает передвигаться по Южной Болгарии. Русские захватывают главный перевал Шипка, спускаются в долину реки Тунджа и освобождают города Казанлык, Калофер, Ески-Загора (Стара Загора). Командир Передового отряда писал: «Только русский солдат может пройти за три дня такой тяжелый путь и перевезти полевые орудия. Справедливо следует отметить, что болгарское ополчение ничуть не уступает другому войску в преодолении трудностей пути».

Неожиданное появление русских войск в тылу противника вызвало панику в Османской империи. Освобождение г. Казанлык и Шипки еще больше усложняет положение султанского правительства. «Существование империи под угрозой...», – говорится в одном из донесений турецкого командования.

Из Черногории на помощь туркам отправлена сорокатысячная армия Сулейман-паши, в результате черногорцы получают возможность усилить свою борьбу против оставшихся турок.

Турки пытаются получить любой ценой превосходство в военных действиях на фронтах Южной Болгарии. Русское же войско упорно защищает занятые ими столь важные в стратегическом плане позиции.

19 (31) июля Сулейман-паша, имея пятикратный перевес в военной силе, атакует часть Передового отряда русской армии в г. Стара Загора. В тяжелых боях с турецкой армией принимает активное участие и население города, особенно молодежь и народная милиция.

Сулейман-паша, рассчитывавший на легкую победу, надеялся разгромить малочисленные силы русских, пробить путь через перевал и освободить окруженное в Плевене войско Осман-паши.

Турецкое командование, не считая потерь, бросает на это направление новые и новые части. Русские солдаты и болгарские ополченцы не однажды, бросаясь грудью на штыки, отбрасывают противника на исходные позиции, но силы слишком не равны. Противник начинает окружать ополченцев, стремясь захватить в кольцо храбрецов сплотившихся около Самарского знамени. Почувствовав опасность полного окружения, командир 3-й дружины подполковник Калитин дает команду об отступлении. Отряд отступает с боем. Знамя, развевающееся над полем боя, начинает медленно «плыть» назад, передаваемое из рук в руки, пока его не выносят из боя русский унтер-офицер Тома Тимофеев и болгарский ополченец Никола Корчев. Пять знаменосцев, в том числе и подполковник Калитин погибают.

Передовой отряд вынужден оставить Подбалканскую долину, турки, понесшие огромные потери не могут продолжить наступление, что дает возможность русским укрепиться на перевале Шипка. Генерал Гурко, высоко оценив героизм болгарских ополченцев, писал: «... В этой битве вы проявили себя такими героями, что целая русская армия гордится вами...Вы – ядро будущей болгарской армии...». Пройдут года, и эта армия скажет: «Мы – потомки славных защитников Старой Загоры...».

В августе положение русских войск Дунайской армии ухудшается, неуспешное наступление на Плевен, в котором укрепился Осман-паша, создает серьезную угрозу западному флангу русских войск. На восточном направлении, в районе г. Русе, противник пытается отрезать русских от Дуная. На Юге сосредотачиваются крупные силы Сулейман-паши.

Командование принимает решение расформировать Передовой отряд и возложить 8-му армейскому корпусу, в состав которого входят пять дружин болгарского ополчения, защищать Балканский фронт длиной 120 км. Положение русских войск Южной группировки усложняется недостатком военной силы.

Под командование генерала Столетова, который отвечает за оборону Шипки, поступают три батальона Орловского пехотного полка и четыре казачьи сотни, что увеличивает число защитников до 5500 человек и 27 орудий. Для штурма Шипки Сулейман-паша сосредоточил 27000 солдат с 48-ью орудиями. Вчетверо превосходя русские войска живой силой и вдвое артиллерией, командование противника считает, что наступил благоприятный момент для захвата перевала

и соединения с другими турецкими войсками в Северной Болгарии с последующим оттеснением русских из Придунайской Болгарии.

9-го (21) августа начинается штурм перевала Шипка турецкими войсками. Кровопролитные бои продолжаются 6 дней. Положение защитников ухудшается с каждым днем, отряд несет тяжелые потери, не хватает оружия и боеприпасов, жаркая погода и нехватка воды усложняют положение защитников, т.к. источники и родники заняты противником. Болгарское население – старики, женщины, дети, пренебрегая опасностью, доставляют воду защитникам и вывозят тяжело раненых бойцов.

Солдаты, экономя патроны, используют для обороны огромные камни, которые кидают вниз, с вершин, против наступающего противника. Возникают и рукопашные бои, в ход идут штыки и кинжалы.

В один из тяжелых дней командование находит возможность отправить в подкрепление защитникам Шипки – Брянский пехотный полк. Спеша на помощь товарищам, солдаты за 4 дня преодолевают 160 км пути, при невероятной жаре. По дороге российские солдаты встречают потоки беженцев с юга. «При приближении солдат все взрослое население падало на колени, кланялось до земли, “дай вам бог здоровья и счастья...”», – повторяли нам женщины и рыдали – все мужчины были без шапок. Много женщин, мужчин, детей были перевязаны. Это были жертвы турецкой ярости. Картина была потрясающей», – пишет очевидец событий генерал Д.А. Анучин.

Критический момент наступает 11 (23) августа. Противник начинает окружать защитников, а брянскому полку остается преодолеть еще 18 км до перевала. Каждая минута дорога. Чтобы ускорить передвижение подкрепления, посылают навстречу казаков, каждый из которых сажает на своего коня еще по одному солдату. Несмотря на усталость, солдаты брянского полка сразу идут в штыковую атаку и отбрасывают противника назад. В этот день легендарные герои отбивают 14 атак. В течение следующих дней подтягиваются и другие резервы, положение на Шипке постепенно стабилизируется в пользу русской армии. Выдержав натиск армии Сулейман-паши, защитив Шипкинский перевал совместными усилиями, болгарские ополченцы и русские солдаты выполняли одну из самых трудных и самых важных стратегических операций в русско-турецкой войне 1877–1878гг.

После победы на Шипке начинается героическая борьба за г. Плевен, осада которого продлилась четыре месяца.

28 ноября (10 декабря) 1877г. Плевен был освобожден силами русской армии, румынскими войсками и болгарским ополчением.

Захвачена в плен 43-х тысячная армия и 77 трофейных орудий, Осман-паша, раненный в бою, потеряв 6000 человек живой силы, вынужден сдаться.

Русская армия движется к Софии, совершив невероятно трудный переход через Балканский хребет, что считалось невозможным в зимних условиях. Четвертого января 1878г. София освобождена.

В середине декабря Сербия объявляет войну Турции. Западный отряд ускоренным маршем направляется в Адрианополь. 28 декабря 1877г. (9 января 1878г.) русское войско отрезает единственный путь для отступления вражеской группировки на участке Шипка – Шейново. Противник разгромлен, война идет к концу.

Успешное наступление русской армии заставило правительство Султана просить мира 19 февраля (3 марта) в Сан-Стефано подписан мирный договор.

Сбылась мечта болгарского народа – ненавистное иго, продолжавшееся пять веков, сброшено! Болгария получила свободу не от царьградских конференций и протоколов, не от слез европейских гуманистов, а от победоносной русской армии, которая освободила Плевен, прошла Шипку и испугала сам Царьград.

Во время этой освободительной войны погибли 200 тысяч русских солдат и офицеров. На местах боев 1877–1878гг. создано около 450 памятников. Самоотверженная помощь болгарского народа русской армии была высоко оценена русским командованием. Многие из болгарских патриотов были награждены русскими орденами и медалями.

Дружба, рожденная в боях, признательность народа, не угасала никогда, как бы ни складывалась история двух стран.

Каждый год 3 марта Болгария торжественно отмечает день Освобождения от турецкого ига. Болгарский народ помнит и ценит помощь России и русского народа, чтит память погибших за ее свободу солдат. Шипка стала национальной святыней, символом свободы, вершиной братства двух народов.

Раздел II.

Российско-южнославянские общественные и культурные связи

Б.Е. Фролов

9-й пеший полк Черноморского казачьего войска в русско-турецкой войне 1806–1812 годов

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в., завершившиеся победой России, объективно способствовали улучшению положения балканских народов, которые с надеждой обращали свои взоры к России и ждали от нее освобождения от османского ига. Но очередному витку открытой русско-турецкой конфронтации предшествовал мимолетный период дружбы и даже «братства по оружию». В 1798 году Россия и Турция заключили союзный договор, а в конце 1804 года турецкое правительство предложило продлить его действие. Россия согласилась, но при условии включения в него ряда пунктов, обеспечивающих интересы балканских славян.

Но вскоре Турция твердо заняла франкофильскую позицию и, заручившись поддержкой Наполеона, перестала считаться с интересами России – стала препятствовать проходу русских судов через проливы, без согласия России сменила господарей Молдавии и Валахии, обрушилась на Сербию, где в 1804г. вспыхнуло восстание под руководством Карагеоргия.

Не принимая во внимание протесты русского посла, Турция открыто стала готовиться к войне. Стараясь не допустить захвата Турцией выгодных для нее стратегических позиций, Александр I приказал русским войскам в ноябре 1806 года перейти Днестр

и занять Бессарабию, Молдавию и Валахию. Так началась русско-турецкая война 1806–1812 годов.

В этой войне приняли участие и черноморские казаки. 4 декабря 1806 года генерал-лейтенант Пущин, командовавший (по случаю выступления в поход херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье) войсками в Крыму и Черноморским казачьим войском, приказал атаману Ф.Я. Бурсаку приготовить два «доброконных» полка для несения службы за пределами Черномории [1]. Ф.Я. Бурсак предписал готовиться к походу полкам войсковых полковников Кухаренко и Ляха. По свидетельству П.П. Короленко, два конных полка черноморцев были отправлены в Крым, где содержали караул по берегу Черного моря и в ноябре 1807 года возвратились домой [2]. Ф.А. Щербина и В. Червинский пишут о командировке в Крым только одного конного полка [3]. Действительно, в архивном деле «О наряде полков Кухаренко и Ляха в Крым» имеются сведения о прибытии в Карасу Базар в феврале 1807 года только 7-го конного полка Ляха [4]. 2 февраля 1807 года Министр военных сухопутных сил генерал от инфантерии Вязьмитянов приказал войсковому атаману Бурсаку командировать в Крым к адмиралу маркизу де Траверсе один пеший полк, «назнача к составлению сего полка способнейших к мореплаванию и действию на судах пушками людей, и поместя в оный старшин сколь можно лучше в таком деле опытных» [5].

Выбор атамана пал на подполковника Паливоду, «яко опытного и искусного в мореходном деле». 18 февраля Паливода, проживавший в Тамани, получил приказ Ф.Я. Бурсака собрать старших и казаков полка в течение 5 дней и выступить к переправе через Босфорский пролив в Крым.

Выполнить подобный приказ было не реально. Вскоре Паливода донес атаману: «Из рапортов сотенных командиров вижу я, что по причине разбредшихся по разным местам во всей сего войска земли полка мне вверенного казаков, нет никакой возможности в назначенной в повелении вашего высокоблагородия срок собрать, так я предписал им строго ... чтоб набрали комплект из других пехотных полков» [6]. К сбору казаков подключилось Таманское земское сыскное начальство, по рыбным заводам полковых казаков, да и просто всех желающих собирал полковой есаул Матвеев, полковой есаул Педенко набрал с разных пеших полков 94 казака, «а больше нигде не смог сыскать».

Формирование полка проходило в урочище Курки. Набрал чуть более двухсот человек, Паливода отправил их к переправе на косу Чушка. 24 февраля Паливода со всеми наличными людьми (из каза-

ков его полка не явилось 295 человек) начал переправу через пролив. 10 марта полк, имея в своем составе 450 человек, выступил из Еникале в поход на Херсон (и во время переправы, и во время марша полк продолжал пополняться «наряженными на службу» казаками; прямо в пути подходящих людей записывал в казаки и сам командир полка). 22 марта Паливода с полком прибыл в Херсон. Именно здесь полк, до сих пор не имевший номера, получил наименование «3-го приморского казачьего полка». В середине апреля 1807г. половина полка во главе с Паливодой погрузилась на 12 канонерских баркасов и 2 десятивесельных разъездных баркаса и двинулась морем к р. Дунаю. Вторая половина полка под командой есаула Каранды осталась в Херсоне, ожидая окончания постройки остальных судов.

Формирование полка проходило в урочище Курки. Набрал чуть более двухсот человек, Паливода отправил их к переправе на косу Чушка. 24 февраля Паливода со всеми наличными людьми (из казаков его полка не явилось 295 человек) начал переправу через пролив. 10 марта полк, имея в своем составе 450 человек, выступил из Еникале в поход на Херсон (и во время переправы, и во время марша полк продолжал пополняться «наряженными на службу» казаками; прямо в пути подходящих людей записывал в казаки и сам командир полка).

22 марта Паливода с полком прибыл в Херсон. Именно здесь полк, до сих пор не имевший номера, получил наименование «3-го приморского казачьего полка». В середине апреля 1807г. половина полка во главе с Паливодой погрузилась на 12 канонерских баркасов и 2 десятивесельных разъездных баркаса и двинулась морем к р. Дунаю. Вторая половина полка под командой есаула Каранды осталась в Херсоне, ожидая окончания постройки остальных судов.

Прибыв в г. Тулча, отряд Паливоды поступил в распоряжение командира Дунайской гребной флотилии капитана 2-го ранга Микрюкова. В своих рапортах подполковник Паливода именуется себя «командир 12-ти канонерских баркасов». Последний из рапортов датирован 10 мая 1807г. 12 мая командир полка подполковник Паливода погиб. Обстоятельства его смерти не совсем ясны. П.П. Короленко описывает их так: 12-го мая Паливода был отряжен с казаками для взятия на неприятельском берегу турецкой батареи, но разыгравшеюся на Дунае бурей казачьи баркасы разбросало и сам Паливода, отнесенный волною под неприятельскую батарею, был убит, вместе с прочими, бывшими в нем казаками» [7].

Историк ошибается, зачисляя в число убитых команду баркаса, на самом деле казаки были взяты в плен. В рапорте командира пол-

ка от 21 февраля 1808г. имеется следующее сообщение: «Поступили в полк возвращенные из плена, захваченные 12 мая 1807г. неприятелем вместе в баркасом в сражении под селением Приславом сего полка казаки» [8]. Кроме того, все потери полка за летнюю кампанию 1807г. исчислялись в три человека: 12 мая убит подполковник Паливода, в том же деле смертельно ранен есаул Лозинский, и один хорунжий скончался от болезни [9].

Столь незначительные потери объясняются тем, что военные действия уже фактически прекратились, вследствие блестящих побед русской армии и флота. 2 июня генерал-лейтенант М.А. Милорадович разбил турок под Обилешти, а 19 июня вице-адмирал Д.Н. Сенявин разгромил турецкий флот под Афоном. Между Россией и Турцией было заключено Слободзейское перемирие и военные действия прекратились до 1809г. По условиям перемирия турки обязывались прекратить военные действия и против Сербии.

Тем временем «командиром 23-х канонерных баркасов» стал полковой есаул Каранда, затем полк возглавил полковой есаул Педенко. Интересно отметить, что в документах июля-сентября 1807г. полк называют то «3-м пешим», то «3-м морским», то «9-м пешим». Впервые название «9-й пеший полк» встречается в приказе де Ришелье атаману Бурсаку 31 июля 1807г. 10 августа полковой командир Педенко докладывал Бурсаку: «... войска Черноморского 3-й морской полк под Измаилом... при острове Четале на 23 канонерных военных баркасах состоит в совершенном благополучии» [10]. 17 августа де Ришелье приказывает атаману Бурсаку командировать в 3-й пеший полк старшину для командования полком, трех есаулов, трех сотников, трех хорунжих и одного сотенного есаула.

19 сентября 1807г. Ф.Я. Бурсак рапортует де Ришелье, что на место подполковника Паливоды командирован войсковой старшина Матвеев. 11 ноября 1807г. Г.К. Матвеев прибыл в Килию и вступил в командование полком. С октября 1807г. в бумагах де Ришелье вновь появляется выражение «9-й пеший полк».

Полк простоял в бездействии при Килии до июля 1809г. При этом он нес большие потери – бежавшими и, особенно, умершими от болезней. В некоторых месячных рапортах число умерших показано более 20 человек. Положение казаков было просто бедственное. 4 июля 1808г. Г.К. Матвеев доложил войсковому атаману Ф.Я. Бурсаку: «Казаки же собраны в оной [полк] разных полков, все одинокие с рыболовных заводов, и таковые кои чтобы не только приличного его звания одеяния, но и самого нужного ежедневного не имели, а ныне чрез столь долгое время и что

более всегда на открытом воздухе от ненастей и последнего лишаются...» [11]. 23 сентября Матвеев рапортовал о новой проблеме: «за отбытием из оного [полка] разными случаями немалого числа нижних чинов, и кроме оных, другие за старостью лет и искалеченные болезнями к службе есть неспособные, остается ныне на баркасах весьма малое количество, что при случае с неприятелем действия ... работать совсем некому» [12]. Для укомплектования полка Матвеев просил разрешить зачислить в него «буджайских» казаков.

Вскоре и сам Матвеев, «препоручив» полк полковому есаулу Педенко, отправился в Екатеринодар «по полковой надобности». Уехал он в декабре 1808г. на один месяц, а в марте 1809г. его и других офицеров уже стал разыскивать сам командующий Дунайской флотилией. Чем занимался Матвеев в Черномории, установить не удалось. Первый рапорт его после возвращения в полк датирован 31 марта 1809г.

Между тем в марте 1809г. возобновились военные действия. Неудачный штурм Браилова и Журжи заставил русскую армию отступить. Это позволило туркам двинуть главные силы в Сербию. Дела приняли катастрофический оборот: турки опустошили всю страну и уже угрожали Белграду [13]. Генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский ограничился лишь поисками на нижнем Дунае, заняв без боя Тульчу и Исакчу. 9-й пеший полк на 23 канонерских и 3-х разъездных десятивесельных баркасах передислоцировался в Тульчу.

Под руководством Багратиона русские войска полностью очистили Молдавию и Валахию, овладели Измаилом. В итоге кампании 1809г. от противника был освобожден весь северный берег Дуная от крепости Гирсова до устья реки. 9-й пеший полк зиму 1809–1810гг. провел в Браилове, а в апреле 1810г. разместился при Гирсове. В мае 1810г. полк участвовал в осаде Силистрии, которая сдалась уже через семь дней. За это дело командир полка Г.К. Матвеев был награжден орденом св. Анны 4-й степени [14].

В июне-июле полк принимал участие в неудачных для русской армии осадах Рущука и Журжи. Разгром турок 26 августа на Батинской позиции под Рущуком позволил русским войскам прочно овладеть дунайской магистралью.

Желая закончить кампанию покорением всех дунайских крепостей и провести диверсию для сербов, генерал Н.М. Каменский двинулся от Рущука правым берегом вверх по Дунаю Никополь и Северин сдались без сопротивления, весь север Болгарии был очищен от турок, а летучий отряд графа Воронцова овладел Плевной, Ловчей и Сельви. Генерал Засс с 12000 человек был двинут на помощь сербам

и разбил турок под Береговым. Однако осеннее время и недостаток фуража вынудили Каменского в октябре вернуться к Руццуку. 9-й пеший полк базировался в Руццуке уже с сентября 1810г., в декабре полк вернулся в низовья Дуная к Галацу.

В кампанию 1811г. русскую армию возглавил М.И. Кутузов. Турки потерпели поражение под Руццуком и у Слободзеи. В ходе подготовки Слободзейской операции М.И. Кутузов отправил к Турно и в устье реки Жио часть своей флотилии, которой удалось 26 августа захватить и уничтожить турецкую флотилию у местечка Лом-Паланка [15]. В этом сражении участвовал и 9-й пеший полк черноморских казаков, командир которого был удостоен ордена св. Анны II ст. Итогом кампании 1811 г. стало разоружение турецких войск и подписание перемирия между Кутузовым и верховным визирем. Мирные переговоры протекали очень тяжело и 3 января 1812г. Кутузов по приказу императора прервал их. 13 февраля возобновились военные действия. В Петербурге возникла идея высадить десант в Константинополе. Для этой цели готовились морские и сухопутные силы.

9-й пеший полк насчитывал в это время примерно 250 человек. Убыль в личном составе по-прежнему была очень ощутимой и прежде всего из-за болезней. Так, в мае в Черноморию отправили 29 негодных к службе казаков: «7 от полученных ран, 22 от болезненных припадков» [16].

11 июня 1812 г. в Бухаресте был заключен русско-турецкий мирный договор. По данным В.И. Шкуро, 9-й пеший полк в это время находился в составе Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова в Сербии [17]. Возможно, полк входил в состав войск, введенных в Сербию для осуществления «Адриатической экспедиции», в ходе которой предполагалось занять Далмацию и все побережье Адриатического моря [18]. Экспедиция планировалась как ответ на возможное вторжение турецких войск в Сербию.

Вторжение войск Наполеона в Россию резко изменило стратегическую обстановку. Дунайская армии (и 9-й пеший полк в ее составе) выступила в Вольнскую губернию через Фокшаны, Яссы, Хотин, Заславль и Острог [19]. Здесь она соединилась с 3-й Западной армией; 9-й полк вошел в состав корпуса генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина.

Положение нижних чинов полка оставалось столько же бедственным, что и несколько лет назад. В рапорте командир полка подполковника Матвеева от 3 августа 1812г. к капитану 1-го ранга Попондопуло сообщалось: «Вашему высокоблагородию неизвестно, что Черноморский казачий 9-й полк ... продолжает службу на флотилии

1807г. с февраля м-ца на собственном своем иждивении и при откомандировании его с войска составлен он за скорость с разных полков с самых бедных, не имеющих у себя никаких достатков... Сей же полк продолжая здесь службу беспеременно шестой год, лишился последнего обува и одеяния, – а с получаемого в год 12-ти рублевого жалованья по здешним дороговизнам никак себе исправить ни в чем не могут...» [20]. В заключение полковой командир просил отпустить для нижних чинов обувь, одежду и сабли, которыми казаки должны были обзавестись по приказу командующего Дунайской армией.

Вот в таком бедственном состоянии полк принял участие в ряде сражений с войсками Наполеона (польских частей). 21 ноября командиром полка был назначен П.Ф. Бурсак 3-й, до этого служивший адъютантом Херсонского генерал-губернатора дюка де Ришелье. Состав полка на ноябрь 1812г.: 2 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 8 унтер-офицеров, 254 рядовых.

По свидетельству нового командира, полк участвовал в боевых действиях по 1 февраля 1813г. и имел в своем составе 272 человека [21]. В январе 1813г. М.И. Кутузов приказал отправить 9-й полк на Кубань. 3 мая полк достиг границ войсковой земли, а 7-го вступил в г. Екатеринодар. Стоит уточнить, что речь идет о первой команде казаков. Дело в том, что чины полка возвращались несколькими партиями, некоторые из которых напоминали просто цыганский табор: за время столь длительного военного похода ряд казаков женились и теперь двигались с женами, детьми, семейным имуществом, а кто побогаче – и с работниками [22].

Подведем итог. 23 канонерских и 3 разъездных баркаса, обслуживавшиеся 9-м пешим Черноморским казачьим полком, составляли примерно одну шестую часть Дунайской флотилии. Суда эти занимались перевозкой грузов, армейских частей, высадкой десантов русской армии и участвовали в осаде приречных крепостей. Плохо экипированные и вооруженные казаки в течение нескольких лет честно исполняли свой воинский долг и внесли свой скромный, но вполне заметный вклад в общую победу. Поражение Турции в войне 1806–1812гг. стало еще одним шагом на пути освобождения балканских славян от турецкого ига.

Примечания

1. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 249. Оп. 1. Д. 514. Л. 1.
2. *Короленко П.П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1896. С. 43.

3. Щербина Ф.И. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. С. 124; Червинский В. Памятка Кубанского казачьего войска. СПб, 1896. С. 30.

4. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 514. Л. 73.

5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.

6. Там же. Л. 27.

7. Короленко П.П. Указ. соч. С. 43.

8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 531. Л. 95.

9. Там же. Л. 74.

10. Там же. Л. 73.

11. Там же. Л. 111.

12. Там же. Л. 116.

13. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 232.

14. Кубанское казачье войско. 1696–1888 / под ред. Е.Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 272.

15. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 67.

16. ГАКК. Ф. 250 Оп. 2. Д. 234. Л. 74.

17. Шкуро В.И. Георгиевские кавалеры-кавказцы на службе в кубанских казачьих частях // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона. Краснодар, 2002. С. 142.

18. Первое сербское восстание 1804–1813гг. и Россия. Кн. в 2-х т. М., 1983. С. 258.

19. Кияшко И.И. Кубанцы в войне 1812г. // Кубанский сборник. Т. 18. Екатеринодар, 1913. С. 540.

20. Цит. по: Нерсисян М.Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965. С. 340.

21. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 233.

22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 648. Л.л. 4, 21.

О. Л. Опришко, А. А. Максидов

Владимир Александрович Черкасский и его роль в освобождении Болгарии от османского ига. (1877–1878гг.)

В русско-турецкой войне 1877–1878 годов принимали участие и представители Кабардино-Балкарии как на Балканском театре военных действий при освобождении Болгарии, так и на Кавказском.

Участником освобождения Болгарии от османского ига был и потомок кабардинских князей, известный государственный и общественный деятель России XIX века Владимир Александрович Черкасский.

Он родился 2 февраля 1824 года в семье отставного чиновника Министерства иностранных дел, статского советника Александра Александровича Черкасского, жившего в своем имении в Чернском уезде Тульской губернии.

В 1840 году шестнадцатилетний Владимир поступил на юридический факультет Московского университета, проявив раннюю зрелость ума и самостоятельность суждений.

В 1844 году, окончив университет, он был награжден серебряной медалью за свою работу «Очерк истории сельского сословия в России». Черкасский готовил себя к научной работе. Но планы эти не осуществились – он обратил свои познания и целеустремленность в другом направлении. Как отмечали современники, «по своему уму и образованию князь мог бы составить себе блистательную карьеру. Но подобное честолюбие не пленяло его». Друг Владимира Александровича, известный в то время публицист и писатель Иван Сергеевич Аксаков, писал о нем: «Честолюбие князя Черкасского было несколько иного разряда: честолюбие – силы, себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь».

В 40-е–50-е годы он посвятил себя пристальному изучению положения крестьян в России и выработке всевозможных проектов их освобождения от крепостной зависимости. По свидетельству «Советской исторической энциклопедии», Черкасский «стоял на либеральных позициях, являясь сторонником наделения крестьян землей за выкуп».

После женитьбы в 1850 году на Екатерине Алексеевне Васильчиковой, происходившей из родовитой семьи московских дворян, он часто бывал и по нескольку месяцев жил в Москве, став своим человеком в знаменитом салоне Авдотьи Петровны Елагиной, где собирались для бесед и жарких споров писатели, журналисты, философы, общественные деятели.

Здесь Владимир Александрович встречался и близко сошелся с сыновьями Елагиной – философом Иваном и собирателем русского фольклора Петром Киреевскими, историком-просветителем, профессором Московского университета Тимофеем Грановским, поэтом, публицистом и основателем общества славянофилов Алексеем Хомяковым, писателями и общественными деятелями братьями Иваном и Константином Аксаковыми – сыновьями известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

Эти люди стояли за реформы в стране, за отмену позорного для России крепостного права. Они, как и Черкасский, являлись буржуазными либералами, и их роль в общественной жизни страны того времени была весьма значительной.

Там же, в Елагинском салоне, Владимир Александрович познакомился с Николаем Васильевичем Гоголем и Петром Яковлевичем Чаадаевым – другом Пушкина, мыслителем, автором "Философских писем», которые знало все просвещенное российское общество.

Резкий, язвительный в спорах со своими противниками, блестяще подготовленный и эрудированный Владимир Александрович умел отстаивать собственное мнение и доказывать правоту своих взглядов и позиций. У него появилось много врагов и недоброжелателей. В «Русском биографическом словаре» читаем: «Князь, хотя все еще в маленьких чинах, является в рядах знати не только по роду, но и по положению, видною особою, влиятельным лицом, любимым гостем общества. Колкий, блестящий ум, бойкий спор, остроумная находчивость и всем доступная любезность обращения очаровывали всех, везде, где бы он ни появлялся. Он читал массу книг, долго за полночь, преимущественно французских и немецких, углублялся в газеты, делал визиты и очень много сидел, чем повредил свое здоровье».

В 1859 году товарищ министра внутренних дел России Николай Алексеевич Милютин, фактический руководитель работ по подготовке реформы по отмене крепостного права, пригласил Черкасского, в то время члена Тульского губернского комитета по устройству быта крестьян, и его друга и единомышленника, историка, публициста Юрия Федоровича Самарина в Петербург. Он предложил им войти в состав членов-экспертов Редакционных комиссий, готовивших окончательный проект закона по освобождению крестьян.

Официально об отмене крепостного права в России было объявлено манифестом Императора Александра II от 19 февраля 1861 года. Несколько лет после этого Владимир Александрович находился в должности главного редактора правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, занимаясь и здесь крестьянским вопросом. В конце шестидесятых годов он занял пост московского городского головы, став активным участником проведения городской реформы в России.

Внешне Владимир Александрович был человеком среднего роста, склонным к некоторой полноте, темноволосый, с удивительно пронзительными, искрящимися за стеклами очков глазами, носивший довольно пышные усы, должны, как видно, скрадывать его крупный породистый нос. Внутренне же, образованнейший и всесторонне развитый, Черкасский был весьма близок с писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым, врачом Николаем Ивановичем Пироговым, композитором и пианистом Антоном Рубинштейном, поэтами Яковом Полонским, Федором Тютчевым, историками и

общественными деятелями Константином Кавелиным и Борисом Чичериным. Им он родственен по духу, складу ума и воззрениям.

Владимира Александровича интересовали политические проблемы. Он опубликовал на страницах журнала «Русская беседа» целый ряд содержательных статей о внешней политике России, Англии, Франции, Турции, уделяя особое внимание «турецкому вопросу», а значит, и необходимости освобождения от многовекового османского ига народов Болгарии, Югославии, Румынии, Греции.

В 70-х годах Черкасский побывал в Италии и Франции. С сожалением и разочарованием писал он из Флоренции Юрию Федоровичу Самарину: «Я убедился, что я для света отяжелел, что в мире людская память меня покинула даже в кругу моих прежних присных; что сам я утратил способность и случай сближения с более молодым поколением. Остается примириться с этим положением, научиться оставаться чуждым тому движению – разумному или неразумному, которое совершается вокруг тебя, и доживать свой век, как можно скорее». В это время Черкасскому было пятьдесят два года.

Но рано еще хоронил себя «этот государственный и общественный деятель», по оценке российских исторических изданий. Ему еще предстояло проявить себя на новом, благородном поприще.

12 апреля 1877 года Россия начала войну с Турцией за освобождение братских славянских народов Балканского полуострова от многовекового османского ига. Владимир Александрович, и ранее проявлявший большой интерес и сочувствие к борьбе болгар и югославских народов за свою свободу, не мог остаться в стороне. Он обратился к военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину, высокообразованному генералу, с просьбой дать ему возможность «быть при госпиталях армии». Зная об уме, организаторских способностях, деловитости и честности Черкасского, Милютин предложил ему должность уполномоченного при действующей армии от Центрального управления общества Красного Креста России. На него возлагалась задача всеми возможными средствами помогать укомплектованию госпиталей медицинским персоналом, способствовать размещению многочисленных сумм, поступающих от Славянских комитетов солидарности на излечение раненых и больных воинов и в помощь болгарам.

А вскоре военным министром Черкасский был назначен на очень важный и ответственный пост заведующего гражданской частью при главнокомандующем русской армией в Болгарии. Ему поручалось создание Временного гражданского управления на освобождаемой от турок болгарской территории.

Из Петербурга он сначала отправился в Кишинев в главную квартиру командования, а через несколько месяцев – в город Тырново, где и разместил свою немногочисленную канцелярию заведующего гражданской частью. Необходимо было предпринимать срочные меры по налаживанию нормальной жизни болгар, вынесших столько ужасов во время османского господства, да кроме того, в результате военных действий сотни тысяч их оказались без крова и куска хлеба – отступавшие турецкие войска сжигали селения, уничтожали запасы продовольствия.

Владимир Александрович вместе с небольшим штатом и привлеченными болгарскими создает временные законы для управления на освобожденной территории, в которых давался «широкий простор самоуправлению городскому, сельскому и земскому» применительно «к потребностям болгарской автономии». Конечно, тогда что-то принималось наспех, не все могло быть приемлемым, встречались ошибочные идеи, но в главном гуманный и благородный труд Черкасского имел большое значение.

В то время, когда русские солдаты совместно с болгарскими ополченцами геройски сражались под Плевной, на Шипке и в других местах Болгарии, Владимир Александрович все свои силы отдавал тому, чтобы наладить жизнь в тылу – организовать лечение больных и раненых, разместить и обеспечить питанием болгарских беженцев. Гражданская часть создавала приюты для детей и стариков, открывала женские мастерские. То там, то здесь вспыхивали очаги эпидемии тифа, и их надо было немедленно гасить.

Черкасский постоянно находился в разъездах, выполняя еще и задание по сбору запасов продовольствия армии, для перевозки которого создает транспортные команды из болгар. Он принимал деятельное участие в организации дружин болгарского ополчения. По его предложению в тылу создавались из местного населения отряды для охраны порядка.

Владимир Александрович по роду своей многосторонней деятельности общался с популярными в армии генералами Скобелевым, Гурко, Столетовым, Драгомировым. Может быть, кто-то из них, подарив ему кинжал, и посоветовал в той боевой обстановке сменив штатское платье на черкеску с папахой, чтобы выглядеть должным образом, согласно своему положению при ставке главнокомандующего. К тому же он имел чин действительного статского советника, что приравнивалось к званию генерал-майора. И Черкасский, сугубо штатский человек, в сущности, ставший тогда военным, с полным правом облачился в черкеску, принятую в России

как форма кавказских казачьих частей, любимую многими офицерами и в других родах войск.

Там, в Болгарии, Черкасский вновь встретился с баронессой Юлией Вревской, молодой вдовой погибшего генерала. Сама она была дочерью генерала Варпаховского и в свои юные годы, после окончания Петербургского Смольного института благородных девиц, некоторое время жила у отца в Ставрополе, на Кавказе, где тот командовал резервной дивизией.

Впервые князя Черкасского познакомили с Вревской в 1876 году в Париже на вечере, устроенном знаменитой певицей Полиной Виардо, где присутствовали ее друг Иван Сергеевич Тургенев и Виктор Гюго. Среди гостей находилась и баронесса, придворная дама, считавшаяся одной из первых красавиц Петербурга, но выгодно отличавшаяся от большинства женщин своего круга умом и серьезностью. Владимир Александрович запомнил ее и заметил, как не сводили с нее восторженных глаз Тургенев и Гюго.

Затем они увиделись в Кишиневе в конце апреля 1877 года, куда Вревская приехала со свитой императора Александра II, прибывшего для объявления войскам Дунайской армии о начале боевых действий против Турции. Тогда Юлия Петровна и рассказала Черкасскому, что решила стать сестрой милосердия и отправиться на фронт в Болгарию.

Из Кишинева Вревская написала письмо И.С. Тургеневу в Париж, известив о своем намерении, а также о том, что в Молдавии при главной квартире командования находится его «приятель Черкасский».

Вернувшись в Петербург, Юлия получила ответ от Ивана Сергеевича: «Желаю, чтобы Ваш подвиг не оказался непосильным для Вас и чтобы это не сказалось на Вашем здоровье. Приехать в Кишинев к своему приятелю Черкасскому? Нет. Я хотел бы верить, что эта ужасная война не будет продолжительной. Но едва ли можно надеяться на ее скорый конец».

Слякотной, дождливой осенью встретит ее Черкасский на болгарской земле в одном из госпиталей среди крови, раненых и мертвых. И он низко склонит свою голову перед этой женщиной, одетой в скромное платье сестры милосердия. С того дня Владимир Александрович будет постоянно интересоваться, где Вревская и что с ней.

В главной квартире командования армией заведующий гражданской частью не всегда находил понимание и помощь. И здесь появились у него недоброжелатели. Бездарные военные, зарабатывавшие себе чины и награды, невзлюбили его за прямоту, независимость и

резкость суждений при отстаивании своих требований, касавшихся нужд армии и болгарского населения.

Из Москвы поздней осенью 1877 года жена писала Владимиру Александровичу, что его девятилетняя мать очень «хочет увидеть перед смертью своего Володеньку». Все хуже становилось у него со здоровьем, вконец подорванным в последние месяцы, ко всему добавилась еще и малярия. Черкасский стал подумывать об отпуске и поездке домой, в Москву, «к себе в Чернышевский переулок».

10 декабря, после многомесячной осады, пала Плевна. Русская армия в разгар зимы двинулась через Балканский хребет в Южную Болгарию. Ни о каком отпуске, конечно, он думать уже не мог: его ждали новые освобожденные болгарские города и села, где предстояло помогать болгарам создавать новое управление краем.

Вместе с наступавшими полками Владимир Александрович идет через горы пешком, пробираясь по глубокому по пояс снегу, стараясь держаться из последних сил и подбадривая других. 1 января 1878 года он встретил в пути. В южной Болгарии, как и на севере страны, предстояло все начинать сначала.

В Адрианополе у него обострилась малярия. Врачи советуют ему серьезно лечиться, но Черкасский отказывается – слишком много у него дел. «Дела – гибель, не успеваешь – писал он 31 января брату Евгению, самому близкому тогда для него, кроме жены и матери, человеку. – истомился страшно, состарился и похудел. Думаю, когда-то господь сжалится надо мною и даст мне увидеть свою семью и свой дом».

В те же дни Владимир Александрович узнал горькую, поразившую его весть: в лазарете, расположенном на правом фланге фронта, умерла от сыпного тифа сестра милосердия баронесса Юлия Вревская. Знакомый офицер рассказал ему, что Юлию Петровну похоронили в болгарском селе Бяла около православного храма. В гроб ее положили одетой в платье сестры милосердия.

2 февраля Черкасскому исполнилось пятьдесят четыре года. Лежа в постели из-за плохого самочувствия, он занимался служебными делами – принимал чиновников и офицеров с докладами, читал и диктовал письма. К вечеру 7 февраля ему стало хуже – врачи высказали мнение, что произошло кровоизлияние. Владимиру Александровичу предписали строжайший покой.

Но тяжелобольным, вопреки всем предостережениям врачей, он выезжает поездом в Сан-Стефано к Главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу с проектом «учреждения высшего управления Болгарии».

Князь прибыл в городок, лежащий под Константинополем (Стамбулом). Здесь, в Сан-Стефано, все готовилось для начала переговоров о подписании мирного договора между Россией и Турцией, признавшей право свободы для Болгарии.

Главнокомандующий, занятый смотром полков для парада, не принял его в тот день. Встретились они 18 февраля. Черкасский, с трудом держась на ногах, доложил о всех своих планах и проектах. Вернувшись к себе, он еще несколько часов занимался бумагами, внося коррективы в доклады, а вечером потерял сознание. Когда пришел в себя, говорить уже не мог – отнялся язык. В половине шестого утра 19 февраля (3 марта по новому стилю), в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, Владимир Александрович скончался.

Гроб с телом Черкасского в сопровождении почетного эскорта офицеров был перенесен на пароход, отплывавший в Одессу, а оттуда перевезен в Москву. 15 марта в церкви Московского университета, давшего ему путь в самостоятельную жизнь, состоялось отпевание покойного. В тот же день его похоронили в Даниловом монастыре рядом с могилами близких ему людей – Гоголя, Самарина, Хомякова. В наше время могила В.А. Черкасского находится на кладбище Донского монастыря в городе Москве.

Друзья и сподвижники Владимира Александровича установили на его могиле надгробную плиту из черного мрамора с надписью: «19 февраля. – Подвигом добрым подвигохся». С этой датой для Черкасского связывались два самых главных события на его жизненном пути: 19 февраля 1861 года – отмена крепостного права, и 19 февраля 1878 года – заключение Сан-Стефанского мирного договора.

«На русских костях стала Болгария, и во главе вновь созиженного гражданского строя лег сам строитель – князь Владимир Александрович Черкасский,» – писал с болью в те дни его друг, писатель, вице-председатель Московского славянского комитета Иван Сергеевич Аксаков.

«Черкасский отличался вообще теми качествами и пороками, которые свойственны людям дела, людям, призванным судьбою изменять и исправлять закоренелый строй современных им обществ», – говорилось в сообщении о его кончине, напечатанном в петербургской газете «Новое время».

Имя государственного и общественного деятеля Владимира Александровича Черкасского, спустя три года после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг., было увековечено в географических названиях. Согласно источнику, на карте российского Севера и в наши дни сохранились: «Мыс Черкасского, Берингово море, бух-

та Ткачек. Назван в 1881 году экипажем клипера «Стрелок» по фамилии русского общественного деятеля князя Владимира Александровича Черкасского (1824–1878). Гора Черкасского. Названа по рядом расположенному мысу».

Двести тысяч солдат и офицеров – убитыми, замерзшими, умершими от ран, болезней и ранеными – потеряла русская армия в боях за освобождение Болгарии от османского ига. И думается, что среди тех, кто пал там, по праву должно стоять и имя Владимира Александровича Черкасского, скончавшегося на своем посту вдали от Родины.

В Болгарии бережно хранят память об освободителях. Известно, что в Национальном военно-историческом музее в Софии хранится кинжал В.А. Черкасского. А о его деятельности написано во многих книгах и статьях болгарских авторов.

Значительный архивный материал Временного гражданского русского управления сохранился в фонде «Восточная Румелия» в Народной библиотеке «Иван Вазо» в городе Пловдиве и в некоторых личных фондах в Историческом архиве при Народной библиотеке «Кирилл и Мефодий» в Софии.

А.В. Казаков

Черкесский дворянский род Улагаев и Балканы

Весной 1877 года началась русско-турецкая война, которая проходила на Европейском (Балканы) и Азиатском (Кавказ) театрах военных действий. В этой войне активное участие принимали в составе российских войск тысячи черкесов: как кубанских, так и кабардинских.

Если на Европейском театре черкесы были представлены небольшими подразделениями или отдельными офицерами, то в «Азиатской Турции» против турок они воевали в составе ополчения: Кабардино-Кумыкского, Кубанско-Горского, Кабардино-Горского конно-иррегулярных полков, а также в составе частей Терского и Кубанского казачьих войск.

В русско-турецкую войну, в частности, отличились кабардинские черкесы из дворян (уорки), командовавшие 2-м Горско-Моздокским полком Терского казачьего войска «узень 2-й степени» (беслен-уорк) майор Тепсаруко Алтадуков под Дево-Бойну[1]. и 1-м Уманским полком Кубанского казачьего войска – «узень 1-й степени» (уорк-динуго) полковник Темирхан Шипшев под селением Халфалю[2].

За воинское отличие и личное мужество в боях против турок каждый из этих офицеров был награжден Золотым оружием и Военным орденом св. Георгия 4-й степени, позднее оба стали генералами и возведены в потомственное российское дворянство[3].

Одним из участников русско-турецкой войны 1877–1878гг. на Европейском театре военных действий в Болгарии стал выходец из причерноморских черкесских (шапсугских) дворян Кубанской области полковник Улагай Георгий Викторович, который героически погиб 22 ноября 1877г.

С 12 апреля вплоть до своей гибели он принимал активное участие в сражениях по освобождению Болгарии от османского владычества. Как усматривается из его послужного списка, «за отличие и храбрость», оказанные при знаменитой переправе войск «через Дунай у Зимницы с 14 на 15 июня 1877 года подполковнику Улагаю пожалован орден св. Анны 2 степени с мечами 5 августа 1877г.» Позднее он отличился в составе передового отряда при переходе через Балканские горы, в сражениях при городе Иене Загре 18 июля, при деревне Джуранлы 19 июля, при городе Елене 22 ноября 1877 года, где был смертельно ранен в грудь[4].

Из свидетельства, выданного командующим 34-м пехотным Севским полком от 10 июня 1878г. следует, что полковник Георгий Викторович Улагай 22 ноября 1877г. был тяжело ранен под городом Еленой и того же числа умер. 23 ноября погребен в монастыре святого Николая близ города Тырнова в Болгарии[5].

За отличие и мужество, оказанные в делах против турок, произведен в полковники 5 мая 1878г. посмертно. Исключен из списков полка убитым 7 июня 1878г.[6].

Кто же такой полковник Улагай? Чтобы разобраться в этом, обратимся к послужному списку Георгия Викторовича Улагая, составленному через полтора года после его гибели 15 мая 1879г. Из списка следует, что он родился 25 июля 1835г., происходил из первостепенных черкесских дворян. Воспитывался в Новороссийской Азиатской школе. В службу вступил унтер-офицером в резервный Черноморский линейный № 14 батальон 1 июля 1851 года. В походах и делах против «непокорных горцев» на Кавказе находился в 1851–1853гг. «За отличную храбрость и мужество, оказанные в деле при поражении сильных скопищ горцев» награжден Знаком отличия Военного ордена св. Георгия 4-й степени № 45 для мусульман установленным (17.12.1851). За отличие в делах против «непокорных горцев» произведен в прапорщики с переводом в 8-й запасной батальон Кольванского пехотного полка 30 ноября 1853г. По рас-

формированию запасных войск, прапорщик Ислам-Гирей Улагай назначен на укомплектование 34-го пехотного Севского полка 26 ноября 1856г.[7] В этом полку он прослужил ровно 21 год, вплоть до своей гибели на Балканах в ноябре 1877 года.

7 августа 1858г. он был произведен в подпоручики, 24 мая 1859г. – в поручики, 27 мая 1861г. – в штабс-капитаны. «За отлично-усердную и ревностную службу» награжден орденом св. Станислава 3-й степени «для мусульман установленным» 20 марта 1864г. Произведен в капитаны 10 апреля 1865г. «За отлично-усердную и ревностную службу» награжден орденом св. Анны 3-й степени «для мусульман установленным» 3 апреля 1867г. «За отличие по службе произведен в майоры» 8 июня 1870г. «За отлично-усердную и ревностную службу» награжден орденом св. Станислава 2-й степени «для мусульман установленным» 22 декабря 1872г.[8]

В конце 1873 – начале 1874 года майор Ислам-Гирей Улагай в связи с женитьбой на дочери обрусевшего немецкого барона, подполковника русской службы фон Аммерех Ивана – Ольге, принял православие и стал называться Георгием Викторовичем[9].

Через два года «за отличие по службе» 30 января 1876г. он был произведен в подполковники[10].

У этого отважного полковника, героически погибшего за освобождение Балканских народов от османского ига, было два сына: Анатолий (он же Апполинарий) и Сергей, которым в момент гибели отца было соответственно 3,5 и 2 года[11].

Также как и отец, оба сына избрали военную карьеру, стали кавалеристами. Анатолий, родившийся 25 октября 1874 года, погиб во время армейских кавалерийских состязаний в расцвете сил, в чине сотника Кубанского казачьего войска накануне начала русско-японской войны.

Судьба младшего сына Георгия Викторовича – Сергея Георгиевича Улагая, родившегося 19 октября 1875 года и ставшего генерал-лейтенантом и командующим Кубанским корпусом, позднее – Кубанской армии в период братоубийственной Гражданской войны, также имеет отношение к Балканам. Именно на Балканах несколько лет проживал генерал после вынужденной эмиграции в 1920 году, где за 43 года до этого погиб его отец полковник Георгий Викторович.

Кстати, после 1920 года на Балканах нашли приют офицеры-кабардинцы, бывший командующий 2-й Терской казачьей дивизии полковник Иван Петрович Барагунов с сыновьями офицером Константином Ивановичем и Борисом Ивановичем[12]., полковник Дмитрий

Семенович Келеушев с сыном-есаулом Федором Дмитриевичем[13]., штабс-ротмистр Хабиж Хажибекирович Абдрахманов[14]. и др.

Образование Сергей Георгиевич Улагай получил в Михайловском Воронежском кадетском корпусе и в Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду. В военных кругах его имя стало известно еще в русско-японскую войну 1904–1905гг., где он был тяжело ранен, а за воинские подвиги награжден пятью орденами, в том числе орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (24.05.1904), св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (16.04.1905), св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (16.04.1905), Станислава 2-й степени с мечами (25.11.1905). Тогда же он был удостоен одной из самых престижных боевых наград – ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (27.05.1907)[15].

Из аттестации, данной командиром дивизиона полковником Перепеловским, следует, что «подъесаул Улагай ... к своим обязанностям относится честно и добросовестно, но влечения к хозяйственным должностям в части не имеет, службе предан, требователен и настойчив; отлично знает и любит строевое дело, как строевой офицер отличный, к командованию сотней вполне подготовлен; физически здоров, но нервный, воспитанный, развитой и с хорошими способностями офицер; в нравственном отношении безупречен, трезвый, обладает твердым, энергичным и немного вспыльчивым характером, к казакам строг и справедлив, с товарищами живет в большом согласии. В общем – хороший, ... достоин выдвижения на должности командира сотни»[16].

Из аналогичной аттестации, данной в 1909г., следует, что «подъесаул Улагай отлично знает и любит строевое дело, лихой наездник, всему может научить нижних чинов не только рассказом, но и личным примером, любит лошадей и увлекается скаковым спортом»[17].

В Первую мировую войну полковник Сергей Улагай за свое мужество и подвиги был награжден орденами св. Владимира 3-й степени с мечами, св. Анны 2-й степени, высшими военными наградами – орденом св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием[18].

Осенью 1919г. во время реорганизации органов власти на Кубани, Сергея Улагая как основного кандидата и своего преемника на посту атамана Кубанского казачьего войска рассматривал и отстаивал войсковой атаман генерал-лейтенант Александр Петрович Филимонов, который с огромным уважением относился к Улагаяю[19].

Незадолго до окончания Гражданской войны в августе-сентябре 1920 года С.Г. Улагай возглавил неудачный десант из Крыма на

Кубань. Одной из причин неудачи стали интриги в руководстве операцией за спиной Улагая, в результате чего последний «оказался крайним» и генералом Врангелем был уволен из армии[20].

Сохранилось значительное количество документов в ведомствах, в 20-х – 40-х гг. XX века отслеживавших обстановку в российской военной эмиграции. В частности, в выпущенном Институтом военной истории МО совместно с ФСБ и СВР России в Москве в 3-х томах сборнике документов «Российская военная эмиграция 20–40-х годов» С.Г. Улагай упоминается неоднократно. Как ни парадоксально, в документах ВЧК-ГПУ, ему, несмотря ни на что, дается положительная и объективная характеристика. Приведем несколько выдержек из этих материалов:

«... генерал Улагай, глубоко честный, порядочный человек, прекрасный начальник и бесконечно храбрый офицер»[21].

«Генерал Улагай – безусловно, честен, в боевом отношении ... отличные отзывы»[22].

«Улагай – кубанский генерал и Андгуладзе – бывший начдив 13; оба люди честные и пользующиеся авторитетом среди своих войск»[23].

«Сманив Слащова[24], большевики попытались сманить на свою сторону бывшего командира Кубанского корпуса генерала Улагая, но попытка не удалась»[25].

«Улагай. Прекрасный кавалерист, пользуется любовью и популярностью среди казаков, способен поднять и увлечь массу»[26] и т.д.

К сожалению, в отечественной историографии, до сих пор бытует не всегда объективная оценка событий и лиц. Часто допускаются иногда сознательно, грубые ошибки и неточности в описании биографии этой яркой личности и достойного представителя славного рода Улагаев. В частности, в Большой Советской энциклопедии статья о Сергее Улагае содержит ряд грубых ошибок, в том числе исторического, политического и юридического характера[27].

Аналогичные ошибки содержат вышедшие в Москве книги Л.Ф. Соцкова *Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки.* – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003; О.В. Романько *Мусульманские легионы во Второй мировой войне.* – М.: АСТ – Транзиткнига, 2004.

В большинстве этих изданий Сергеем Улагаем в силу незнания реальностей или сознательно приписаны факты из жизни другого Улагая, родственника – белогвардейского полковника Кучука Касполетовича Улагая[28]. В Первую мировую войну последний в составе 18-го драгунского Северского полка (кстати, будучи непос-

редственным командиром у Семена Буденного) воевал на турецком фронте и награжден рядом боевых орденов, в том числе св. Анны 2-й степени с мечами, 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. После Гражданской войны Кучук Улагай пребывал на Балканах, в том числе в европейской части Турции, Болгарии, Югославии, а в 1924–1939 годах – в Албании, входил в окружение короля Ахмеда Зогу[29].

Еще в XVIII веке дворянский род Улагай в Западной Черкесии был известен, как один из могущественных родов среди причерноморских черкесов-шапсугов[30]. В ходе антикняжеского выступления крестьян в 1792 году и последующей «Бзюкской битвы», Улагай вынуждены были покинуть родную Шапсугию вместе с другими дворянами-соплеменниками.

Относившиеся к первостепенным дворянам – тлякотлеш, Улагаи, нашли приют у соседних черкесских народов, в частности, у натухайцев. Отдельные из Улагаев обосновались на правом берегу р. Кубань – в станице Суворово–Черкесской[31].

В ходе русско-турецкого противоборства за обладание Кавказом, Улагаи сделали однозначно свой выбор. Большинство мужчин древнего рода по достижении соответствующего возраста поступали в армию и, несмотря на тяготы и опасности военной службы, не жалея собственной жизни, верой и правдой служили России.

Нам удалось установить, представители этой фамилии были приписаны к казачьему сословию, несли службу в составе Черноморского и Кубанского казачьих войск в качестве казаков, урядников и юнкеров. Из этого рода вышло около десяти офицеров[32], в том числе, помимо упоминавшихся выше офицеров, ротмистр Исмаил Улагай, штабс-ротмистр Товшуко Улагай, штабс-ротмистр Цехадюк Улагай и др.

Представителем этого же рода был сын офицера и отец вышеназванного полковника Кучука Улагая – статский советник – Касполет Товшукович Улагай, служивший по гражданской части в Кубанской области[33], а после февральской революции в 1917 году избранный в Кубанскую Законодательную Раду от черкесов[34].

Примечания

1. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М.: Русский мир. 2004, С. 346.
2. РГВИА. Ф. 400, оп. 17, д. 6421, лл. 2, 3, 25–32-об.
3. Военный орден Святого ..., С. 356.

4. РГВИА. Ф. 400, оп. 12, д. 5040, лл. 40–46.
5. Там же, л. 18.
6. Там же, л. 40–46.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же, лл. 57–58.
12. *Казаков А.В.* Полковник И.П. Барагунов // Исторический вестник КВИГИ, вып. II. – Нальчик: Эль-Фа, 2005.
13. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2006.
14. *Чхеидзе К.А.* Страна Прометей. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004.
15. РГВИА. Ф. 409, оп. 3, д. 9425, лл. 1–2.
16. Там же, лл. 4-4-об.
17. Там же.
18. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М.: Русский мир. 2004, С. 799.
19. *Филимонов А.П.* Кубанцы // Сб. Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Ледяной поход. М.: Голос, 1993.
20. *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Издательский Дом «Нева», М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003, С. 583.
21. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы в 3-х т. Том 1, кн. 2. М.: 1998. // «Ответы полковника М.В. Мезерницкого на заданные ему в ВЧК вопросы 10–12 ноября 1921 г.», т. 1, кн. 2, С. 101.
- 22 Там же, «Ответы полковника Э.П. Гильбиха на заданные ему в ВЧК вопросы 12 ноября 1921г.», т. 1, кн. 2, С. 107.
- 23 Там же, «Ответы генерал-лейтенанта Я.А. Слащова и капитана Б.Н. Войнаховского на заданные им в ВЧК вопросы 13 ноября 1921г.», т. 1, кн. 2, С. 116.
24. Правильно Слащев, Яков Александрович (1885–1929), в 1911 окончил Академию Генштаба, в 1-ю мировую войну полковник, командир лейб-гвардии Московского полка, награжден Военным орденом св. Георгия 4-й ст. (18.07.1916), и Георгиевским оружием (26.09.1916). В Гражданскую войну генерал-лейтенант, за оборону Крыма от большевиков награжден орденом Святителя Николая Чудотворца и получил почетное прозвище "Слащев-Крымский». С 1920г. в эмиграции, в 1921г. вернулся в Россию и служил в Красной Армии. Убит в Москве в 1929г.
25. Русская военная эмиграция..., «Из сводки Иностранного отдела ВЧК ..., не позднее 10 февраля 1922г.», С. 560.
26. Там же, «Из донесения о деятельности белоэмигрантских организаций, ... перехваченных Иностранным отделом ГПУ, не позднее 18 октября 1922г.», С. 322.

27. Большая Советская энциклопедия. Изд. 3, т. 26. М. Советская энциклопедия, 1977, С. 599.

28. *Казаков А.В.* Штрихи к биографиям К.К. и С.Г. Улагаев // Исторический вестник КВИГИ, вып. I. – Нальчик: Эль-Фа, 2005.

29. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. - Киев: УО МШК МАДПР – РАПО Укрвузполиграф, 1991, С. 25.

30. *Огороков А.В.* Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX веков. Албания. На службе Ахмет-Бей Зогу. М.: ООО Авуар консалтинг, 2004, С. 83–88, 270.

31. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе...

32. Там же.

33. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916, С. 580.

34. *Трахо Р.* Черкесы / Черкесы Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1992. С. 72.

О.В. Ратушняк

Казачи-эмигранты в Болгарии (1920–1930-е гг.)

Болгария, наряду с Королевством сербов, хорватов, словенцев (КСХС), по окончании первого года эмиграции, стала государством, принявшим наибольшее число казаков. Даже после отъезда части их в Россию, при содействии «Союза возвращения на родину», в стране оставалось около 8–10 тысяч казаков. Однако если в КСХС основу казачьих воинских частей составляла Кубанская казачья дивизия, то в Болгарии разместились Донской казачий корпус, в количестве около 4 тысяч человек. Кроме того, здесь находился 1-й Армейский корпус под командованием генерала А.П. Кутепова. Основанием для размещения воинских частей в Болгарии служило соглашение, подписанное генералом Вязьмитиновым (военный представитель генерала Врангеля в Болгарии) с полковником Топалжиковым (начальник штаба болгарской армии). По данному соглашению части Русской армии, перевезенные в Болгарию, «сохраняют полностью свою организацию и своих начальников, ответственных за поддержание в них дисциплины и порядка. Все чины имеют право ношения военной формы и обязаны повиноваться болгарским законам, не принимая никакого участия во внутренних делах государства и его политической жизни» [1].

Русской армии предоставлялись казармы болгарских вооруженных сил, сокращенных согласно подписанного в Нейи в ноябре 1919г. договору между державами Согласия и Болгарией. Отремонтировав за свой счет и своими силами казармы, многие из которых имели крайне не жилой вид, казаки стали устраивать свой быт. При каждом подразделении были открыты разного рода мастерские: слесарные, столярные, сапожные, швейные и т.п. В них сами же казаки работали по обслуживанию своих сослуживцев, а также для дополнительного заработка на стороне. С весны 1922г. при некоторых частях (где это было возможно) устраивались огороды.

На частные работы из частей первоначально отпускались только те, «в ком были уверены, что не сбегут, а вернутся обратно в полк ..., но не свыше 10%» от численности подразделения [2]. С весны 1922г. число отпускаемых казаков увеличилось до 1/3 всего состава. Это было связано, с одной стороны, с невозможностью удерживать казаков в казармах, с другой – с необходимостью обеспечивать их существование. Уходившие на работу казаки должны были точно указывать место работы. После этого командование части выдавало им удостоверения с указанием, «что такой-то отпущен туда-то на вольные работы» [3].

Одним из условий принятия русских воинских контингентов Болгарией было внесение денежного залога на их содержание. Деньги были внесены бывшим послом России в США П.А. Бахметьевым. Это были суммы, принадлежавшие правительству Императорской России и предназначенные на оплату военных заказов в США во время Первой мировой войны. Позже они перешли в распоряжение Совета послов [4]. В Болгарии они расходовались в основном на содержание армейских лечебных, хозяйственных и канцелярских учреждений [5].

Однако уже летом 1922г. генерал Врангель, обращаясь к армии, отдал приказ, в котором объявлялось, что «наша казна истощена, мы стоим перед суровой необходимостью собственным трудом снижать себе средства к жизни. Пусть каждый, кто в силах, становится на работу, он облегчит этим помощь другим, более слабым ...» [6].

Выполняя этот приказ, к 1 сентября 1922г. вся Врангелевская армия, в том числе и Донской казачий корпус, перешла на «трудовое положение». На содержании командования остались лишь инвалиды, семьи военнослужащих и некоторые чины армии, находившиеся на командных или хозяйственных должностях [7]. Кроме того, в подразделениях был создан запасной капитал, пополнявшийся ежемесячными взносами бойцов данной части. Согласно при-

нятому в Донском корпусе порядку, каждый казак, устроившийся самостоятельно на работу, исключался с котлового довольствия. Его паек поступал в запасной капитал «на пополнение средств для дальнейшего довольствования соответствующей части» [8].

Еще до прибытия казачьих воинских частей в Болгарию уже находились казаки-эмигранты. Часть их прибыла в страну сразу после новороссийской и крымской эвакуации, а часть составляли лица, бежавшие из чаталджинских лагерей и Константинополя. Уже в мае 1920г. в Болгарии была открыта школа-колония для казачьих детей [9]. Значительное число казаков устроились на сельскохозяйственные работы и работы по строительству железных дорог. Кроме того, казаки образовывали артели для рыбной ловли и артели грузчиков. Некоторое количество донцов были приняты на службу на конские (конеvodческие) заводы около г. Плевна. Находили себе занятия и лица интеллигентных профессий, правда не все (в основном – священники, учителя, инженеры и врачи) [10].

Однако послевоенная Болгария в большей степени нуждалась в не квалифицированном или малоквалифицированном труде. Свободных рабочих мест было довольно много. Поэтому, прибывшие позже казаки (в составе строевых частей Русской армии), также смогли быстро устроиться на различного рода работы. Как верно отмечал генерал Болховитинов, казакам, более приспособленным к тяжелому физическому труду, было гораздо легче найти работу, чем воинским чинам первого армейского корпуса [11]. Казаки работали на табачных фабриках, на шахтах, на прокладке железных дорог. На этих работах казаки чаще всего трудились в составе своих подразделений. И хотя групповые работы оплачивались не так высоко, как работы частного (индивидуального) характера, но зато здесь была возможность жить и работать вместе со своими однополчанами, что также играло свою роль при трудоустройстве казаков.

Индивидуально казаки устраивались на самые разнообразные работы. Не было, наверное, ни одной отрасли, связанной с физическим трудом, где не трудились бы казаки. Они работали плотниками, столярами, малярами, печниками, каменщиками, слесарями, переплетчиками, машинистами и т.п. Казаки считались наиболее лихими и опытными кучерами. А такой род занятия, как пиление (пилка) дров казаки вообще монополизировали, оттеснив, конкурировавших с ними цыган и турок. Некоторые казаки занимались торговлей и иногда довольно успешно. «Несколько обособленно от общеказачьих работ и промыслов стоят работы художественного характера, которыми занимаются почти исключительно офицеры. Это – изготовление

различного рода изящных вещей домашнего обихода ... и, даже, живопись. Большую отрасль подобного рода работ составляет изготовление икон ..., которые расходятся по всей Болгарии» [12].

Многие работы казаков-эмигрантов зачастую носили временный характер. Летом казаки трудились (в большинстве своем) в сельской местности на различных сельскохозяйственных работах, а зимой перебирались в города. Здесь жили, в основном, на средства, заработанные летом, и иногда подрабатывали на случайных работах [13]. Особенно много казаков трудилось летом на покосах. Уже с зимы казаки-станичники и однополчане списывались между собой и, организуясь в рабочие артели, устраивались к сельским хозяевам на работы. Помимо хорошего заработка покосы привлекали возможностью во время привычного труда общаться между собой [14].

С целью поддержания связи и общения в своем кругу, казаки создавали станицы и хутора, которых к 1923г. в Болгарии насчитывалось уже около 28 (18 станиц и 10 хуторов) [15]. Однако далеко не все казаки входили в станицы. Некоторые жили в одиночку или небольшими нигде не зарегистрированными группами. Так, в 1922 г. из 8 тысяч казаков, проживавших в Болгарии, в станичных списках числилось немногим более 2 тысяч [16]. С материальной стороны эти организации были довольно слабы, так как, за небольшим исключением, своих капиталов на имели. Помощь особо нуждающимся казакам (на лечение и т.п.) производилась за счет добровольных пожертвований. «Жизнь казачьих организаций проявлялась обычно в день Войскового праздника (молебен, общая трапеза, вечеринка), в день чествования памяти вождей и героев казачества (панихиды, иногда заседания), на Рождество, Пасху, ..., в дни каких-либо особых событий» [17].

В одной из сводок штаба Донского корпуса о жизни казаков в Болгарии так описывался казачий быт: «Во внутреннем своем быту казаки по-прежнему руководствуются старым укладом жизни, казачьими обычаями. В тех местах, где нет казарменного и общегруппового расположения в бараках, казаки живут по частным квартирам, однако группами, по станицам или хуторам, стараясь и довольствоваться сообща. Обыкновенно вечерами, собравшись вместе после трудового дня, казаки сами варят излюбленный казачий борщ и другие блюда ... По русскому обычаю в субботние дни не упускают случая сходить в баню, где это возможно, а в воскресенье и праздничные дни обязательно в церковь. При этом надевается лучшая одежда, в большинстве случаев форменная, ... хотя, надо заметить, многие казаки обзавелись уже хорошими штатскими костюмами» [18].

Несмотря на тяжелые условия жизни эмигранта, казаки никогда не забывали о культурном времяпровождении. Так, в Пловдиве ими были поставлены две пьесы: А.П. Чехова «Медведь» и А.Т. Аверченко «Их было четверо» [19].

Однако, несмотря ни на что, суровая действительность властно вмешивалась в жизнь казаков. Правительство А. Стамболийского – лидера Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), пришедшее к власти весной 1920г., с самого начала было противником размещения врангелевских военных контингентов в стране. Как верно заметил Л.К. Шкаренков «более многочисленная врангелевская армия, вступив на территорию Болгарии, заключала в себе опасность для находящегося в те годы у власти правительства А. Стамболийского» [20].

Реформы А. Стамболийского, носившие демократический характер, в ряде аспектов невольно ущемляли интересы крупной буржуазии и лидер БЗНС справедливо опасался, что монархически настроенная врангелевская армия станет на сторону последней. Не исключено, что разрешение на ввод врангелевских частей в страну было дано под нажимом Франции, которая диктовала Болгарии свои условия после поражения последней в Первой мировой войне. Однако это не помешало А. Стамболийскому воспользоваться первой же возможностью осуществить репрессии против частей Русской армии. Обвинив врангелевское руководство в сотрудничестве с организациями профашистского толка, а также в шпионаже, по требованию болгарского правительства были арестованы и высланы из страны «более ста видных врангелевцев, в том числе генералы Кутепов, Шатилов, Вязьмитинов» [21]. Выслан был и командир Донского корпуса генерал Абрамов [22]. На сумму около 12 млн. лев, принадлежавшую военным контингентам, был наложен арест [23]. Большое количество армейского имущества было конфисковано [24]. Летом 1922г. болгарским верховным административным советом было принято постановление, в котором говорилось: «1) о принудительном распылении русских небольшими рабочими группами по 15–50 человек, с подчинением этих групп особо поставленным лицам из болгар; 2) о высылке из Болгарии всех начальствующих лиц; 3) об уничтожении штабов и военных организаций и 4) о полном разоружении «врангелистов» [25].

И хотя генералу Миллеру, командированному в Болгарию генералом Врангелем, «удалось достигнуть компромисса, при котором постановление не приводилось в действие, но и не было отменено, все же положение российских эмигрантов, в том числе и казаков,

значительно ухудшалось. Многие предприятия, опасаясь всякого рода осложнений, отказывались принимать русских на работу» [26].

9 июня 1923г. в Болгарии был совершен военный переворот, в результате которого правительство БЗНС было свергнуто, а его лидер А. Стамболийский был убит. К власти пришло правительство во главе с А. Цанковым (лидер «Народного сговора»), представлявшим интересы крупной буржуазии [27]. Атаманы донского, кубанского и терского казачьих войск в дни июньских событий 1923г. издали приказ, в котором говорилось о недопустимости «для русских вообще и для казаков, в частности, какого бы то ни было – прямого или косвенного – вмешательства во внутренние дела стран, давших приют эмигрантам из России» [28]. Атаманы призвали казаков «сохранять полное спокойствие и ни в коем случае не вмешиваться в чужие дела» [29]. Судя по сообщениям из Болгарии, казаки в целом придерживались данного им распоряжения. «В первые дни переворота казаки, работающие в деревнях, прибыли в места расквартирования, чтобы быть всем вместе ... Всюду начальники отдали приказание о полном не вмешательстве в политическую жизнь страны и рекомендовали воздержаться от каких-либо суждений по поводу переворота» [30]. В целом нельзя не согласиться с Н.Е. Соничевой, отметившей, что хотя вопрос об участии белогвардейцев в июньском перевороте до сих пор не ясен, «можно с уверенностью сказать, что переворот отвечал интересам белоэмигрантских лидеров» [31]. Сочувственное отношение врангелевцев к июньскому перевороту и нейтральное поведение воинских частей в его дни отмечает и В. Даватц [32]. Он же сообщает о готовности врангелевских контингентов оказать вооруженное сопротивление коммунистам в дни сентябрьских событий 1923г., когда проходило народное вооруженное восстание, возглавляемое БКП [33].

Вспышки гражданской войны в Болгарии усилили желание некоторых казаков, особенно офицеров, выехать из страны. Наиболее притягательной силой в этом плане обладала Франция, ставшая одним из крупнейших центров российской эмиграции [34]. Правда, поступавшие из Франции сообщения, от уехавших туда эмигрантов, не всегда были обнадеживающими. Поэтому, имевшие более прибыльную работу, казаки не стремились покидать Болгарию. А некоторые, в основном молодые казаки, даже женились на болгарках [35].

В 1930-х годах, в связи с усилившейся безработицей, болгары стали чаще использовать статью 45 Закона об охране труда, согласно которой болгарские рабочие пользовались преимущественным правом при получении работы. Это, в свою очередь, вызвало стремление

многих эмигрантов, либо выехать из страны в надежде осесть где-нибудь в другом месте, либо принять болгарское гражданство [36].

В целом отношение болгар к казакам было доброжелательным. Однако в годы безработицы болгарские рабочие видели в эмигрантах, прежде всего, своих конкурентов, и тогда доброжелательность и радушие сменялись неприязнью и даже враждебностью. Это явление отмечали многие казаки, трудившиеся на предприятиях вместе с болгарскими. «Взаимоотношения с властями, администрацией предприятий ... и с местным населением, – сообщает один из казаков, по-прежнему остаются удовлетворительными, что же касается отношений с болгарскими рабочими, последние к нам всегда были, есть и будут враждебны, потому что мы для них слишком серьезные конкуренты» [37]. Другой казак отмечает, что «туземные (имеются в виду – болгарские – О.Р.) рабочие считают нас весьма серьезными конкурентами на рынке труда, а потому не любят и всегда готовы придаться к малейшей нашей оплошности, чтобы причинить неприятности» [38].

Однако, несмотря на все сложности во взаимоотношениях с местным населением, на некоторые гонения и угнетения со стороны отдельных правительственных кабинетов, Болгария, как и КСХС, на всем протяжении рассматриваемого периода оставалась одной из самых заселенных казаками-эмигрантами стран.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6711. Оп. 2. Д. 3. Л. 7а.
2. *Владимиров Л.* Возвратите их на родину. М., 1924. С. 33-36.
3. Там же.
4. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 280. Л. 59.
5. Там же. Ф. 6711. Оп. 1. Д. 368. Л. 2, 6.
6. Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 8.
7. Там же.
8. Там же. Оп. 3. Д. 72. Л. 16а.
9. Там же. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 3.
10. Отчет о деятельности Донского правительства за границей. Константинополь, 1921. С. 55–56.
11. ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 1. Д. 345. Л. 2.
12. Там же. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 232. Л. 10.
13. Родимый край. Париж, 1929. № 2. С. 58.
14. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 232. Л. 17.
15. Там же. Д. 284. Л. 5–8.
16. Там же. Д. 280. Л. 58.
17. Казачий край. Париж, 1929. № 2. С. 57.
18. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 232. Л. 10.

19. Там же. Д. 46. Л. 60.
20. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 37.
21. Там же. С. 38.
22. ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 1. Д. 368. Л. 7.
23. Там же. Л. 10.
24. Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 178.
25. Там же. С. 172.
26. Там же. С. 172, 178.
27. Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 541.
28. ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.
29. Там же.
30. Там же. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 229. Л. 1а.
31. Соничева Н.Е. На чужом берегу. М., 1991. С. 24.
32. Даватц В. Указ. соч. С. 180.
33. Там же. С. 181.
34. ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 229. Л. 4.
35. Там же. Л. 7.
36. Казаки за границей. София, 1933. С. 8.
37. ГАРФ. Ф. 6046. Оп. 1. Д. 46. Л. 47.
38. Там же. Д. 34. Л. 65а.

Е.Ф. Кринко

Создание и действия русского корпуса на Балканах (1941–1945гг.)

Начало войны Германии против СССР оживило надежды русской эмиграции, значительная часть которой продолжала мечтать о «весеннем походе» и возвращении на родину. Единого отношения к Гитлеру в ее среде не существовало, но многие эмигранты связывали с ним возможность освобождения России от большевизма, чему в немалой степени способствовали разочарование в прежних союзниках по Антанте и откровенный антикоммунизм третьего рейха. Однако предложения о создании самостоятельных воинских частей из русских эмигрантов и советских граждан, которые могли бы стать не только военными, но и политическими союзниками вермахта, нацистское руководство в начале войны категорически отвергало, рассчитывая на «блицкриг», и все попытки, предпринимавшиеся в данном направлении, строго пресекались.

Инициатором создания Русского корпуса на Балканском полуострове являлся генерал-майор М.Ф. Скородумов. Вскоре после оккупации немцами Югославии он был назначен руководителем Бюро

по защите интересов русских эмигрантов в Сербии и уже летом 1941 г. обратился по данному вопросу в штаб германского главнокомандующего на Юго-Востоке генерала Бадера. Однако его план создать дивизию из русских эмигрантов и послать ее на Восточный фронт немецкое командование сразу отвергло, начальник штаба полковник Кевиш предложил русским эмигрантам вступать непосредственно в германские воинские части. М.Ф. Скородумов возражал, считая, что они «могут воевать только против большевиков, а вступая в немецкие полки, которые могут быть переброшены на другие фронты, русские эмигранты будут вынуждены воевать и против некоммунистических государств» [1].

После длительных переговоров стороны все же пришли к компромиссу, поскольку немецкое командование оказалось заинтересовано в дополнительных вооруженных частях для подавления сопротивления на Балканах. Семьи русских эмигрантов в Югославии также нуждались в защите, поскольку подвергались нападениям со стороны партизан-коммунистов, с 22 июня по 1 сентября 1941г. было зарегистрировано свыше 250 убийств. Бадер разрешил формирование Отдельного русского корпуса для действий против югославских партизан, обещав после ликвидации коммунистического движения в Сербии перевести его на Восточный фронт. По условиям достигнутого соглашения, подписанного Кевишем и Скородумовым, корпус создавался как самостоятельная боевая часть, под руководством русских командиров и в русской же военной форме. Однако затем М.Ф. Скородумова вызвали в германское посольство в Белграде, где посол Бенцлер заявил ему, что формирование русских воинских частей не может быть разрешено, предложив эмигрантам вступать в сербскую жандармерию [2].

12 сентября 1941г. Скородумов получил от Кевиша письменный приказ, разрешавший организацию Русского охранного корпуса. Таким образом, вместо самостоятельной боевой части фактически предполагалось создание полицейского отряда. В тот же день генерал М.Ф. Скородумов отдал собственный приказ, в котором объявлял о формировании Отдельного русского корпуса и мобилизации в его ряды всех военнообязанных русских эмигрантов в возрасте от 18 до 55 лет. Призвав русских эмигрантов вступать в корпус, он пообещал привести их в Россию. Эта инициатива выходила за рамки действий, одобренных немецкими властями, и 14 сентября М.Ф. Скородумова арестовало гестапо с согласия германского военного командования (был смещен и полковник Кевиш). Проведя три недели в тюрьме, генерал-майор после выхода на свободу больше не участвовал в

политической деятельности, демонстративно занимаясь сапожным ремеслом, и лишь в 1944г. вступил в Русский корпус рядовым [3].

Тем не менее, на призыв М.Ф. Скородумова откликнулись тысячи добровольцев, представители самых различных организаций: монархисты, члены НТС, ветеранских и молодежных союзов. Уже к 1 октября в корпус записались 893 добровольца, местом их первоначального сбора стали Топчидерские казармы в Белграде, в которых до войны размещалась королевская гвардия [4]. При покровительстве местного военного командования с 2 октября началось официальное формирование Русского охранного корпуса, переименованного 18 ноября в Русскую охранную группу, под командованием генерал-майора Б.А. Штейфона. Помня судьбу своего предшественника, он воздерживался от любых демонстративных акций, но стремился убедить германское командование в необходимости изменения его «восточной политики». С этой целью он несколько раз подавал меморандумы, в которых предлагал не отождествлять советскую власть с русским народом, улучшить содержание русских военнопленных, распустить концлагеря, создать русский представительский и организационный центр, русскую национальную армию и другие мероприятия.

В административном и хозяйственном отношении Русская охранная группа подчинялась главному уполномоченному по торговле и промышленности в Сербии группенфюреру СС Нейхгаузену. Основу группы (около 90 %) составили офицеры, солдаты и казаки Белой армии, осевшие в 1921 – 1922гг. в Югославии и Болгарии, примерно десятую часть – эмигрантская молодежь, выросшая за рубежом. Ввиду избытка офицеров большинству из них пришлось служить на унтер-офицерских или даже рядовых должностях, что впоследствии привело к их оттоку из рядов корпуса, возраст и здоровье далеко не всем позволяли переносить тяготы воинской службы на низших должностях.

Циркуляры о наборе добровольцев рассылались по русским военным организациям в Германии, Польше, Франции, Греции, Италии, однако число призванных из этих стран было невелико, так как вербовку добровольцев в них немецкие власти официально не разрешали. Необходимо отметить и то, что часть эмигрантов высказалась категорически против совместной службы и военного союза с немцами, видя в этом измену не только приютившей их Югославии, но и России.

29 октября 1941г. со своими штандартами в Белград прибыл гвардейский дивизион Собственного Его Императорского Величества Конвоя под командой полковника Н.В. Галушкина. Он составил 7-ю

гвардейскую сотню 3-го батальона 1-го полка, а в 1942г. был переименован в 12-ю Гвардейскую сотню. В конце 1942 – начале 1943гг., при реформировании 1-го полка в казачий, Гвардейская сотня стала числиться первой.

Уже к концу сентября в основном сформировался 1-й полк под командованием генерал-майора В.Э. Зборовского – бывшего начальника Кубанской казачьей дивизии в Галлиполи. Он состоял из 1-го батальона кубанских казаков, 2-го батальона «бывших чинов» Добровольческой армии, 3-го юнкерского батальона, набранного из необстрелянной и наскоро обученной молодежи [5]. После смотра 19 ноября 1941г. 1-й полк был переведен из Белграда в Лозницу. 2-й полк был сформирован к январю, 3-й – к маю, а в конце апреля 1942г. начато формирование 4-го полка. Каждый полк (отряд) состоял из двенадцати рот (сотен), объединенных в три батальона (дружины).

Военнослужащие получали паек и жалование, соответствовавшие нормам вермахта. Первоначально обучение личного состава производилось по дореволюционным уставам Русской императорской армии, однако в связи с изменением тактики боя в условиях Второй мировой войны пришлось перейти на уставы Красной Армии. Тем не менее, в организации внутренней жизни корпуса сохранялись определенные особенности, например, традиционный распорядок, включавший ежедневные православные богослужения в ротных походных церквях.

Основу обмундирования военнослужащих Охранной группы составила форма югославской армии, при этом стоячий воротник на мундире серого защитного цвета перешивался на отложной. В начале 1942г., в связи с ее нехваткой, стали изготавливать темно-коричневую униформу аналогичного покроя. Вводились особые знаки различия – петлицы с серебряными галунами и звездочками на отложном воротнике мундира для офицеров и шевроны на левом рукаве для солдат, с обозначением специально разработанных воинских званий, а также погоны, указывавшие прежний чин в Белой армии. Впрочем, прежние звания значения не имели, и бывший полковник мог носить петлицы лейтенанта. Головными уборами служили пилотки и фуражки с кокардой Русской императорской армии, а также чехословацкие стальные шлемы с белым «ополченским» крестом на лбу. Вне строя офицеры носили фуражки русского образца [6].

Начиная с осени 1941г. главная задача группы заключалась в охране промышленных предприятий, шахт, путей сообщения и других военно-хозяйственных объектов. В оперативном отношении Русская

охранная группа была придана 65-му корпусу вермахта генерала Фельбера. Полки подчинялись непосредственно начальникам соединений, отвечавших за тот или иной район: 1-й и 2-й полки – 704-й немецкой пехотной дивизии, 3-й полк – 1-му Болгарскому оккупационному корпусу. Батальоны и роты несли гарнизонную службу в отдельных городах Сербии, включались в состав различных немецких соединений. Штабы полков дислоцировались отдельно от своих подразделений, которые фактически никак не были им подчинены.

Охранные функции сочетались с рейдами в районы дислокации партизан. Уже в сентябре 1941г. подразделения Охранной группы приняли участие в первых карательных операциях против партизан И.Б. Тито. 1-й полк на стадии своего формирования участвовал в ликвидации партизанской Советской Ужицкой Республики. Отношение местного населения к Охранной группе было неоднозначным. Сербы, симпатизировавшие СССР, осуждали ее действия. Одна из выпущенных прокламаций прямо провозглашала: «Кто не убьет белого русского – тот не серб!». В районах, которые переходили под контроль группы, отношение к ее военнослужащим нередко менялось в лучшую сторону, так как русские роты и батальоны порой обеспечивали эвакуацию беженцев из районов, занятых коммунистами [7]. В воспоминаниях эмигрантов отмечается также, что они стремились защищать местное население от своих собственных союзников – хорватских усташей, уничтоживших немало православных сербских семей [8].

С 1942г. чины корпуса получили от немецкого командования право на награждение германским орденом «За храбрость для восточных народов», первые такие награды были вручены 12 сентября 1942г. 30 ноября 1942г. Русская охранная группа, получившая положительную оценку германского командования, была включена в состав вермахта и переименована в Русский охранный корпус. К этому времени она состояла из штаба, дружины при штабе и четырех полков, насчитывая около 6 тыс. военнослужащих, из которых около 2 тыс. чел. являлись казаками, а 400 чел. находились на командных офицерских должностях. Произведенный в генерал-лейтенанты Б.А. Штейфон официально находился на службе в вермахте, начальником штаба являлся генерал-майор Б.В. Гонторов.

Корпус был реорганизован в соответствии со штатами германской армии, применительно к отдельной кавалерийской бригаде: 4-й полк и запасной батальон расформировали, численность полков увеличилась, а командный состав сократился на 150 чел. Все казаки по ходатайству войсковых атаманов были сведены в 1-й казачий полк.

С включением корпуса в состав вермахта в нем были введены немецкие уставы. 28 января 1943г., согласно приказу немецкого командования, корпус получил обмундирование вермахта с германскими знаками различия. Перед этим, 25 января 1943г. штаб корпуса был преобразован в штаб инспектора русских воинских частей в Сербии, что сближало его статус с другими иностранными легионами вермахта и СС. Но 1 августа того же года были восстановлены прежние наименования, что свидетельствовало об особом положении Русского корпуса в системе германских военных и полицейских структур на Балканах [9].

Формальным завершением передачи корпуса в состав вермахта стало принятие личным составом присяги 29 января 1943г. В ней говорилось: «Клянусь свято перед Бюгом, что я в борьбе против большевиков – врагов моего Отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской Армии, буду оказывать Верховному вождю Германской Армии, Адольфу Гитлеру, всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и буду готов, как храбрый воин, во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу». Признание заслуг корпуса немцами и его пополнение за счет советских граждан вселяло надежду, что он будет направлен на Восточный фронт.

Однако вооружение Русского корпуса оставляло желать лучшего. Первые немецкие пистолеты-пулеметы МП были выданы лишь осенью 1944г. и в небольшом количестве. При переходе 1-го батальона 1-го полка во 2-й полк личному составу заменили винтовки Маузера и ручные пулеметы «Чешска Зброевка» на тяжелые и капризные «Шоши» с сильной отдачей. При формировании 4-го полка солдатам выдали итальянские карабины, дальность стрельбы которых составляла всего лишь 500 м, а разброс пуль – 2-3 м. Артиллерийские орудия Шнейдера не годились для боевых действий в горах и не имели таблиц для стрельбы и приборов. Складов боеприпасов для орудий не имелось вообще, и их пополнение шло за счет трофеев [10].

12 марта 1943г. корпус получил пополнение из 297 военнопленных Красной Армии, из которых были сформированы две роты. В сентябре 1943г. корпус пополнили еще 5 тыс. добровольцев из русских жителей Буковины, Бессарабии и Одессы - территорий, аннексированных в 1941г. Румынией. В качестве их обмундирования использовалась итальянская форма с немецкими знаками различия. Сначала из новобранцев сформировали по 2-3 учебные роты в каждом полку, затем они составили новые 4-й и 5-й полки, а также использовались для пополнения состава существовавших полков, испытывавших нехватку людей вследствие оттока эмигрантов.

В результате численность корпуса выросла более, чем в два раза, в сентябре 1943г. корпус насчитывал 4,8 тыс. солдат и офицеров, а через год, в сентябре 1944г., свыше 11 тыс. чел. В него входили штаб, пять полков, отдельный батальон «Белград», включавший караульную, транспортную, запасную роты и роту снабжения, а также ветеринарная рота и рота связи. В подчинении штаба корпуса находились два лазарета с русскими врачами и санитарями. Каждый полк имел по три батальона, а также отдельные взводы: артиллерийский (2 полевых орудия калибра 75 мм), противотанковый (2-3 противотанковые пушки 37 мм), саперный, конный, связи. В 1-м и 4-м полках существовали также музыкальные взводы. Батальоны состояли из трех стрелковых рот, в каждой из которых насчитывалось по 170 чел., разделенных на три взвода из трех отделений, и имелось по 16 ручных, 2 станковых пулемета, 4 ротных миномета, а также взводов тяжелого оружия, с 4 станковыми пулеметами и 4 батальонными минометами. Впоследствии в 4-м и 5-м полках были сформированы артиллерийские роты, а в 5-м – еще и рота противотанковых орудий. Штатная численность 1-го и 4-го полков составляла по 2211 чел., остальных « по 2183 чел. [11]

При штабе корпуса, в полках и батальонах находилось по два немецких офицера связи, а в каждой роте – по два унтер-офицера – инструктора. Все хозяйственные подразделения корпуса возглавляли немецкие чиновники и унтер-офицеры. О взаимоотношениях с ними красноречиво свидетельствует отрывок из воспоминаний штаб-ротмистра корпуса С. Вакара, описавшего приход в конный взвод немецкого унтер-офицера Вернера из хозяйственной части штаба корпуса. Для его встречи полковник Попов выстроил взвод и скомандовал: «Взвод – смирно, равнение – направо!». Когда же С. Вакар спросил, зачем он, будучи лейтенантом вермахта, так встречает унтер-офицера, тот ответил: «Ну, как же иначе, ведь он все-таки немец!» [12].

В то же время, в отличие от других коллаборационистских частей, все командные посты занимали исключительно русские офицеры. Их подготовка осуществлялась в 1-м Русском великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе. Кроме того, в полках имелись юнкерские роты, в которые была сведена молодежь, не завершившая военного обучения. Юнкера наравне со всеми несли службу и получали знания от преподавателей, разъезжавших по юнкерским частям, разбросанным по всей Сербии. Постоянно действовали курсы усовершенствования командного состава, а также военно-училищные курсы, подготовившие за годы войны пять выпусков лейтенантов. При корпусе существовали также курсы ПВО, радиотелеграфистов, ору-

жейных мастеров и других военных специалистов. В полках создавались учебные команды для подготовки унтер-офицеров.

С весны 1944г. начался новый период в истории корпуса, его части участвовали в сдерживании наступления партизан почти на всем протяжении сербо-хорватской границы. Еще более серьезная проверка для него наступила в сентябре 1944г. Капитуляция Румынии и Болгарии привела к тому, что в течение нескольких дней фронт переместился непосредственно к границе Югославии. Корпусу вместе с отдельными немецкими соединениями пришлось отражать атаки передовых частей 57-й армии 3-го Украинского фронта и болгарской армии, наступавших при поддержке партизан И.Б. Тито. Превратившись в настоящее фронтовое соединение, корпус изменил и свое название. С 10 октября он был переименован в Русский Корпус в Сербии, а с 31 декабря 1944г. – в Русский корпус.

В ходе боев из отдельных батальонов и рот корпуса были созданы полноценные действующие полки под русским командованием: 1-й казачий, 4 и 5-й (сводный). 22 октября 1944г. главнокомандующий группой армий «Е» генерал фон Лер издал приказ об образовании из всех имеющихся в районе р. Ибр русских частей боевой группы в подчинении генерал-майора Б.В. Гонтарева. Группе было поручено очистить от партизан путь Рамка – Сараево, обеспечив тем самым отход немецких войск из Греции через Южную Сербию и Боснию, поскольку в этом районе ожидалась высадка английских и американских войск.

26 октября 1944г. из всех русских частей в районе Чачака и Донья Милоновца был создан сводный полк под командованием полковника А.И. Рогожина из трех стрелковых и одного запасного батальонов. 27 ноября он поступил в распоряжение командира 5-го горного корпуса СС генерала Кригера. Превосходство Красной Армии в живой силе и вооружении было очевидным, однако частям корпуса удалось достичь нескольких локальных успехов, заставив отступить с поля боя советский полк и захватив советскую батарею.

В то же время в кровопролитных боях корпус и сам нес тяжелые потери. Осенью 1944г. 3-й батальон 3-го полка под командованием генерал-майора Н.А. Петровского был окружен советскими танками, и весь его личный состав погиб в бою. Почти полностью был уничтожен и 1-й батальон 2-го полка. Впоследствии эмигранты вспоминали о том, как разделенные Дунаем противники исполняли разные песни: советские солдаты пели по вечерам «Катюшу», а они сами – «Вещего Олега», с его знаменитым рефреном: «Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое ура!». В ответ раздавались залпы «катюш», которым корпус мог противопоставить только пулеметный огонь [13].

Следует также иметь в виду, что к концу войны ухудшились отношения с сербскими четниками Д. Михайловича, к которым русские относились достаточно сочувственно. Еще 20 сентября 1943г. 1-й полк получил от Д. Михайловича предложение заключить тайное соглашение против оккупантов. В случае отказа руководитель «Королевской армии в отечестве» обещал полностью разгромить полковые гарнизоны. Командование корпуса не приняло данного предложения, стремясь сохранить хорошие отношения с немцами. В конце войны отряды четников не раз предпринимали попытки отнять у военнослужащих Русского корпуса оружие, агитировали переходить в свои ряды. Полевые командиры четников заманивали подразделения корпуса в засады, где окружали их и разоружали, в ряде случаев между ними происходили открытые бои.

К концу войны руководство Русского корпуса установило контакты с Русской освободительной армией генерал-лейтенанта А.А. Власова. Предпосылки для сотрудничества были заложены еще до войны, многие представители русской эмиграции надеялись создать армию из числа советских граждан под руководством неизвестного ранее советского генерала («комкора Сидорчука»). Однако в дальнейшем между русскими эмигрантами и советскими коллаборационистами существовали значительные противоречия, объяснявшиеся как идейными, так и личными разногласиями.

В декабре 1944г. генерал-лейтенант Б.А. Штейфон встретился лично с А.А. Власовым и предоставил корпус в его распоряжение. Таким образом, он стал первым руководителем русского военного соединения, подчинившимся А.А. Власову без каких-либо предварительных условий. Объединение представлялось взаимовыгодным процессом: в то время как в Русском корпусе существовал переизбыток офицеров, в РОА ощущался их недостаток. Однако участники столкнулись с сопротивлением немцев, не желавших подобного объединения. Тем не менее, 16 марта 1945г. по приказу командования все чины корпуса нашили нарукавные щитки-нашивки с надписью «РОА».

Капитуляция Германии застала корпус на территории Словении. Накануне, 30 апреля 1945г., ушел из жизни Б.А. Штейфон, согласно генерал-майору А.А. фон Лампе, сделавший себе смертельную инъекцию. Сменивший его полковник А.И. Рогожин заявил, что никогда не сдаст оружия советским представителям или титовцам и будет пробиваться к англичанам. Выполняя приказ нового командира, подразделения корпуса в течение нескольких дней пробивались в Австрию, в район города Клагенфурт, где 12 мая и капи-

тулировали перед английскими войсками. К этому времени в составе Русского корпуса оставалось всего 4,5 тыс. чел.

В отличие от большинства советских коллаборационистов, воевавших на стороне Германии, солдат и офицеров Русского корпуса английское правительство не передало в СССР, хотя советское руководство и активно добивалась этого. Вначале они были размещены в палаточном лагере под Клагенфуртом, а через некоторое время их перевели в лагерь Келлерберг, позднее получивший наименование «Белый русский лагерь». Военнослужащие Русского корпуса сделали в нем тротуары-дорожки, построили церковь и учебные заведения, организовали клуб и театр. Лагерь просуществовал целых шесть лет, до тех пор пока все его обитатели не получили статус «перемещенных лиц», благодаря содействию Толстовского фонда. Следует сказать, что командир корпуса предпринял немало усилий для спасения от выдачи в СССР и многих советских коллаборационистов, которых переделали и поставили на довольствие как военнослужащих Русского корпуса. В его состав вошли также остатки отдельного русского полка «Варяг» под командованием полковника М.А. Семенова [14].

После получения статуса «перемещенных лиц» в 1951–1952гг. многие покинули лагерь и выехали в США, Австралию и другие страны. Для сохранения связей между бывшими военнослужащими корпуса по инициативе полковника А.И. Рогожина был создан «Союз чинов Русского корпуса», бессменным руководителем которого он оставался вплоть до самой своей смерти. Штаб-квартира «Союза» располагалась в США, он издавал печатный орган – журнал «Наши вести». Всего в 1941–1945гг. в Русском корпусе служило 17090 чел., из которых около 5 тыс. чел. составляли граждане СССР. В боях погибли 1132 чел., а общие потери достигли 11506 чел. [15].

Примечания:

1. Русский корпус на Балканах (1941–1945). Сб. воспоминаний и документов. СПб., 1999. С.44.
2. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С.114–116.
3. Русский корпус на Балканах (1941–1945). С.431.
4. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С.89.
5. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С.26.
6. Дробязко С.И. Указ. соч. С.91–92.
7. Цурганов Ю.С. Указ. соч. С.120.

8. *Тихонов П.П.* Вспоминая лейтенанта. Штрихи боевой страды Русского Корпуса на Балканах [Электронный ресурс]: <http://ric.orthost.ru/history/as/7/>

9. *Дробязко С.И.* Указ. соч. С.92–93.

10. *Чуев С.* Указ. соч. С.27–28.

11. *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939 - 1945. Русская Освободительная армия. М., 1999. С.13–14.

12. *Чуев С.* Указ. соч. С.27–28.

13. *Тихонов П.П.* Указ. соч.

14. *Чуев С.* Указ. соч. С.33–34.

15. *Ожороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С.53; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С.97.

Э.Г. Вартаньян

Симеон II, Царь Болгарский: возвращение на родину

Болгарский Царь Симеон II Саксен-Кобургский родился 16 июня 1937г. После скоропостижной смерти отца – Царя Бориса III в 1943 г., [1] он был объявлен болгарским Царем Симеоном II, однако ввиду его малолетства страной правил регентский совет, состоявший из брата покойного Царя князя Кирилла Преславского, генерала Михова и профессора Филова.

После смены власти в 1946г. члены регентского совета по приговору народного суда были расстреляны. К самым сильным воспоминаниям своего детства Симеон относит сообщения о расстреле дяди – князя Кирилла и близких его семье людей. Царской семье было предложено покинуть страну. Симеон II, не отрекшись от престола, с матерью и другими близкими 16 сентября 1946 года уехал из Болгарии к родственникам в г. Александрию. По результатам общенародного референдума 1947г. была провозглашена Народная Республика Болгария.

В 1951г. с согласия испанского правительства Царская семья переехала из Египта в Мадрид (считается, что генерал Франко предложил им перебраться в Испанию). В испанской столице царица Иоанна при финансовой помощи своей матери купила виллу, на которой в дальнейшем жил Симеон II (Виктор-Эммануил III, отец Иоанны, оставил дочери долю в наследстве, и это помогло разрешить денежные затруднения Царской семьи). Таким образом Царственная болгарская семья оказалась в эмиграции. За годы эмиграции Симеон II не принял никакого гражданства, сохраняя только болгарское [2].

В эмиграции Симеон получил хорошее образование – учился в английском колледже «Виктория», окончил французский лицей в Мадриде, военную академию «Вали Фордж» в Пенсильвании (США). Помимо болгарского и испанского, Симеон II владеет английским, итальянским, немецким, немного арабским и португальским языками. Симеона отличает дисциплинированность, которая ему помогала в сложные периоды жизни, любовь к литературе, искусству, истории, философии (особенно ценит труды Р. Декарта).

В эмиграции Симеон неоднократно пересматривал оценку своей роли в истории Болгарии. В день восемнадцатилетия, выступая перед болгарскими эмигрантами, он заявил, что никогда не предполагал отказываться от права на трон, а Тырновская конституция 1879г. остается для него идеалом [3]. В 1955г. была создана Царская канцелярия, где Симеон занимался приемом эмигрантов (в настоящее время в мире живет около 150 тыс. болгарских эмигрантов) [4], поиском субсидий на их нужды, а также политической деятельностью.

До 1968г. Симеону казалось, что конец коммунистического режима возможен, так же как и его возвращение на родину. Однако политическая реальность – изменения в мире, связанные с укреплением социалистической системы, сложившимся статус-кво в «холодной войне», установлением дипломатических отношений между Испанией и Болгарией, укреплением позиций Болгарии на мировой арене, подписанием Хельсинкских соглашений 1975г. и многим другим – заставила Симеона переосмыслить свои взгляды. Неспособность болгар-эмигрантов к объединению обусловила решение Симеона прекратить политическую деятельность. В 1970-е гг. Симеон сосредоточился на идее объединения болгар вокруг культурных и исторических ценностей [5].

Что касается деловой карьеры, то с 18 лет Симеон стал вести финансовые дела своей семьи, проявив в этом большие способности. Он не хотел быть никому обязанным, много работал, дабы не разделить участи «профессиональных эмигрантов». Участвовал в работе «Квробилдинга» по строительству сети гостиниц в Испании, компании «LONA» в Марокко, в деятельности ряда туристических агентств в качестве администратора [6]. Симеон снискал всеобщую симпатию болгар своей толерантностью, умеренностью, эрудицией, врожденным аристократизмом.

Жена Симеона Маргарита Гомес-Асебо и Сехуела – потомок видного испанского дворянского рода. Ее родители были расстреляны без суда и следствия в конце 1936 г. во время гражданской войны в Испании.

Своим пятерым детям (4 сына и дочь) Симеон предпочел не передавать в наследство несбыточные надежды, которые сделали бы из них профессиональных изгнанников. Все дети получили практическое образование – сельскохозяйственное, финансовое, медицинское, торговое. Двое старших детей Симеона придерживаются православного вероисповедания, трое младших – католики (из уважения к Испании, которая дала убежище семье бывшего монарха) [7].

10 ноября 1989г. генеральный секретарь БКП Тодор Живков ушел в отставку, начались изменения в Болгарии, связанные с крушением социалистической системы. В новых политических условиях конца XX в. болгарский Царь хотел стать скорее заинтересованным зрителем, чем сторонним наблюдателем за событиями на родине. Он высказал болгарским властям предложение о помощи. Эволюционный путь развития страны в период трансформации ему импонировал больше, чем насильственный.

В 1990г. в одном из интервью Царю был задан вопрос о том, видит ли он себя в качестве будущего главы болгарского государства. Симеон ответил, что только если наступит подходящий случай. По мнению Симеона, монархия должна быть демократичной и толерантной, монарх не должен вмешиваться в управление страной, его роль в современном мире заключается в арбитраже.

В феврале 1990г. болгарский Царь впервые был показан болгарским телевидением в одной из программ, которая вызвала широкий общественный резонанс в стране. Сразу после телепередачи все газеты опубликовали специальное заявление Совета министров Болгарии, в котором говорилось, что в общественной жизни Болгарии нет места для возрождения монархической идеи. Стал увеличиваться поток информации о Симеоне в Болгарии, народ требовал возвращения Царя на родину, стали создаваться клубы, ассоциации, группы в поддержку Царя и монархии.

Впервые после изгнания Симеон II приехал в Софию в 1996г., его встречали тысячи болгар, он был принят президентом Болгарии Жельо Желевым. С этого времени Царь неоднократно приезжал на родину с частными визитами. Симеону было восстановлено болгарское гражданство. В 1998г. Конституционный суд страны вернул конфискованную царскую собственность – дворец «Врана» с поместьем (90 гектаров парка Враны Царь передал муниципалитету, дворец переоборудовал под школу гостиничного бизнеса), дом в горах и в предместье Софии, большое сельскохозяйственное угодье около Пловдива и др. [8].

«Я вернулся 22 января. Шел снег. За исключением стула, деревянного ящика и кровати дом был совершенно пуст (впоследствии дворцовая мебель, картины и посуда были обнаружены в запасниках). Внезапно я вернулся на полстолетия назад... Я вспомнил детство... Видел себя в саду, играющим с сестрой. Это было уникальное, но болезненное ощущение...» – так Симеон вспоминает свое возвращение в родной дом в 2001г. [9].

В феврале 2001г. Симеон II выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах, но Конституционный суд заявил о нелегитимности этой акции по причине того, что он не проживал последних 5 лет в Болгарии [10]. Президентом страны был избран Петр Стоянов.

В 2001г. 64-летний Царь Симеон II вернулся в Болгарию для участия в парламентских выборах, создав коалицию «Национальное движение Симеона II» (НДСВ). На выборах в июне 2001г. НДСВ одержало убедительную победу, получив 43% голосов избирателей [11]. Однако набранного количества голосов было недостаточно для формирования однопартийного правительства (за правящий «Союз демократических сил» проголосовал 21% избирателей, коалиция во главе с Болгарской социалистической партией (БСП) получила 18%, 4% барьер преодолела коалиция во главе с этническим движением «Движение за права и свободы» во главе с Ахмедом Доганом, представляющее интересы 8,5% турецкого меньшинства) [12]. НДСВ получило половину депутатских мандатов в парламенте (120 из 240) и создало правоцентристскую коалицию с организацией этнических турок «Движение за права и свободы». В правительство вошли помимо представителей НДСВ, два представителя Болгарской социалистической партии (БСП). Бывший правящий союз «Объединенные демократические силы» оказался в оппозиции [13]. Победа на выборах оппозиционных сил была обусловлена низким уровнем жизни, коррупцией в органах власти, неэффективностью проводимых в стране реформ. Премьер-министр Болгарии Иван Костов, уступивший кресло премьера Симеону II, охарактеризовал прошедшие выборы как сокрушительное поражение, причину которого видел в последствиях экономического кризиса 1996–1997гг. и неудовлетворительном состоянии проводимых в стране реформ [14]. Несмотря на то, что экономика Болгарии в 2000–2001гг. испытала рост на 5,8%, уровень жизни болгар оставался низким, официально безработица достигла 17,5%, а средняя заработная плата – 100 долларов США в месяц [15].

12 июля Симеон II согласился возглавить новое правительство Болгарии (указ о начале формирования правительства был издан

17 июля) [16]. 5 июля парламент Болгарии собрался на свое первое заседание. Регламентом было закреплено право Симеона II лично подбирать кандидатуры, вносимые от его коалиции на посты председателя парламента, министров, губернаторов провинций. Лидером парламентской группы, по предложению Симеона II, был избран профессор Пламен Панайотов [17].

Таким образом, Симеон II стал первым в послевоенной европейской истории монархом, вернувшимся в большую политику в качестве главы демократически избранного правительства. Еще накануне выборов Симеон II заявил, что не планирует реставрировать монархию. Новый премьер-министр Симеон II заявил, что сделает все возможное для своей родины и каждого ее гражданина, подчеркнул необходимость сохранения преемственности во всем положительном, что было совершено в стране до сих пор. Приоритетами своего правительства новый премьер назвал экономический рост, повышение уровня жизни (рост заработной платы до 800 долл. в месяц), поощрение иностранных инвестиций, членство Болгарии в ЕС и НАТО, борьба с коррупцией, стабильное и соответствующее европейским стандартам законодательство, приоритетное финансирование социальных программ. Качественное улучшение жизни людей Симеон II обещал в течение 800 дней (отсчет начался с 24 июля 2001г.) [18].

Осенью 2001г. президентские выборы в Болгарии завершились сенсационно. Победу одержал 44-летний социалист, в прошлом коммунистический лидер Георгий Пырванов [19]. Поражение П. Стоянова было обусловлено нарастающим экономическим кризисом в стране. В результате управление страной оказалось в руках бывшего коммуниста (президент Г. Пырванов) и бывшего Царя (премьер-министр Симеон II). Г. Пырванов заявил, что готов сотрудничать с правительством Симеона Саксен-Кобургского и поддержать курс Болгарии на вступление в НАТО и Европейский союз.

Первым официальным визитом Симеона II после победы на выборах стал визит к патриарху Болгарскому Максиму и членам Синода. Патриарх особо благословил Царя на все добрые дела, а Царь заявил о готовности поддерживать церковь и сотрудничать с ней (87% 9-миллионного населения Болгарии исповедуют православие) [20]. Симеон II подчеркнул свое намерение создать специальную парламентскую группу по рассмотрению случаев нарушения прежним правительством законов о религиозных организациях и возвращению канонической церкви ее имущественных и иных прав [21].

Симеон II как противник национализма, нарушений прав человека, осудил акцию Т. Живкова 1980-х гг. по замене мусульманс-

ких имен на болгарские, считая, что болгарские мусульмане прежде всего соотечественники болгар и вернувшимся туркам должно быть возвращено имущество [22].

Относительно взаимоотношений с Россией: по мнению Симеона II важно улучшать двусторонние отношения на равноправной основе. Во время официального визита в Москву в июне 2002г. Симеон II отметил, что намерение Болгарии войти в Евросоюз не может быть препятствием для добрых отношений и плодотворного сотрудничества с Россией... После посещения Троице-Сергиевой лавры, «особого места» для болгарского премьера, он в интервью заявил, что русские церковные песнопения «составляют любимую часть его личной музыкальной коллекции», а «российская культура его всегда интересовала и привлекала» [23].

Летом 2005г. в Болгарии прошли парламентские выборы. Наибольшее число голосов получила оппозиционная Болгарская социалистическая партия во главе с Сергеем Станишевым (около 32% голосов), «Национальное Движение Симеона II» – 21,12%, «Движение за права и свободы» этнических турок – почти 10% [24]. Результаты парламентских выборов показали, что популярность бывшего Царя упала, несмотря на то, что экс-премьер выполнил почти все свои предвыборные обещания – добился вступления страны в НАТО в 2005г., успешно вел переговоры по вопросу вступления в ЕС (в 2007г.), за исключением долгожданного экономического роста.

Симеон II покинул пост премьер-министра и сосредоточился на деятельности в качестве руководителя «Национального движения Симеона II», являющегося вторым по численности в Народном Собрании Болгарии [25]. 27 июля 2005г. парламент Болгарии утвердил лидера БСП Сергея Станишева в качестве нового премьер-министра страны (выпускника исторического факультета МГУ). Было сформировано правительство «широкой коалиции» при участии БСП, «Движения за права и свободы» «Национального движения Симеона II» [26].

Результаты выборов 2005г. показали, что наиболее жизнеспособными для близкой по менталитету России православной Болгарии оказались монархическая и социалистическая идеи.

Симеон II призывает Болгарию к превращению в XXI веке в привлекательный региональный центр, к открытости и толерантности в политических отношениях, к развитию рыночных отношений в экономике, к интеграции в европейскую общность. По его мнению достижение принципов свободы, многопартийности, демократии создали предпосылки для дальнейшего развития Болгарии и определения ее места в общемировой системе ценностей.

Примечания

1. Существует версия о том, что царь Борис III в 1943г. был отравлен по приказу Гитлера за категоричный отказ ввести в войну болгарские войска // Патриарх Алексей принял министра Болгарии царя Симеона / <http://www.zavet.ru/news/0206/n04.htm> 20. 09.2006.
2. Михайлов С., Димих Д. Цар Симеон II. София, 2001.С. 64, 163, 253.
3. Там же. С.166.
4. Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003. С. 181.
5. Михайлов С., Димих Д. Указ. соч. С. 169.
6. Политические лидеры ... С. 171–172.
7. Власть для меня не цель, важно служить своему народу и прилагать усилие к тому, чтобы выполнить свои обязанности наилучшим образом / http://www.Formulavlasti.ru/tv/?a_tip=1&a_param=3&f_desc=&f_val=&pid=62 17. 09. 2006.
8. Лобанов П. Царское дело: интервью Симеона II «Итогам» // Итоги / http://www.itogi.ru/paper2001.nsf/Article/Itogi_2001_07_09_13_4414.html 26. 03. 2006.
9. Там же.
10. Там же.
11. Власть для меня не цель...
12. Симеон II: «С сегодняшнего дня Болгария изменится» /Эксперт-Центр//<http://expert.org.ua/2001/06/18/010618p3.shtml> 20.09.2006.
13. Бывший болгарский царь Симеон II избран новым премьер-министром страны // <http://24iul2001.interport.ru/world/simeon.pereд> 17.09.2006.
14. Симеон II: «С сегодняшнего дня Болгария изменится» /Эксперт-Центр
15. Там же.
16. Власть для меня не цель...
17. Формирование парламентской франкии движения Симеона // <http://www.monarhia.ku/?id=01&type=news&y=2001&m=06&d=29&show=02> 20.09.2006.
18. Симеон II: «С сегодняшнего дня Болгария изменится» ...; Бывший болгарский царь Симеон II избран
19. Светлорусова Л.М., Георгий Пырванов -первый год президентства/ /Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003. С.38–43; Эксперт-центр // http://expert.org.ua/2001/11/19/011119w3.shtml?print_version 17. 09. 2006.
20. Официальная Болгарская церковь поддерживает победу царя Симеона II на парламентских выборах // Благовест-инфо - Вертоградъ, София / <http://www.vertograd.ru/2001-09-71/newsm7.html> 17.09.2006.

21. Стоянов Д. Царь Симеон и Болгарская церковь // <http://www.pravoslavie.ru/analit/simeon-bulgchurch.pereд> 20.09.2006.
22. Михайлов С., Димих Д. Указ. соч. С. 105–107.
23. Патриарх Алексей принял министра Болгарии царя Симеона // <http://www.zavet.ru/news/0206/n04.htm> 20. 09.2006.
24. Болгария между монархией и социализмом / <http://.php?Idar=16070> 20.09.2006.
25. Там же.
26. <http://...%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%D1%80%D0%B8%D1%8> 20. 09.2006.

Раздел III.

Мир русского офицерства и чиновничества: ценности и символы сознания

О.В. Матвеев

«Je vous attends...»

Графиня Е.П. Ростопчина
и М.Ю. Лермонтов

Когда весной 1853г. конфликт по поводу чинимых турками в Святой Земле обид и притеснений православному духовенству вылился в войну, по рукам стали ходить стихи «Нашим братьям юго-восточным славянам»:

Пришла пора. Зажглася над Востоком

Давно желанная заря...

К нам, братья, к нам!

Скорей в объятья наши

Единоверцев племена!

Ваш кончен плен, разбиты цепи ваши, –

России длань тверда, сильна...

Долой мечеть с двурогою луною!

Сияй наш Византийский крест!

Сияй над маковкой Софии золотой,

Над куполом священных мест!

Автором стихотворения была Евдокия Петровна Ростопчина. В письме к Ф.А. Кони 28 мая 1854г. она сообщает: «А касательно воззвания к братьям православным, то оно было написано как призыв к оружию этим братьям; я желала, чтобы его прочитала Вселен-

ная, как выражение чувства русского народа к его единоверцам, и первый экземпляр был мною послан Каэтону Коссовичу с просьбой перевести его и переслать в Сербию, в Болгарию, в Молдавию, в Черногорию особенно, одним словом всюду, где крест еще в борьбе с луною, где православный храм не смеет благовестить в соседстве мечети... Жаль было только одного, что только слабый голос женщины поднялся у нас с таким кличем, для которого нужен был новый Тиртей и который так могущественно поднял бы наш несравненный Пушкин, чье сердце понимало все благородные и высокие чувства народов, и особенно угнетенных» [1].

Графиня Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова (1811–1858) – поэт, прозаик, драматург, незаурядная женщина, в салонах которой в Петербурге и Москве бывали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Карамзины, Вяземские, где пел свои романсы Даргомыжский и играл Ф. Лист... Она была одной из первых русских поэтесс, учила «женщин говорить» в то время, когда образованное русское дворянство изъяснялось большей частью по-французски, когда женщина-литератор была в диковинку. Ее сочинения – полузабытое, но живое и добротное достояние русской литературы, рисующие перед нами образ современницы Пушкина и Лермонтова со

светлыми порывами и искренними заблуждениями, с внешне обычной, а в сущности, трагичной женской судьбой [2]. В 1986–1987г. ее творчество вернулось к нам в изданном одномомнике избранных произведений поэтессы. Литературоведы посвятили целый ряд исследований ее судьбе и творчеству [3]. Тем не менее, среди эпизодов ее яркой, наполненной чувствами, поэтическими откровениями и горькими потерями жизни немало таинственного. Среди них – отношения с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

М.Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837 год.

Лермонтоведы обычно указывают на общность духовного склада двух поэтов, переключки, например, близость стихотворения Ростопчиной «Поклонники Наполеона...» (1840) лермонтовскому «Последнему новоселью» (1841). Ростопчина и Лермонтов принадлежали к одному поколению, к одному обществу, сходен был круг их чтения, имели много общих знакомых. Е.А. Карамзиной, у которой Евдокия Петровна так часто встречалась с Лермонтовым, поэтесса посвятила такие строчки:

*Там говорят и думают по-русски,
Там чувством родины проникнуть сердца,
Там чинность модная своею цепью узкой
Не душит, не теснит. Там памятью отца
Великого и славного все дышит...*

Салон Карамзиных четверть века играл заметную роль в духовной жизни столицы, здесь появились лермонтовские строчки, посвященные Ростопчиной:

*Я верю, под одной звездой
Мы с Вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.*

Связывало ли поэтессу и Лермонтова нечто большее, чем дружеская приязнь? Сама Евдокия Петровна и в стихах, и в прозе настойчиво и упорно подчеркивает, что ее чувство к Лермонтову не более чем приязнь. «Вот разве что слишком уж настойчиво подчеркивает...», – замечает лермонтовед А.М. Марченко [4].

Графиня не могла уйти от всех условностей общества, в котором воспитывалась. Та идеальная любовь, что представлялась ей в юности по романам, обернулась если не трагедией, то драмой. Судьба ее сложилась так, что драма эта сказывалась на всей ее несчастной личной жизни. Дав себя уговорить небескорыстным родным выйти замуж за графа, носившего известную в России фамилию, Додо через многие произведения пронесла трагическую коллизию «Любя его... принадлежать другому!» ...

В своих предсмертных воспоминаниях о Лермонтове, написанных по просьбе известного французского писателя Александра Дюма, Евдокия Петровна напишет о времени с февраля по апрель 1841г.: «Принадлежа к одному и тому же кругу, мы постоянно встречались и утром и вечером; что нас окончательно сблизило, это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе вдоволь над ними посмеялись и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени. Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни» [5]. В его жизни... А в ее?

Прибывший с войны боевой офицер, автор «Героя нашего времени» и «Бородин», в ореоле литературной славы, не мог не произвести сильного впечатления на графиню. Если для адресата Лермонтова в «Валерике» были «смешны тревоги дикие войны», то Евдокия Петровна жадно внимала рассказам о боях на Кавказе. Сама поэт, она хорошо понимала: это то, чего не хватало Лермонтову в Петербурге – живая, естественная жизнь, дававшая материал для творчества. «От времени второго пребывания в этой стране войны и величественной природы, – писала она в своих воспоминаниях, – исходят лучшие и самые зрелые произведения нашего поэта. Поражительным скачком он вдруг самого себя превосходит, и его дивные

стихи, его великие и глубокие мысли 1840 года как будто не принадлежат молодому человеку, пробовавшему свои силы в предшествовавшем году; тут больше правды и добросовестности» [6]. В стихах, посвященных Михаилу Юрьевичу, она скажет:

*Там блеск штыков и звук мечей
Ему заменят вдохновенье,
Любви и света обольщенье
И мирный круг его друзей.*

Ростопчина глубоко разделяет взгляды Лермонтова на служилое дворянство. В это время поэтом замыслен очерк о русском офицере на Кавказе, грудь которого «увешена крестами, а чины не йдут [...]». Чуждый утонченности светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась пашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия» [7]. Лермонтовский штаб-капитан Маским Максимович для Евдокии Петровны «человек, достойный уважения», как разделяет она и взгляды поэта на выскочек аристократизма, «пятою рабскою поправших обломки» служилого дворянства. В 1840г. у нее родились саркастические, не лишённые крайностей, строчки:

*Пускай в России нет дворян,
Пускай все русские вельможи –
Из чухон, ляхов и армян,
На русских вовсе не похожи;
Пускай наследие Петра –
Страшилище врагов и внутренних и внешних;
Вся наша гвардия осталась верна
Названью прежнему «потешных».
А слава древняя дружин,
Сословие детей боярских
Погрязло в дрязгах канцелярских
И саблю заменив пером,*

*Кольчугу бранную позорным вицмундиром,
Ярыжкам сделалось подобное во всем
И стало мерзостным вампиром,
Который день и ночь сосет
Все соки лучшие из русского народа
И даже ухом не ведет,
Что есть уж два издания «Свода».*

Представленный к награждению золотым оружием с надписью «За храбрость» [8], поэт и офицер Лермонтов резко выделялся на этом фоне. Пропахший войной султан кивера поручика Тенгинского полка, был ближе и дороже светского лоска окружавших Евдокию Петровну на балах при дворе мужчин. В стихотворении «Ожидание», датированном началом 40-х годов и приписываемом литературоведами будто бы П.И. Мещерскому, Ростопчина скажет:

*Стесненные условной жизнью светской,
Согбенные под роковым ярмом,
Хоть ропщем мы, но в тайне, с блажью детской,
И редко лишь свободны и вдвоем.
Но сладко обмануть надзор ревнивый,
Завистливой молвы ехидный взор, –
И поцелуй страстнее торопливый,
Сто раз живей запретный разговор...
Спеши, я жду тебя! С душой покорной
Я встречу господина моего
Хандрит ли он, взволнован думой черной?..
Мой женский стих рассеет грусть его!..
Он весел ли?.. Шутить, болтать я рада,
Ум, сердце, страсть - все дарю ему...
За пару слов, за светлый проблеск взгляда
Я жизнь отдам кумиру моему...
Приедет он, пушинку пыли снежной
С султана белого легко потряхнет,
Сам сядет близко так, с улыбкой нежной
Наклонится и за руку возьмет.*

В день отъезда Михаила Юрьевича на Кавказ, Евдокия Петровна «одна из последних пожала ему руку». В это краткое мгновение уединения в толпе Михаил Юрьевич успел отдать поэтессе альбом со стихотворением «Я верю, под одной звездой мы с вами были рождены», а Евдокия Петровна – шепнуть, выдохнуть коротенькую в одно дыхание фразу: «Je vous attends» («Я вас жду») [9]. Первое – факт, второе – всего лишь гипотеза. Но если отказаться от нее, со-

вершенно необъясним один загадочный поступок Лермонтова. Это его письмо от 10 мая 1841г. к Карамзиной, в которое поэт искусно вмонтировал стихотворение на французском языке «L'attente» («Ожидание») [10]. В русском переводе оно звучит так: «Я жду ее в темной дали. Вдали, вижу белеет призрак, который приближается. Но нет! Обманчива надежда! То старая ива качает свой сухой и блестящий ствол. Я наклоняюсь и долго прислушиваюсь: мне кажется, что я слышу звон легких шагов по дороге. Нет, не то! Это шелестит лист во мху, колеблемый душистым ветром ночи. Полный горькой тоски, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном. Вдруг я вздрагиваю и просыпаюсь: ее голос шептал мне на ухо, ее уста целовали мой лоб». А.М. Марченко справедливо отмечает, что к Софье Карамзиной, этой «Пьеро в вечно стоптанных башмаках», стихи не могли иметь никакого отношения, тем более что к ним приложен комментарий: «Я хотел написать еще кой-кому в Петербурге, в том числе и госпоже Смирновой, но не знаю, будет ли ей приятен этот дерзкий поступок». Карамзиной Лермонтов написал сразу же после утомительной дороги. Смирновой хотел написать... Следовательно, остался еще кто-то, не названный... Вместо письма отправил стихи, смысл которых понятен лишь двоим [11]. В том, что Карамзина, стремившаяся неженской хваткой заполучить в свое окружение цвет русской литературы, прочтет письмо поэта в своем салоне, Михаил Юрьевич не сомневался. «Белеющий призрак», «легкие шаги», «уста целующие в лоб» также соответствуют облику Евдокии Петровны. Легкость, воздушность Додо, как ее называли, Лермонтов подметил еще в новогоднем мадригале 1831г.: «Как над пучиною мятежной свободный парус челнока, ты беззаботна и легка»...

Если сопоставить стихи из подаренного Евдокии Петровне при прощании альбоме, где помимо осторожного объяснения своего сдержанного поведения во время отпуска («Предвидя вечную разлуку, боюсь я сердцу волю дать») есть еще и метафорический образ их «неразгаданного союза», со стихотворением «Утес», написанным по дороге на Кавказ, то и эта вещь продолжает «ростопчинскую» тему:

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.*

Стихи Ростопчиной «На дорогу! Михаилу Юрьевичу Лермонтову» были написаны 8 марта 1841г. Однако, посвященные ему стихи, Лермонтов получил лишь 27 марта. При обычных, дружеских отношениях, тем более, если в них присутствует профессиональ-

ный взаимный интерес, естественным было вручить послание «адресату», не дожидаясь его отъезда в армию. Но Евдокия Петровна утаила подарок, что явно не в ее натуре – нетерпеливой, порывистой, легкой. Чувства пересилили авторское тщеславие и нетерпение услышать мнение профессионала о своем творчестве. Она ждала, когда до Петербурга доберется бабушка поэта. Елизавета Алексеевна Арсеньева с ее ревнивым и властным нравом могла стать серьезным препятствием уже ставшим необходимостью ежедневным встречам. В этой ситуации послание на дорогу, где одна строфа была целиком посвящена Арсеньевой, могло нейтрализовать недовольство «милой бабушки» слишком частым свиданиям Мишеньки с невесткой старого Ростопчина:

*Но есть заступница родная
С заслугою преклонных лет
Она ему конец всех бед
Унеба вымолит, рыдая!
Но заняты радушно им
Сердцец приятных желанья, -
И минет срок его изгнанья,
И он вернется невредим.*

Судя по всему, расчет Евдокии Петровны оказался верным: и после приезда «заступницы» Михаил Юрьевич проводил многие часы в обществе черноглазой Додо [12].

Через несколько дней после отъезда Михаила Юрьевича на Кавказскую линию Евдокия Петровна получила сигнальный экземпляр сборника своих стихотворений. Зная, что Лермонтов собирался задержаться в Москве, она бросилась к Елизавете Петровне с просьбой – передать стихи с оказией. Арсеньева, обычно такая точная во всем, что касалось Мишеньки, просьбу не исполнила. Видимо не пожелала, потрафлять непонятным отношениям внука с замужней женщиной, матерью маленьких детей [13]. Однако о том, что слишком нарядная и чересчур разговорчивая жена графа Андрея Федоровича завезла томик своих произведений, сообщила. Получив письмо от бабушки, Лермонтов не без раздражения пишет ей: «Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной, пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда, в Пятигорск» [14]. Не исключено, что с мыслями о Ростопчиной, связано и самое таинственное произведение Лермонтова – знаменитый «Сон».

*Но в разговор веселый не вступаю
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая*

*Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладающей струей.*

Графиня Ростопчина увлекалась проблемой сверхчувственного, предсказаниями, предчувствиями, магнетическими снами. Магнетическое она находила в цепи поэтических некрологов: А. Одоевского на смерть Грибоедова, Лермонтова на смерть А. Одоевского, своего на смерть Лермонтова. Убийца Пушкина – Дантес, и убийца Лермонтова – Мартынов, – служили в одном и том же полку – в кавалергардском, это тоже казалось Ростопчиной не просто случайностью, а магнетическим сцеплением [15]. Известием о гибели Лермонтова рождены ее возвышенные строчки о трагической участи русских поэтов:

*Поэты русские свершают жребий свой
Не кончив песни лебединой!..*

Еще в феврале 1841 г., объясняя кавказскому приятелю Бибикову «тайну своего отпуска», Михаил Юрьевич обмолвился загадочной фразой: «У меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно не будет». В.А. Мануйлов в книге «Лермонтов в Петербурге» осмелился предположить, что «загадочные слова о завязке новой драмы относятся к сближению Лермонтова и графини Ростопчиной» [16]. Свою гипотезу В.А. Мануйлов не развивает, но интуиция, видимо, не обманывала видного лермонтоведа, как и А.М. Марченко, попытавшуюся вскрыть обманчиво спокойную поверхность ростопчинских строк. У Евдокии Петровны была своя, оставшаяся тайной, история трагической любви, наложившая отсвет на многие ее произведения. И не случайно стихотворение, в адресаты которого прочат Мещерского, как и зашифрованное послание Лермонтова Ростопчиной, называется «Ожидание»...

Примечания

1. *Ростопчина Е.П.* Стихотворения. Проза. Письма / Сост., вступ. ст. подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. М., 1986. С. 381.
2. *Рангин А.М.* Ростопчина, Евдокия Петровна // Русские писатели. Библиографический словарь. Под редакцией П.А. Николаева. М., 1990. Т. 2. С. 201.
3. *Киселев В.* Поэтесса и царь (Страницы истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. №. 1; *Романов Б.* Лирический дневник Евдокии Ростопчиной // Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма / Сост., вступ. ст. подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. М.,

1986; *Афанасьев В.* «Да, женская душа должна в тени светиться...» Евдокия Петровна Ростопчина, 1811–1858. Литературный портрет // Ростопчина Е.П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Сост. В. Афанасьев. М., 1987 и др.

4. *Марченко А.М.* С подорожной по казенной надобности. М., 1984. С. 300.
5. *Ростопчина Е.П.* Сихотворения. Проза. Письма. С. 390.
6. Там же. С. 389.
7. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 591.
8. *Загорюлько В.И.,* Абрамов Е.П. Поручик Лермонтов: Страницы военной биографии поэта. СПб., 2002. С. 106.
9. *Марченко А.М.* Указ. соч. С. 301.
10. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003. С. 552.
11. *Марченко А.М.* Указ. соч. С. 302.
12. Там же. С. 301.
13. Там же. С. 302.
14. *Захаров В.А.* Указ. соч. С. 563.
15. *Ростопчина Е.П.* Стихотворения. Проза. Письма. С. 391.
16. *Мануйлов В.А.* Лермонтов в Петербурге. Л., 1964. С. 172.

А.Н. Еремеева

Майкопские страницы биографии академика П.С. Уваровой¹

Знаменитое в дореволюционной России имя графини Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840–1924), урожденной княжны Щербатовой, в годы советской власти было известно немногим: ученым-археологам, исследователям творчества Л.Н. Толстого (литературоведы рассматривали княжну П. Щербатову в качестве возможного прототипа Кити Щербацкой из «Анны Карениной»). В последнее время публикации и передачи о выдающейся россиянке появились в средствах массовой информации. В 2005 г. стараниями сотрудников Государственного исторического музея была издана книга «Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания графини Прасковьи Сергеевны Уваровой».

Как ни парадоксально это звучит, путь в большую науку начался для блестяще образованной княжны Щербатовой с замужества.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследования, выполняемого по гранту РГНФ. Проект № 06-03-00359а.

Ее муж – граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), сын министра просвещения времен Николая I С.С. Уварова, автора знаменитой формулы «самодержавие, православие, народность».

А.С. Уваров являлся одним из основателей Русского археологического общества, Московского археологического общества и Исторического музея в Москве, а также организатором археологических съездов в России. После смерти супруга Прасковья Уварова взяла на себя обязанности председателя Московского археологического общества и, соответственно, организатора Всероссийских археологических съездов.

Графиня получила профессорские звания в Дерптском университете и Петербургском археологическом институте. В 1895г. П.С. Уварова стала первой русской женщиной – членом Петербургской академии наук [1]. Она – автор ста семидесяти четырех публикаций. Результатом девяти путешествий графини на Кавказ стал трехтомник «Кавказ. Путевые заметки» (М., 1887–1904) и ряд других работ. Современные исследователи памятников археологии Кавказа, в т.ч. и Краснодарского края, нередко ссылаются на труды Прасковьи Сергеевны [2].

В данном докладе рассматривается майкопский период жизни П.С. Уваровой, относящийся к 1919 – началу 1920г.

Переселение первого «академика в чепце» на Кубань связано с событиями Гражданской войны. Сама графиня комментирует этот факт в письме от 4/17 ноября 1920г. из Сербии известному историку культуры Н.П. Кондакову: «Я с семьей покинула Москву после обстрела и разорения нашего дома в Леонтьевском переулке, уехали мы в Ессентуки, где провели несколько месяцев, потом в Майкоп, где провели почти год и где возможно было ознакомиться с местными могильниками и дольменами, ввиду же наступления большевиков на Кубань пришлось срочно эвакуироваться в феврале...» [3].

В мемуарах П.С. Уваровой майкопскому периоду уделено несколько последних страниц [4]. Повествование прерывается на описании населенных пунктов, расположенных вблизи Майкопа.

Прибытие в Майкоп датируется самой Уваровой 7 февраля 1919г. (по новому или старому стилю – не уточняется). Приехала она в вагоне Красного Креста, который формировался под руководством сына П.С. Уваровой – Игоря. В Майкопе семья Уваровой, состоявшая из шести человек, поселилась в большой комнате, в доме местного жителя Афанасия Заболотного, обещавшего в конце марта сдать весь дом [5].

Майкоп описан Уваровой как город «большой, хорошо обстроенный, с некоторой частью домов в европейском вкусе, с гостиницами, ресторанами, двумя маленькими музеями, женской 8-классной гимназией, Учительским институтом, реальным училищем, двумя смешанными гимназиями, несколькими высшими народными и множеством народных училищ» [6] (с. 242). Кубанские станицы поразили мемуаристку «красотой и благолепием». Их планировка воссоздана на страницах воспоминаний.

Майкопская публика, в большинстве своем, показала П.С. Уваровой «серой», «грубой», «некультурной», «самодовольной», «нетребовательной в своих духовных нуждах» [7]. Вместе с тем, мемуаристка тепло отзывается о тех представителях майкопской интеллигенции, которые входили в круг ее общения, помогали ей в повседневной жизни, поддержании здоровья, в знакомстве с местностью, с археологическими достопримечательностями. Это, прежде всего, семьи майкопских врачей В.Ф. Соловьева [8], П.Н. Слепухина, Н.Г. Шапошникова. Никита Георгиевич Шапошников – вольнопрактикующий офтальмолог, один из сыновей нахичеванского купца II гильдии, первого Городского головы Майкопа Г. Шапошникова. Он встречался с П.С. Уваровой задолго до ее приезда в Майкоп. В бытность студентом Московского университета, он посещал заседания Московского Археологического общества. Брат Никиты Георгиевича – Христофор Георгиевич – «знаток биологии, имеющий по своей части богатую библиотеку и коллекцию бабочек» [9] также оказался интересным собеседником для Уваровой.

Доверительные отношения сложились у П.С. Уваровой с директором местных музеев П.К. Перепелицыным – «простым, добрым, честным тружеником, который, вероятно, не получил высшего образования, но влюблен в свое дело» [10].

Нуждаясь в средствах, академик Уварова решила заняться педагогической деятельностью. «Уроки по иностранным языкам нашлись весьма скоро для всех нас: требовали их и ученицы разных заведений и совершенно взрослые люди и младенцы, которых необходимо было подготовить в то или другое заведение...» [11]. Владующая французским, английским и немецким языками, восьмидесятилетняя Прасковья Сергеевна, как и хорошо образованные члены ее семьи, была «нарасхват».

Знакомство с памятниками археологии и окрестными поселениями стало возможным, благодаря хлопотам Н.Г. Шапошникова, и получению разрешения пользоваться «обывательскими лошадьми». В итоге П.С. Уварова посетила станицы Тульскую, Абадзех-

кую, Каменноостную, Даховскую, Севастопольскую и Ханскую. В мемуарах приводится описание природы, ландшафтных особенностей, отдельных дольменов и могильников. Местность вблизи станицы Даховской напомнила П.С. Уваровой Тироль.

С горечью отмечается академиком «неряшливое» отношение кубанцев к лесному богатству края, где «лес уничтожается», «рубят и корчуют повсеместно» [12]. Эта тема, вероятно, обсуждалась с Х.Г. Шапошниковым – истинным подвижником в деле охраны окружающей среды. Показательно, что в годы российской смуты, когда большинство соотечественников П.С. Уваровой заботилось в основном об элементарном выживании, мудрая пожилая женщина думала о завтрашнем дне своей страны.

П.С. Уварова вела дневник, который передала, как указано в письме Н.П. Кондакову от 9/22 июня 1921г., директору майкопского музея «для прочтения и сожжения в случае занятия города большевиками» [13]. О судьбе этого дневника каких-либо сведений обнаружить не удалось.

Майкоп стал последним российским пристанищем П.С. Уваровой. Первая русская женщина-академик умерла в Югославии, в местечке Добар 30 июня 1924 года.

Примечания

1. Софья Ковалевская удостоилась этого титула несколькими годами раньше – в 1889г., но знаменитая женщина-математик считалась иностранным членом-корреспондентом и представляла шведскую науку.

2. Комментируя ведущееся в настоящее время (2006г.) обследование дольмена, находящегося в Джубге, руководители экспедиции отмечали, что именно этот мегалит ровно 120 лет назад привлек внимание графини Уваровой, которая провела поверхностное обследование и фиксацию блоков каменного строения, возраст которого - более 4500 лет. (Коммерческий голос Черноморья (Туапсе). № 35. 2006. 14 сентября. Информация с сайта <http://www.tuapse-info.ru/kompas/kompas62/kompas0351.html>)

3. Письма Н.П. Кондакова и П.С. Уваровой 1880–1923 годов. / Публ. И.Л. Кызласовой // Вопросы искусствознания. X (1/97). С. 536.

4. Уварова П.С. Былое, Давно прошедшие счастливые дни / Подг. текста и писем, коммент. Н.Б. Стрижовой // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 144. С. 241–249.

5. Там же. С. 242.

6. Там же.

7. Там же.

8. Соловьев В.Ф. (1863–1952) - врач, режиссер и участник спектаклей любительской драматической труппы майкопского Пушкинского народного дома.

9. Уварова П.С. Былое, Давно прошедшие счастливые дни. С.246. Х.Г. Шапошников (1872–1938) – выпускник Екатеринодарского реального училища, Рижского политехнического института, слушатель Берлинского университета, лесничий Белореченского лесничества Кубанского войска. Впоследствии он стал основателем и первым директором Кавказского государственного природного биосферного заповедника. В 1937г. незаконно репрессирован. (<http://www.ecoethics.ru/b42/150.html>)

10. Уварова П.С. Былое, Давно прошедшие счастливые дни. С.244. Вероятно, Перепелицын работал в музеях на общественных началах. Основным местом его службы, судя по данным Кубанских календарей последних предреволюционных лет, было 7-е Майкопское городское смешанное училище. Увлеченность Перепелицына изучением природы и истории Кубани отмечалась другими знавшими его людьми. Например, екатеринодарский учитель Ф.В. Андерсон в письме знаменитому ученому В.И. Вернадскому ссылался на данные «народного учителя Павла Кондратьевича Перепелицына (Майкопский городской музей), чрезвычайно большого любителя до разных естественно-исторических экскурсий» о сталактитовой пещере (Архив Российской академии наук. Ф. 518. Оп. 3. Д. 44. Л. 9.)

11. Уварова П.С. Былое, Давно прошедшие счастливые дни. С.243.

12. Там же. С. 249.

13. Письма Н.П. Кондакова и П.С. Уваровой 1880–1923 годов. / Публ. И.Л. Кызласовой С. 537.

В.В. Бондарь

К истории Остзейского рода фон Засс

Род фон Засс, довольно богатый незаурядными личностями и связанными с их биографиями событиями, запечатлелся в средневековой, новой и новейшей истории Германии, Швеции, Остзейского края, различных местностей России, и даже «Русской Америки» – Аляски.

Сейчас трудно определить время, от которого стоит вести отсчет фамильной истории фон Засс. Да и сложно сказать, какой именно факт мог стать точкой отсчета родовой биографии. В «Генеалогических книгах балтийского рыцарства» (Genealogisches handbuch der baltischen Ritterschaften., несколько частей) генеалогическое древо строится от Хенрика (Генрих) фон Засса, удостоенного в 1453 году рыцарского достоинства – первым в роду. В примечаниях составители утверждают, что род фон Засс известен с XIII века, и в доказательство ссылаются на немецкие источники.

Этимология антропонима, в данном случае – родового имени, «Sass», как и «Sasse», «Zasse», «Sasche», такова: «Сахо» по-латы-

ни означает не что иное, как «сакс». Нет сомнения в том, что антропоним является производным от этнонима, и возник он, вероятно, еще до «времен Оттонов и Генрихов», что дает надежду на обнаружение и более раннего происхождения рода фон Засс.

Родовое древо фон Засс росло быстро и также скоро распространяло свои ветви по Европе. В течение неполных трех веков, с начала XVI по конец XVIII, небольшая рыцарская фамилия, представители которой проживали изначально на Северном Рейне, в Вестфалии и Нижней Саксонии, превратилась в большое родовое объединение, разделившееся после переселения в остзейский край на три ветви: эзельскую, курляндскую и лифляндскую.

По одним данным, род фон Засс был внесен в матрикулы дворянства острова Эзель (современный Сааремаа) и Курляндии 17 октября 1620 года, по другим – имматрикуляция состоялась лишь в 1741 году. Возможно, вторая дата относится к имматрикуляции баронской линии рода, но прямых подтверждений этого предположения нами не обнаружено.

К российскому дворянству род фон Засс, как и все балтийское рыцарство, был отнесен в 1815 году. Намного позже – лишь 10 июня 1853г. (вторично – 28 февраля 1862г.) определением Правительствующего Сената за курляндской дворянской фамилией фон Засс, внесенной также в дворянский матрикул острова Эзель, признан баронский титул.

Гербы остзейских рыцарских родов (первый справа в нижнем ряду – герб рода фон Засс). Конец XVIII века. Из коллекции Иоганна Броце.

В хрестоматийно известном «Балтийском гербовнике» (Baltisches Wappenbuch. Herausgegeben von Carl Arvid von Klingspor, Konigl. Schwed. Reichheraldiker. Stockholm, 1882.) приведены герб рода фон Засс, датированный 1645 годом, и герб баронской линии рода, относящийся к 1797 году.

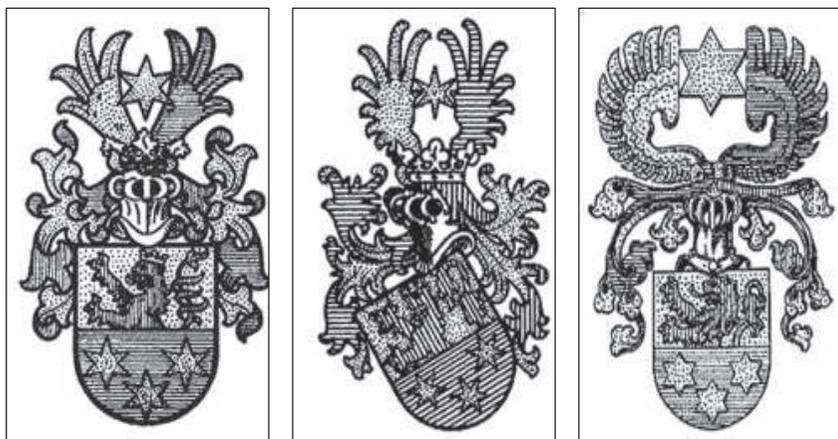
Впоследствии каждая из ветвей рода получила свою разновидность герба, но основные его элементы – червлёный (красный) «вооруженный» и коронованный лев, возникающий в золотом поле верхней части щита, три золотые шестиконечные звезды в лазуревом (синем) поле нижней части щита, серебряный рыцарский шлем, увенчанный бурлетом и короной, золотое и лазуревое крылья с шестиконечной золотой звездой между ними в навершии – оставались неизменными. Различия состояли лишь в формах шлема, намета и крыльев.

Герб рода фон Засс. Baltisches Wappenbuch. Stockholm, 1882. S. 97.

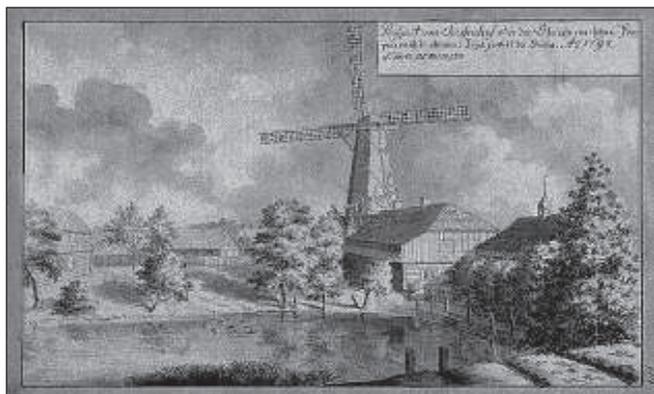

Герб баронов фон Засс. Baltisches Wappenbuch. Stockholm, 1882. S. 97.

Гербы рода фон Засс: слева направо – эзельской, лифляндской и курляндской ветвей.

Об имениях, принадлежавшим представителям рода, пока известно очень мало. В конце XVIII века крупнейшим, по-видимому, было находившееся в предместье Риги имение Зассенгоф, на территории которого, помимо господского дома, хозяйственных построек и большой фермы, располагалась бумажная фабрика. Других сведений об этом имении, кроме того, что на его месте ныне находится рижский аэропорт, нами не найдено.

*Мельница в имении Зассенгоф. Гравюра. 1794 г.
Из коллекции Иоганна Броце.*

В Курляндии находилось имение Шеден, которое в 1729 году Отто фон Засс приобрел у фон Бринкена. В середине XVIII века находившийся здесь обветшавший старинный замок был отреставрирован и расширен, вокруг него был разбит обширный двухъярусный парк, на территории имения было возведено несколько неоготических построек. Известно, что последним владельцем имения был умерший в 1883 году Георг фон Засс – знаменитый «кавказский генерал», основатель города Армавира, известный нам как Григорий Христофорович Засс. В настоящее время в господском доме располагается администрация Салдусского района Латвийской республики.

Центральный ризалит замка Шеден. Фото 2004г.

Парк в имении Шеден. Фото 2004 г.

К началу XX столетия представителям рода фон Засс принадлежало несколько имений в Прибалтике: имение Виндава в Курляндской губернии, владделец - барон Карл фон Засс; имение Гросс-Реннен в Курляндской губернии, владделец – барон Вильгельм Фридрих фон Засс; имение Гоензее в Лифляндской губернии, владделец – барон Карл фон Засс; имение Вейсензее в Лифляндской губернии, владделец – барон Эдмунд фон Засс.

Род фон Засс богат выдающимися личностями, в первую очередь – военачальниками. В этом ряду стоят генерал-лейтенант, кавалер ордена Святого Георгия 3-го класса, Андрей Павлович (Андреас Бурхард Фридрих) фон Засс, герой Бородина генерал-лейтенант, кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса, Андрей Андреевич (Гидеон Генрих) фон Засс, генерал-лейтенант, кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса, Александр Павлович (Христофор Александр) фон Засс, генерал от кавалерии Григорий Христофорович (Георг Христофор) барон фон Засс, генерал-адъютант Корнелий Корнельевич (Корнелиус) фон Засс, генерал-майор Петр Андреевич фон Засс (сын Андрея Павловича). Известен также майор Федор Филиппович (Теодор Филипп) фон Засс, командир Кинбурнского драгунского полка.

Дж. Доу. Портрет Андрея Павловича фон Засса (1753–1815гг.)

Дж. Доу. Портрет Андрея Андреевича фон Засса (1776–1830гг.)

Неизвестный художник. Портрет барона Григория Христофоровича фон Засса

Отдельно стоит упомянуть Николая Павловича фон Засса, в юности начинавшего строить карьеру морского офицера, но прославившегося под именем Нестора, епископа Алеутского и Аляскинского.

Неизвестный художник. Портрет Нестора, епископа Алеутского и Аляскинского (Николая Павловича фон Засса, 1826-1882 гг.)

Род фон Засс породнен с известными прусским графским родом Блюхер фон Вальдштадт, мекленбургским родом фон Ротхоф, родом фон Шлиппенбах (вестфальско-рейнского происхождения), родом Гассельблат, русскими дворянскими родами Вегелиных и Десятковских.

В завершение отметим, что настоящая работа представляет собой лишь первый шаг в изучении истории рода фон Засс. Для воссоздания полной биографии рода необходим тщательный анализ источников немецкого, шведского и остзейского происхождения, расшифровка поколенных росписей ветвей рода, справочной биографической литературы.

Примечания

Печатные издания:

1. Baltisches Wappenbuch. Herausgegeben von Carl Arvid von Klingspor, Konigl. Schwed. Reichheraldiker. Gezeichnet Von Prof. Ad. M. Hildebrandt. Stockholm, F.&G. Beijer. 1882.
2. Lexikon Baltischer K?nstler. Herausgegeben von Dr. Wilhelm Neumann. Riga, 1908.
3. Genealogisches handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil: Oesel. Tartu, 1935.
4. Genealogisches handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil: Livland. Band II. o.J.
5. Genealogisches handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil: Kurland. Band. I. o.J.
6. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. XVII-к. XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 2, 2000. С. 25–48.
7. Бухе А. Список титулованным родам и лицам Российской Империи с 1894 до 1908 года. Москва, 1908.
8. Васильевич С. [Любимов С.В.] Титулованные роды Российской Империи. Санкт-Петербург, 1910. С. 257.
9. Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1815. Биографический энциклопедический словарь, Москва, 2003
10. Кибовский А.В. Прогулки по Эрмитажу. Загадки Военной галереи Зимнего Дворца. // Цейхгауз, 2001, №1/13, с.18–21.
11. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815гг. // Российский архив. Т. VII–М, 1996.
12. Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892.
13. Список остзейских имматрикулированных родов (в русской традиционной транслитерации фамилий) // ЛИРО. Вып. 4–5 (48–49) М., 1997.
14. Православное обозрение. 1878. Декабрь. С. 875, 876.

Электронные ресурсы:

1. <http://www.offtop.ru>
2. http://castle.say-problem.net/rodi/von_zass.html
3. <http://www.adelsvapen.com/order/en-baltindex.html>
4. <http://www.acadlib.lv/e>
5. http://www.pilis.lv/tulk_ru
6. <http://mdz1.bib-bvb.de/cocoon/baltlex/start.html>
7. <http://list.genealogy.net/mailman/listinfo/balten-1>
8. <http://fotki.lv>

Т.П. Хлынина

Город и его обитатели: идеалы и практика общественного служения на рубеже XIX–XX вв.

Облик минувших столетий, завершение которых привычно ассоциируется с закрытой страницей прошлого, зачастую оказывается своеобразным мерилом свершений и помыслов последующих эпох. И хотя «прокрустово ложе» самого облика успело изрядно померкнуть, отблески его обаяния и во многом так и оставшихся нереализованными начинаний властно довлеют над воображением исследователя. Одним из таких притягательных временных оселков российской истории по праву является XIX век, выступающий «перед взором историка» «целым океаном событий, явлений, перемен, сдвигов», «век, как и его собратья по хронологии, знавший дыхание весны и лютые заморозки, видевший восхитительные зори и зловещие сумерки» [1]. Примечательной особенностью этого «яркого богатства событий, идей ... и буйных ростков нового» стало формирование особого типа служебной деятельности, связанной с организацией и развитием местного самоуправления.

Отсутствие традиций, а зачастую и понимания полезности работы земских и городских учреждений в условиях все еще не изжитых пороков крепостничества, приводили к довольно парадоксальным последствиям. С одной стороны, плодились и множились толстовские Свяжские, чей либерализм и широта общественных воззрений уютно уживались с прежними представлениями о самодостаточности правильно оформленной бумаги и удачно проведенного собрания. С другой стороны, пробивала себе дорогу «чиновная поросль» нового образца – выходцев из мещанско-купеческих сословий не только реально знавших положение дел на местах, но и желавших прине-

сения реальной пользы себе и Отечеству. Их не всегда мирное сосуществование и разнящиеся представления об общественном благе находили непосредственное отражение в жизни вверенных их попечению территорий. О людях в гражданских мундирах, а также тяготах их повседневной службы и жизни провинциального города, собственно, и пойдет речь в предлагаемой вниманию читателю небольшой историко-бытовой зарисовке. Ее более чем скромная цель видится в реабилитации незаслуженно забываемой профессиональным исследователем деятельной атмосферы того времени, которая, по наблюдениям современников, буквально пропитывала собою все стороны жизни всколыхнувшегося российского общества.

Согласно программе «Описания санитарного состояния городов Российской империи», подготовленной Министерством Внутренних дел и разосланной в качестве «ведомственного циркуляра» органам общественного управления, «пространство, занимаемое городской Майкопской равниной», на 1 января 1895г. составляло около 8 квадратных верст. Число жителей, по статистическим данным городской управы, достигало 33613 душ обою пола, сведений о «племенном» составе населения в рассматриваемый период времени не имелось [2].

В городе насчитывалось 51 улица, из которых только 1 была заощена полностью, 2 наполовину, а остальные нуждались в «скорейшем благоустройстве»; 5 площадей, покрытых массивным булыжником, и 1 общественный сад. Разделенный на две части, город располагал торговыми банями и скотобойней, чье наличие вызывало особую «санитарную обеспокоенность властей», водосточными ямами и очищался от «грязи и мусора самими домовладельцами» [3]. Для поддержания общественного порядка существовал разветвленный штат полиции, насчитывавший к началу прошлого века 41 человек и включавший в свой состав полицмейстера, 2 приставов, 2 околоточных надзирателей, 35 городских и письмоводителя, обходившихся казне в 10320 руб. годовых [4].

«Внезапная ревизия» делопроизводства Майкопской городской управы, осуществлявшаяся начальником Кубанской области в последних числах февраля 1900г. и сопровождавшаяся осмотром принадлежащего городу имущества «в лице вновь сооруженных капитальных зданий больницы и народной библиотеки», освидетельствовала, что «городское управление стоит на высоте своей задачи». При библиотеке открылась книжная торговля, была учреждена аптека. Сметные поступления в городскую кассу за последние семь лет утроились и на момент проверки достигли 136952 руб., чего не наблюдалось ни в одном из городов Кубанской области [5].

В городе действовал ряд благотворительных обществ, таких как Осиевское общество и Общество попечения о бедных г. Майкопа. На городских властях лежала нравственная обязанность по содержанию ночлежных приютов, обходившаяся казне по 410 руб. ежегодно; поддержанию средств Майкопского Осиевского братства, исчислявшемуся в размере 108 руб.; выплате учрежденной в этом же обществе стипендии имени «в бозе почившего императора Александра III», составлявшей 120 руб.

Городскими властями выделялись и постоянные пособия беднейшим жителям города, которых насчитывалось 18 душ, что составляло 774 руб., Выплачивались единовременные пособия наиболее нуждавшимся категориям населения в размере 200 руб., по 300 руб. годовых предусматривалось и на содержание подкинутых младенцев. Специальным постановлением городской управы отчислялись и 200 руб. «для излечения укушенных бешеными животными» [6].

Слаженность общественной жизни и ее хозяйственная обустроенность во многом зависели от инициативности и деятельности олицетворявших городскую власть людей. В 1870г. Майкопское укрепление возводится «в степень» города, а в 1879г. на него распространяется полное городское управление [7]. Во главе общественного управления стоял городской голова, опиравшийся в своей деятельности на городскую Думу, состоявшую из избираемых на четырехлетний срок гласных, и городскую управу, в состав которой помимо ее членов, как правило, не превышавших 4-х человек, входили лица «технических профессий». В 1900г. число членов и служащих городской управы «по письменной части», включая секретаря, составляло 17 чел., что обходилось городской казне в 8100 руб. годовых [8]. Однако, уже в 1917г., когда население города составило 66 тыс. чел., число членов городской управы выросло до 28 чел. [9]. Городской голова избирался из числа гласных Думы и в случае «невозможности отправления своих обязанностей» замещался «заступающим на его место».

Гласные городской Думы приносили торжественную присягу при вступлении в должность, в которой именем Всемогущего Бога обещали Императору Всероссийскому и наследнику престола «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови», а также «исполнять все надлежащим образом... и для своей корысти присягой не поступать» [10]. На случай замещения выбывшего по тем или иным причинам гласного существовала присяга «для внутреннего пользования», дававшаяся в виде следующей подписки: «Я, нижеподписавшийся, даю сею подписку в том, что, вступая в исполнение обязанности гласно-

го Майкопской городской Думы на четырехлетие... , я обязуюсь во всем исполнять ее честно, добросовестно и согласно законам» [11].

Вместе с тем, несмотря на наличие содержания, гласные зачастую манкировали своими обязанностями. Для борьбы с непосещаемостью заседаний городской Думы, 4 июня 1913г. ею было принято специальное установление против тех «гг. гласных, которые не являются на заседание Думы, вместе с тем, не представляют объяснений о причинах своей неявки». В соответствии со статьей 60 Городового Положения 1892г. уважительными причинами неявки признавались: прекращение сообщений, болезненное состояние, препятствующее выходу из дома, тяжелая болезнь или смерть какого-либо из близких родственников или засвидетельствованные в установленном порядке особые занятия по государственной службе [12]. К такого рода «прогульщикам» была разработана разветвленная система взысканий: на первый раз выносилось замечание, на второй назначался штраф, который не должен был превышать 75 руб., на третий раз помимо денежного штрафа предусматривалось лишение гласного возможности посещать заседания Думы, «на время ей самой установленное, но не далее следующих выборов» [13].

Нередко гласные до истечения срока выборов отказывались от своих полномочий. Так, Михаил Никитич Гурский в 1908г. ставил в известность городскую Думу о том, что «в виду предстоящих частых отлучек по своим заводским делам из г. Майкопа я не буду иметь возможность аккуратно посещать заседания городской Думы, а, посему считаю своим нравственным долгом, сложить с себя обязанности гласного» [14]. Николай Георгиевича Шапошников просил освободить его от звания гласного, «за неимением времени вследствие большой медицинской работы и по домашним обстоятельствам» [15].

Зачастую своими обязанностями манкировали не только гласные, но и служащие городской управы. Так, генерал-майор Вениамин Яковлевич Макаев должность городского архитектора занимал чуть менее года. Получил он ее при весьма хлопотливых обстоятельствах: прочитав объявление Майкопской городской управы в «Русских ведомостях» за № 71 от 14 марта 1895г. о вызове архитектора на городскую службу с окладом жалованья в 720 руб. в год, «изъявил свое горячее согласие на получение сей должности» [16]. После длительной переписки с управой и согласования условий контракта, В.Я. Макаев 25 июня выехал из Москвы, где проживал в Сретенском тушике, к новому месту службы. Из документов, поданных им на имя Начальника Кубанской области, следовало, что генерал-майор окончил курс в училище живописи, ваяния и зодче-

ства Московского художественного общества и имел «чин неклассного художника архитектора» [17]. Из сохранившихся материалов его личного дела, можно предположить, что главной его обязанностью должно было стать составление подробного плана-чертежа города. О том, как и насколько добросовестно она исполнялась сведений, к сожалению, не сохранилось. Не ясна и причина скорого уезда из города В.Я. Макаева. Однако, уже в 1896г. в городскую управу поступил иск к бывшему архитектору от «проживавшего в I части г. Майкопа мещанина Андрея Корниенко», в котором указывалось, что в декабре месяце текущего года господину Макаеву при свидетелях было уплачено 4 руб. денег для составления генерального плана на постройку дома». Обязательств своих архитектор не выполнил, и истец требовал возвращения «даденной ему суммы» [18].

Вместе с тем, наряду с людьми необязательными, память горожан хранила воспоминания и о людях, чья жизнь и деятельность заслуживали своего увековечивания в списке почетных горожан. В этом отношении довольно показательна извилистая история получения «почетного гражданства» бывшего атамана Майкопского отдела Константина Николаевича Гунниуса. В 1898г. городская управа получила на свое имя ходатайство некоторых гласных и части жителей по поводу предоставления ему звания почетного гражданина города. В нем, в частности, указывалось, что К.Н. Гунниус принял «деятельное участие в ходатайствовании города о сложении с жителей наказания за противочумные беспорядки и об удалении конного Черноморского полка, содержащегося в это время на средства города. В годовщину же неурожая стоял во главе комитета по сбору пожертвований в пользу страждущих от голода жителей внутренних губерний, проявил полную энергию, заботливость и распорядительность... Не одно благотворительное общество не оставалось ему чуждым: он либо являлся его членом, либо протягивал руку помощи» [19].

В рассматриваемое время Константин Николаевич пребывал в чине генерал-майора и являлся старшим помощником Начальника Терской области. Однако Начальник и Наказной атаман Кубанской области, в ведении которого находились такого рода прошения, в ходатайстве отказал, не найдя «в постановлении Думы веских оснований, из коих бы проистекало тесное отношение генерал-майора к городу и его трудов в его пользу» [20]. Только после многолетней переписки и ряда дополнительных отношений К.Н. Гунниус был занесен в списки почетных граждан города.

Во главе городского управления стояли люди, как правило, деятельные, далеко не бедные и «своей беспорочной службою на благо Отечества, приумножавшие его славу и достоинство».

Майкопский купец 2-й гильдии Дмитрий Иванович Зинковецкий избирался городским головою дважды – в 1889 и 1910гг. [21]. По роду занятий и отправляемых общественных поручений в разные периоды своей жизни, он был председателем Майкопского городского сиротского суда, почетным смотрителем Майкопского Александровского 6-ти классного городского училища, почетным мировым судьей Майкопского судебно-мирового округа, директором Майкопского отделения Кубанского областного попечительства о тюрьмах Комитета, членом попечительского совета Майкопской гимназии, а также потомственным почетным гражданином города [22].

Иван Иович Братухин возглавил городскую Думу в 1893г. Согласно его формулярному списку от 5 января 1894г., на момент своего избрания пребывал в звании отставного войскового старшины, имел 55 лет от роду и двух детей на содержании, был вдов, воспитание получил домашнее, в службу вступил в бывший 2-м Кубанский казачий полк. Имел различные знаки отличия, среди которых: ордена – святой Анны 3-й степени, святого Станислава 3-й степени, знак отличия военного ордена святого Георгия 4-й степени; медали – бронзовую на Андреевской ленте в память войны 1853–1856гг., серебряную за покорение Западного Кавказа 1859–1864гг., бронзовую в память столетнего юбилея военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия, крест за службу на Кавказе. В отставку вышел по высочайшему приказу от 25 июля 1887г. «по домашним обстоятельствам в чине войскового старшины с мундиром и пенсией из кассы военно-сухопутного ведомства по 118 руб. в год» [23].

В 1899г. городским головою был избран потомственный почетный гражданин города, профессиональный нотариус Сергей Иванович Иванов, оставивший этот пост по обстоятельствам «болезненного свойства» в 1908г. Затем Думу возглавил Дмитрий Сергеевич Зинковецкий, избранный «на законных основаниях» городским головою в 1910г. [24]. После его трагической кончины городом не долгое время управляли Павел Петрович Голев и Константин Митрофанович Козо-Полянский. О последнем было известно, что на момент своего избрания он пребывал в чине губернского секретаря, достиг 39-летнего возраста, окончил полный курс наук Воронежского реального училища. В 1906–1912гг. служил почетным мировым судьей Майкопского округа, был женат на девице Елене Ивановне Онিকেвич [25], являлся потомственным дворянином, имел

150 десятин земли в Майкопском отделе и 140 десятин земли в Уфимской губернии, обзавелся двумя собственными и одним, принадлежавшим жене, домами [26]. Знаками отличия по службе не располагал. К присяге городского головы был приведен 11 апреля 1912г., а уже 8 марта 1913г. уволен от службы по причине «не имения возможности ее продолжения» [27].

В 1913–1914гг. Думу возглавлял Яков Дмитриевич Лобановский, а в последующее предреволюционное десятилетие - Сергей Михайлович Тарасов. Последним городским головою был Н.Н. Кузнецов, оказавшийся свидетелем упразднения полувековой истории общественного самоуправления города. За этот сравнительно небольшой промежуток времени успели сформироваться не только определенные традиции общественной жизни города, но и сложились вполне устойчивые представления о служебной этике, профессиональном долге и социальной ответственности местной власти. Большинство ее представителей пыталось достойно отправлять свои обязанности, осознавая необходимость «нравственного и гражданского попечения временного ему населения». Причинами такого служебного рвения зачастую оказывались те качества новой личности, которые были порождены духом Великих перемен и сложившейся уже к тому времени эстетикой государственной службы.

Примечания:

1. Поляков Ю.А. Образы прошлого: столетие-предтеча // Отечественная история. 2006. № 2. С.74.
2. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф.1. Оп.1. Д.28. Л.3.
3. Там же. Д.28. Л.3 об.
4. Там же. Д.55. Л.4 об.
5. Там же. Л.1, 1 об.
6. Там же. Л.4.
7. Там же. Д.189. Л.63.
8. Там же. Д.55. Л.4 об.
9. Там же. Оп.2. Д.22. Л.29.
10. Там же. Оп.1. Д.13. Л.6.
11. Там же. Д.16. Л.11.
12. Там же. Д.399. Л.10.
13. Там же. Л.10.
14. Там же. Д.140. Л.12.
15. Там же. Л.13.
16. Там же. Д.23. Л.3.
17. Там же. Л.17.

18. Там же. Л.32.
19. Там же. Д.33. Л.4.
20. Там же. Л.10.
21. Там же. Д. 8. Л.6; Д.273. Л.8.
22. Там же. Д.259. Л.39.
23. Там же. Д.16. Лл.60–66.
24. Там же. Д.273. Л.8.
25. Там же. Д.391. Л.4 об.
26. Там же. Л.10
27. Там же. Л.35.

О.А. Леусян

Деятельность графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона на посту Наказного Атамана Кубанского казачьего войска и Начальника Кубанской области

В дореволюционной истории Кубани один из наиболее важных периодов приходится на 1860-е годы. Пожалуй, именно это десятилетие определило последующее развитие региона. В 1860г. образуется Кубанское казачье войско и создается Кубанская область. Эти преобразования по времени фактически совпали с началом эпохи «Великих реформ» в России. С окончанием в 1864г. Кавказской войны в процессы модернизации страны включается и Северо-Западный Кавказ. Крупную роль в этом сыграл граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон (1820–1877), с 1863 по 1869гг. стоявший во главе Кубанской области и Кубанского казачьего войска.

Происхождение графа Феликса Николаевича Эльстона достаточно запутанно. Нет ясности даже относительно года его рождения. Одни авторы называют 1820г., другие – 1821. Наиболее распространенной является версия о том, что он являлся внебрачным сыном внучки знаменитого русского полководца М.И. Кутузова – Екатерины Федоровны Тизенгаузен и наследника прусского престола Фридриха Вильгельма IV. Со своей бабушкой (или воспитательницей) Е.М. Хитрово во второй половине 1820-х гг. он прибыл в Россию, где и получил фамилию Эльстон. Ф.Н. Эльстон получил хорошее военное образование, окончив артиллерийское училище и «продолжив курс» обучения при Артиллерийской академии. Служил в лейб-гвардии конной артиллерии, затем адъютантом при военном министре. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. участвовал в военных дей-

ствиях на Кавказе и в обороне Севастополя. В 1856г. он женился на графине Е.С. Сумароковой и с высочайшего соизволения ему было разрешено именоваться графом Сумароковым-Эльстоном (граф С.П. Сумароков не имел потомков по мужской линии) [1].

С 1858г. граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон снова на Кавказе. Здесь он командует Апшеронским, затем Грузинским гренадерским полками, с 1861г. исполняет обязанности Начальника Кавказской гренадерской дивизии. В 1863г. Феликс Николаевич становится Наказным Атаманом Кубанского казачьего войска. Одновременно он командует Адагумским и Джубгским отрядом русских войск, действовавших на Северо-Западном Кавказе. В 1865г. наказный атаман ККВ Ф.Н. Сумароков-Эльстон назначается также начальником и командующим войсками Кубанской области. За свою боевую службу граф был удостоен ордена Св. Анны I ст., ордена Св. Владимира 2-й ст. с мечами, золотой саблей с надписью «За храбрость» и др. наградами. Имелись у него и иностранные награды – австрийский орден Леопольда, баварский Св. Михаила и гессен-кассельский Крест Вильгельма. В 1866г. он получил чин генерал-адъютанта [2].

Человек с выдающимися государственными и административными талантами, способный мыслить «на перспективу», Ф.Н. Сумароков-Эльстон внес огромный личный вклад в развитие практически всех сфер общественной жизни Кубани. В настоящей статье попытаемся рассмотреть преобразования, предпринятые им в гражданской области, не затрагивая военной сферы.

С именем Ф.Н. Сумарокова-Эльстона связан новый этап в развитии народного образования на Кубани. Еще в 1863г. Сумароков-Эльстон издал циркуляр, в котором говорилось: «Только при совместном распространении в войсковом населении элементарного образования, грамотности, под которой разумеется не только ее механический смысл, но и поучительные беседы, чтения с учащимися всех возрастов, можно надеяться на возвышение казаков в нравственном и хозяйственном их положении» [3]. Атаман предписывал местному начальству активно включаться в дело создания школ, привлекал к нему и духовенство. При этом очень часто приходилось преодолевать инертное отношение к вопросам просвещения основной массы населения. В частности, в марте 1866г. митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, основываясь на присланных из Кубанского казачьего войска данных, сообщал военному министру: «местные жители вообще мало сочувствуют делу народного образования, от чего школы открывать трудно и еще труднее поддерживать. При том как прихожане, так и духовенство при своей беднос-

ти не могут сами обеспечивать всех школ всеми необходимыми средствами» [4]. Низким являлся уровень преподавания, не хватало помещений. И все же Сумарокову-Эльстону удалось добиться определенного прогресса в развитии школьного дела на Кубани. В его приказе по Кубанскому войску от 14 августа 1867г. говорилось: «Из доклада и ведомости школ Кубанского казачьего войска убеждаюсь, что дело народного образования выступило наконец из того заколдованного круга невежества и упорства, в котором оно держалось...». К 1868г. в Кубанской области работало уже 217 школ [5]. При активном участии графа и его жены Елены Сергеевны в Екатеринодаре в 1863г. открылось первое женское учебное заведение на Кубани – Мариинское женское училище.

Делу народного просвещения способствовало и создание полковых библиотек, инициатором которого также стал Феликс Николаевич. В своем циркуляре от 21 октября 1863г. Сумароков-Эльстон подчеркивал, что их главная задача – дать всем желающим «...возможность читать периодические издания и произведения лучших русских авторов и тем удовлетворить необходимой потребности образованного общества и содействию развития в низших слоях общества стремления к грамотности...». По инициативе Наказного Атамана из Московского Опекунского Совета были затребованы 4000 рублей для финансирования полковых библиотек, предприняты меры к налаживанию централизованного формирования их книжного фонда. Как отмечает известный кубанский библиограф А.И. Слущкий, «в условиях военно-административного управления и отсутствия в области общественных библиотек именно полковые библиотеки Кубанского казачьего войска становятся хранителями «документальной памяти» региона, формируют и хранят «коллекцию текстов», необходимых для осознания регионом своей самобытности, своего неповторимого места в истории России и русской культуры» [6].

Важнейшим событием в период пребывания Ф.Н. Сумарокова-Эльстона во главе Кубанской области можно считать преобразование г. Екатеринодара в гражданский город. Начальник области хорошо осознавал, что замкнутость областного центра как «войскового города» противоречит задачам развития области, поэтому принял ходатайство об «открытии» Екатеринодара. В этой связи необходимо отметить, что уже с конце 1850-х гг. довольно активно (в т.ч. и на высоком уровне) ставился вопрос о перенесении войскового (и тем самым областного) центра в другое место. Предлагалось, в частности, перевести войсковое управление в Темрюк или во вновь основанное поселение при впадении в Кубань р. Лабы [7]. По сло-

вам А.Н. Малукало, в 1863г. Наказный Атаман ККВ Ф.Н. Сумароков-Эльстон эти планы не поддержал, т.к. считал, что у войска не имеется достаточно средств для переноса областного центра [8]. Но уже в первой половине 1865г. он подал ходатайство (об этом упоминается в отчете о состоянии области за 1865г.) о предоставлении Екатеринодару «городских прав общих с другими городами Империи», т.к. «этою мерой разовьется торговое значение города через водворение иногородних лиц, и самое благоустройство его» [9].

Только в 1867 г. ходатайство Начальника Кубанской области увенчалось успехом. 1 мая 1867г. Высочайше было утверждено Положение «О заселении и управлении города Екатеринодара»; 8 июня того же года Наместник Кавказский Великий князь Михаил Николаевич утвердил соответствующие Правила. Екатеринодар получил «общее для всей Империи устройство» городского управления, причем преобразовывался на примере правил, уже установленных для других городов Кубани – Ейска, Темрюка, Анапы и Новороссийска (т.е. с учетом местных особенностей). Для горожан устанавливались пятилетние льготы по платежу городских и государственных налогов и повинностей. Казаки, не желавшие приписаться к городским сословиям, должны были выселиться в станицы. 6 июля 1867г. с участием Наказного Атамана ККВ и Начальника Кубанской области Ф.Н. Сумарокова-Эльстона состоялась торжественная церемония «открытия» города. На встрече с представителями городского общества начальник области выразил надежду, что «они, а в лице их и все члены новой городской семьи, окажут ему дружное содействие в деле благоустройства и процветания заново ныне открытого города...» [10].

С этого времени меняется структура городской власти. Город состоял в ведении Начальника Кубанской области, «под главным начальством» Кавказского Наместника. Собственно систему городской власти образовывали городская Дума, городской голова, городской суд, полицмейстер, полицейское управление. По действовавшему тогда Городовому положению еще екатерининского времени городские думы служили в основном «для управления хозяйственной частью». В отличие от большинства российских городов, в Екатеринодаре дума должна была избираться в составе девяти членов «градским обществом» – по два гласных от дворянства, от купечества, от мещанства и от «всех остальных сословий» и городской голова, который мог принадлежать к любому сословию. Однако первые гласные Екатеринодарской городской думы были не избраны, а назначены Начальником Кубанской области графом Ф.Н. Сумароковым-Эльстоном. 11 апреля 1868г. состоялись выборы первого городского го-

ловы Екатеринодара. Им стал отставной поручик, купец первой гильдии К.И. Фролов. И здесь окончательный выбор сделал начальник области – Фролов был выбран им из трех кандидатов, набравших наибольшее количество избирательных баллов [11].

Будучи Начальником Кубанской области, значительное внимание Ф.Н. Сумароков-Эльстон уделял вопросам экономического развития региона. Видимо, не случайно именно в его бытность на этом посту на Кубани были открыты промышленные запасы нефти.

Большое внимание уделялось им развитию транспортной инфраструктуры, как имеющего «...первостепенное значение в смысле благоустройства края и развития экономического быта» [12].

Особые надежды в этом плане Ф.Н. Сумароков-Эльстон возлагал на их проект проведения железной дороги от Ростова-на-Дону и Царицына к одному из портов восточного побережья Черного моря. Записку Главнокомандующему Кавказской армии Великому князю Михаилу Николаевичу, в которой излагался этот проект, он подал уже через несколько месяцев после окончания военных действий на Северо-Западном Кавказе – осенью 1864г. [13]. Свой замысел он рассматривал в тесной связи с необходимостью коренного изменения внешнеторгового баланса России. Отмечая значительное превышение импорта над экспортом во внешней торговле России, Наказный Атаман ККВ писал: «... Корень зла лежит в ненормальности производительных сил и несоответственности государственных доходов с действительными богатствами...». Для исправления ситуации, по его мнению, необходимо скорейшее освоение южных и юго-восточных районов страны, в т.ч. Северного Кавказа. Добиться же этой цели можно только при условии его соединения с центром России железной дорогой. Создание такой дороги позволит не только ускорить развитие производительных сил самого региона, но и обеспечить вывоз продукции огромного поволжского района за границу через один из портов восточного берега Черного моря. Место для сооружения такого порта (одновременно – терминала новой железнодорожной линии) Сумароков-Эльстон предлагал выбрать из четырех уже существующих портовых пунктов – Анапы, Геленджика, Новороссийска и Джеметеевской бухты (Бугаза). Сам он отдавал предпочтение Анапе, т.к. считал ее естественные условия более подходящими для этой цели. Идеи Ф.Н. Сумарокова-Эльстона нашли поддержку у кавказской администрации. Поддержала ходатайство и Ростовская городская дума [14].

В течение двух лет Сумароков-Эльстон вел активную переписку с лицами, заинтересованными в проведении такой железной дороги.

Наконец, в мае 1867 г. в Ейске состоялась его встреча с Кавказским наместником Великим князем Михаилом Николаевичем [15], с разрешения которого на изыскания железной дороги Ростов-Екатеринодар-Анапа было выделено 5,5 тыс. руб. [16]. После долгой переписки (Кавказский округ путей сообщения не нашел возможным выделить своего представителя для проведения необходимых работ) летом 1867 г. к изысканиям линии приступил начальник работ по путям сообщения в Кубанской области подполковник Никитин. К декабрю 1867 г. он составил предварительный проект линии железной дороги, которая должна была пройти по территории Донского и Кубанского казачьих войск и Екатеринославской губернии [17]. К сожалению, этот проект был признан неудовлетворительным, а вскоре вследствие военно-политических причин изменилась и позиция кавказского начальства. Реализация проекта сооружения железной дороги по территории Кубанской области к одному из незамерзающих черноморских портов оказался отложенным на два десятилетия.

Объем статьи не позволяет более подробно остановиться на его вкладе в развитие благотворительности на Кубани, благоустройства Екатеринодара, устройство курорта Горячий Ключи и т.д., но с полным правом можно сказать, что Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон является одним из наиболее выдающихся административных деятелей в дореволюционной истории не только Кубани, но и всего Северного Кавказа.

Примечания

1. Энциклопедический словарь по истории Кубани / под ред. Б.А. Трехбрата. Краснодар, 1997. С. 448.
2. Бардадым В.П. Граф Ф.Н. Сумарокова-Эльстон – Наказный Атаман Кубанского казачьего войска // Бардадым В.П. Замечательные кубанцы. Краснодар, 2002. С. 4.
3. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920г. / под ред. В.Н. Ратушняка. С. 555.
4. Цит. по: Трехбрата С.А. Проблемы народного образования в «Истории Кубанского казачьего войска» и перспективы исследования темы // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 282.
5. Очерки истории Кубани... С. 556; Трехбрата С.А. Социально-экономический «портрет» народного образования Кубани во второй половине XIX века // Краснодару – 200 лет. Тезисы краевой научно-практической конференции. Краснодар, 1993. С. 144.

6. *Слуцкий А.И.* К истории организации полковых библиотек в Кубанском казачьем войске // http://www.cossackdom.com/doc/Slutskiy_biblioteki.htm.

7. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 252. Оп. 1. Д. 2286. Л. 12об.; Ф. 670. Оп. 1. Д. 30. Л. 195 об.

8. *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. Краснодар, 2003. С. .

9. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 25. Л. 168 об.

10. Кубанские войсковые ведомости. 1867. 8 июля.

11. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 134.

12. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 25. Л. 221об.

13. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2371. Л. 1-3об.; Ф. 670. Оп. 1. Д. 25. Л. 195.

14. Прибавление к № 5 Ведомостей Ростовской (на Дону) городской думы. 31 января 1865 г.

15. ГАКК. Ф. 249. Д. 2371. Л. 82–83.

16. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 31. Л. 157–157об.

17. ГАКК. Ф. 249. Д. 2371. Л. 224–224 об.

А.В. Гайворонская

Суды чести и дуэли в Кубанской области

Чему учится дворянство?

Независимости, храбрости, благородству (чести вообще).

Не суть ли сии качества природные?

Так; но образ жизни может их развить, усилить – или задуть.

А.С. Пушкин

Усилением исследовательского внимания к различным аспектам в истории кубанского дворянства продиктован выбор темы данного исследования. Предметом изучения работы станут действовавшие в Кубанском казачьем войске суды чести офицеров. Временные рамки связаны с непростым периодом в истории России – концом XIX – началом XX века. Отправной точкой исследования можно обозначить 1894 год – время принятия «Правил о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» – закона, легализующего дуэль в офицерской среде как средства восстановления чести оскорбленной стороны и наделяющего суды общества офицеров законными полномочиями назначения поединков. На Кубани, где дворянство, в связи с особенностями освоения региона, сформировалось

позже, и где основную часть дворянства составили офицеры казачьих войск, такие суды должны были стать особенно заметным явлением. Особо надо подчеркнуть, что причины появления судов чести в русской армии и их назначение можно рассматривать лишь в контексте существовавшего понятия чести офицера на фоне действовавшего неписаного дворянского кодекса чести. В армии суды чести должны были стать тем средством, благодаря которому государство, в лице военного ведомства, надеялось «повысить общий уровень понятий о чести в офицерской среде» [1].

В 1894 году в России были опубликованы «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», которые явились приложением к статье 150 Дисциплинарного Устава 1888 года, и благодаря которым «окончательно разрешился возбужденный в военном ведомстве, еще в 1892 году, законодательный вопрос о дуэлях в обществе офицеров» [2]. Так, благодаря новому закону, дуэли в офицерской среде были разрешены. Офицеры получили только законное право на поединок, но окончательное решение о необходимости и уместности дуэли было за приговором суда чести и одобрением командира части. И хотя дуэль по-прежнему «оставалась уголовным преступлением, но тем, кто вышел на «поле чести» по решению суда общества офицеров, как бы заранее гарантировалось высочайшее помилование» [3].

В армии случавшиеся конфликтные ситуации в офицерской среде, неблагоприятное поведение офицеров и, вообще, практически все стороны частной жизни офицера, даже такие, как изменение семейного положения, находились в компетенции суда общества офицеров. С принятием «Правил...» суд общества офицеров представил собой готовую основу для появления и формирования, так называемых, судов чести. На основании статьи 130 Дисциплинарного Устава такие суды «ведают поступки офицеров и генералов, несовместимые с доблестью офицерского звания, воинской чести, нравственностью и благородством» [4]. После 1894 года суды общества офицеров при разбирательстве случающихся между офицерами ссор, получили «право свободно высказывать свое мнение об уместности или неуместности дуэли в каждом отдельном случае и участвовать затем, вместе с секундантами, в установлении условий самой дуэли, когда последняя оказывается неизбежною; главное же удалять из своей части тех офицеров, которые отказались в подлежащих случаях потребовать или дать должное удовлетворение за обиду. До настоящего времени суд общества офицеров, как не уполномоченный на то законом, был лишен этого права, потому, что дуэль – преступление, а следовательно

было незаконным как признавать уместность ее, так, тем более, входить в обсуждение и в установление условий готовящейся дуэли или порицать уклонение от нея. Правда, суд общества офицеров не был лишен возможности и прежде удалить из своей части офицера, позорным образом оскорбившего другого и не давшего ему удовлетворения, а равно офицера, потерпевшего подобное оскорбление и не принявшего мер к восстановлению своей чести. Это и делалось в тех частях, где понятия о чести и доблести офицерского звания стоят на достаточной высоте. Однако, делалось это всегда под видом признания за офицером какого-либо другого неблагоприятного поступка» [5]. С этого времени можно говорить о деятельности именно судов чести офицеров в русской армии. Само название таких судов определяло суть и назначение такого суда.

Суды общества офицеров учреждались в Донском, Кубанском, Терском, Оренбургском и Сибирском, Уральском и Забайкальском казачьих войсках [6]. Несмотря на точную дату закона, деятельность судов общества офицеров не сразу изменила свой статус, а обсуждения о необходимости введения судов чести в разных воинских частях, даже учитывая их уже фактическую работу, затянулись на несколько лет и датируются в некоторых регионах годами накануне Первой мировой войны.

На Кубани вопрос об учреждении в казачьих войсках особых войсковых судов чести обсуждался очень подробно, долго и обсуждения продолжались уже в следующем веке. Но в целом отношение к появлению таких судов было положительным и рассматривались в основном технические подробности их работы с учетом специфики данного региона. Основными темами дискуссий были обсуждения по вопросам о действии таких судов в отношении обер-офицеров, состоящих или числящихся в первоочередных и второочередных казачьих полках, подсудности им льготных офицеров, а так же дополнения, вызываемые обстановкой и бытовыми условиями Кубанского казачьего войска. Самым острым оставался вопрос о распространении компетентности этого суда на штаб-офицеров. Большинство участвующих в обсуждениях полагало, что это «не согласуется с основными правилами военной дисциплины и вредно отозвалось бы на служебных отношениях штаб-офицеров к обер-офицерам, так как с учреждением общего для них суда, последние приобретут право судить о поведении первых, обличенных по отношению к ним дисциплинарною властью» [7]. В итоге, разрешение вопроса о применении судов чести к штаб-офицерам казачьих войск было решено «оставить открытым впредь до разработки его в законодательном

порядке в регулярных войсках» [8]. А в 1909 году в проекте Дисциплинарного устава о судах чести была выделена статья 134, в которой говорилось следующее: «Суды чести учреждаются особо для обер-офицеров, штаб-офицеров и генералов» [9].

Суд общества офицеров состоял из пяти членов, «избираемых из числа штаб и обер-офицеров: трех в чине не ниже подьесаула и двух не ниже сотника» [10]. Членами суда не могли стать офицеры, «состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся по судебным приговорам, за противозаконные деяния, содержанию на гауптвахте с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе, или иному более строгому наказанию, и те, которые, быв под судом за преступления и проступки, влекущие за собой наказание, не оправданы судебными приговорами. Правило это распространяется и на тех, «которым прощены штрафы установленным порядком» [11]. Также, в числе мер административного характера, было решено «не допускать в суды чести офицеров, злоупотребляющих спиртными напитками», причем такая мера по мнению чиновников Военно-Судного Управления, могла быть осуществлена «исключительно путем нравственного влияния командира части на вверенных ему офицеров» [12]. Ежегодно по войску должны были проводиться выборы кандидатов в члены суда общества офицеров. В списках офицеров, состоящих выборщиками в суд чести можно встретить такие фамилии, как Кияшко, Недбаевский, Борзыков, Шкуропатский...

Разбирательство дел в судах чести должно было носить конфиденциальный характер, даже в том случае, когда суть вопроса была достоянием всей воинской части. Статьи Устава в этом отношении были совершенно ясны: «Разбирательство дела в суде происходит при закрытых дверях. Разглашение происходившего на суде признается поступком, предусмотренным ст. 130 сего Устава»; «На рассмотрение дела в суде чести и постановление приговора полагается не более суток» [13]. Соблюдались ли эти правила повсеместно, или исполнение их было исключением, судить трудно. Сомневался в этом, например, герой повести А.И. Куприна, обозначая таким образом и распространенное общественное мнение, подпоручик Ромашов: «Даже такой неопытный в практическом отношении человек, как Ромашов, понимал, что суд ведет дело халатно, неумело и донельзя небрежно, допуская множество ошибок и бестактностей. И самым большим промахом было то, что, вопреки точному и ясному смыслу статьи 149 дисциплинарного устава, строго воспрещавшей разглашение происходившего на суде, члены суда чести не воздерживались от праздноболтовни... За одни сутки Ромашов сделался сказкой города и героем дня» [14]. В официальной документальной переписке военных чиновников, напротив, подчеркивался статус особой секретности подобных разбирательств, не только на время работы суда чести, но и после принятия и исполнения приговора, с чем некоторые из них выражали свое несогласие и обосновывали его. Так, в своем сообщении, Наказной Атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Михеев к Начальнику Штаба Кавказского военного округа осенью 1911 года предлагал следующее: «Согласно существующего положения о судах общества офицеров в отдельных частях войск, постановления этих судов в отношении офицеров, совершивших несовместимые с офицерским званием поступки в большинстве случаев не выходят за пределы строго-секретного делопроизводства части, что, конечно, установлено и в точности соблюдается, в целях ограждения семейного характера названных судов и возможного сохранения в тайне обстоятельств неблагоприятного в каждом случае инцидента с офицером.

Но если такая постановка дела вполне целесообразна для регулярных войск, то она не совсем ответственна для казачьих войск и вот почему: офицер регулярной части, судившийся за совершенный им неблагоприятный поступок, или продолжает оставаться в той же самой части, если не бывает присужден судом к удалению из нея, или в случае присуждения к сему удалению раз навсегда оставляет ее и порывает с нею всякие служебные и моральные связи. Офицер-же казачьей части, будучи присужден офицерским судом к удалению-ли из части или только к внушению, или – не будучи оправдан во взведенном на него обвинении, – может переходить, на основании действующих в казачьих войсках узаконений, на службу в льготный состав своей первоочередной части, в которой служит иногда довольно продолжительное время; между тем, ни Начальнику этой последней части, ни новым товарищам его – офицерам, в силу теперешнего положения о судах чести, ничего не бывает известно о том, судился ли он офицерским судом в первоочередном полку и, в утвердительном случае, за совершение какого именно поступка и к чему был приговорен. А знание это является для всех их весьма важным, начиная хотя бы с того, чтобы иметь вполне определенное представление о нравственном облике подобного офицера как нового сослуживца и кончая составлением на него новым начальником очередной аттестации.

Кроме того, удаленный по офицерскому приговору из казачьей части офицер, как связанный с войском имущественным его положением, неминуемо бывает вынужден оставаться на постоянном

жителстве в пределах своего войска, нередко обращаясь впоследствии к Наказному Атаману с ходатайством о предоставлении какой-нибудь должности по административной службе, или в войсковых военных учреждениях.

В виду всего изложенного я считаю необходимым просить Ваше Превосходительство не отказать возбудить, с доклада Войсковому Наказному Атаману, надлежащее ходатайство об установлении на будущее время того, чтобы копии всяких приговоров офицерских судов первоочередных казачьих частей, состоявшихся над офицерами сих частей одновременно – с приведение их в исполнение, непременно препровождались бы подлежащим Наказным Атаманом – порядком, установленным для ведения «весьма секретной» переписки в войсках» [15]. Ответом на это предложение стало сообщение Начальника Штаба Кавказского военного округа Берхмана о приказе Главкомандующего войсками округа и Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск, Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова: «Его Сиятельство, вполне разделяя соображения и ходатайства Генерал – лейтенанта Михеева, изложенные в упомянутом выше отношении его – изволил приказать, чтобы на будущее время, при перечислении офицеров на льготу и вообще при переходе их в ведение Наказных Атаманов Кубанского и Терского казачьих войск названного Атамана непременно препровождались подлежащими начальниками отдельных частей, для сведения, копии с приговоров судов чести об упомянутых офицерах, а равно копии с тех документов об этих офицерах, кои могут иметь существенное значение для характеристики служебных и нравственных качеств офицера» [16].

В компетенции суда чести была возможность оправдать обвиняемого, сделать ему внушение, постановить приговор об удалении его со службы. При столкновениях в офицерской среде суд чести имел право «признать примирение согласным с достоинством офицера и с традициями части» [17]. В случаях, связанных с нанесением серьезных оскорблений, при невозможности примирения обеих сторон, суд чести мог постановить, что поединок является единственным средством удовлетворить оскорбленную честь офицера. Если офицер отказывался от участия в поединке, то он был обязан покинуть свою часть, как того требовали правила Приложения 1894 года: «Если в течении двух недель по объявлению решения Суда общества офицеров, поединок не состоится и отказавшийся от поединка офицер не подаст просьбы об увольнении от службы, то Командир полка входит по команде с представлением об его увольнении без принятия» [18]. В некоторых случаях офицеры полка могли сами пред-

ложить ему подать в отставку. Вообще, даже намек на то, что офицер отказался от поединка, мог нанести серьезный удар по его репутации. Несостоявшаяся дуэль, так же как и незавершенная, могла бросить тень на всю последующую карьеру офицера и даже стать причиной ее окончания: «В дуэли, окончившейся примирением, всегда остается что-то... что-то возбуждающее недоумение и разочарование» [19]. Такие последствия должны были сделать отказ от поединка почти невозможным. В качестве примера, свидетельствующем о серьезном отношении офицеров к вопросу о предполагаемой дуэли и к желательному одобрительному мнению офицеров части по этому поводу, можно привести письмо офицера 4-го Кубанского пластунского батальона подъяесаула Буткевича, которого суд чести признал подлежащим увольнению со службы, но вопрос о назначении поединка в ходе работы суда чести не поднимался: «Покидая навсегда Кубанское казачье войско и товарищей офицеров 4-го Кубанского пластунского батальона, с которыми прослужил 9 лет, лучшую пору своей жизни, с которыми бывал в боях, и которые не видят в моем проступке позорящее, и я не хотел разочаровывать их в том мнении, которое они обо мне составили в продолжении всей нашей совместной службы.

В станице Кавказской распространился слух, что Есаул Ловягин вызывал меня на дуэль и я отказался, что и послужило главною причиною моего удаления и оставления на службе упомянутого Есаула.

Так как подобного предложения я ни от Атамана отдела, ни от Есаула Ловягина сверх всякого ожидания не получал, а существующий слух об этом безусловно сильно подрывает доброе расположение ко мне моих товарищей, я убедительно прошу Ваше Превосходительство успокоить меня, и так потерявшего все, и сообщить имеется ли в деле моем с Есаулом Ловягиным какой либо намек на дуэль» [20]. После повторного разбирательства дела подъяесаула Буткевича, в предписании Главного Штаба было вынесено следующее решение: «Военный министр приказал подъяесаула Буткевича считать уволенным в порядке дисциплинарном» [21]. Таким образом, надо полагать, что увольнение со службы в дисциплинарном порядке, было для офицера более приемлемым решением, чем увольнение по приговору суда чести.

Помимо рассмотрения конфликтов, происходивших внутри офицерского коллектива, суд чести рассматривал также и ссоры, случившиеся между офицерами и штатскими. Конфликт между штатскими и военными всегда был на виду [22]. В военной среде (включая отставников, особенно прошедших кампанию) сложилось презри-

тельное отношение к штатским. Считалось долгом чести офицера поставить «фрачника» на место, казалось особым шиком посмеяться над штатским, запугать его кровавой дуэлью и «заставить струсить» или же довести его до поединка и молодецки «положить на барьер». С другой стороны, иногда считалось недостойным связываться с «фрачником» [23]. В любом случае таких конфликтов было достаточное количество. Так, в марте 1909 года в суде общества офицеров 1-го Екатеринодарского полка разбирались дело о столкновении в Усть-Лабинском общественном собрании между хорунжим Шкуррой и дирижером танцев Мильдонисом, и дело о нанесении оскорбления действием подъясаулом Калери и хорунжим Шкуррой мировому судье Дрейгер. В обоих случаях суд не властен был приказать дирижеру танцев или мировому судье драться на дуэли, а учитывая тот факт, что оскорбления были взаимными, «приговором суда общества офицеров полка подъясаул Калери и хорунжий Шкура были оправданы», но приговором этого же суда обоим офицерам было сделано внушение [24]. В случае несогласия с приговором, иной стороне было предложено обратиться в обычный (уголовный) суд, который мог бы разрешить дело об оскорблении иначе. Конечно, на вынесение именно таких оправдательных приговоров, могли влиять как обычная полковая корпоративная сплоченность, (ведь конфликты были между военными и штатскими), так и известные и распространенные отношения между казаками и приезжими. Необходимо отметить, что корпоративная честь защищалась не менее строго, чем личная. Полковая честь значила для офицера очень много, и часто едва уловимая насмешка над формой плюмажа или цветом мундира, упоминание о неудаче в том или ином бою, требовали от офицера решительных действий [25]. Защищать честь и имя полка было почетно. Такое отношение к своей воинской части было распространенным явлением в русской армии. Показателен случай самоубийства офицера Конвоя Его Императорского Величества, поручика Золотаревского, из взвода которого, трое казаков, после строжайшего расследования, были исключены из Конвоя: «их командир вынес свой приговор. Поручик Золотаревский не мог пережить проступок казаков своего взвода...» [26]. Воинская часть также старалась защитить своих офицеров и одновременно сохранить свое лицо. Так, в копии приказа по 2-му Хоперскому полку в феврале 1909 года, об аресте подъясаула Калаушина на Екатеринодарской гауптвахте на 7 суток за то, «что он позволив себе выпить лишнее, был не только невосдержан в служебном разговоре с командующим полком, но позволил себе и резкую, крайне грубую,

не товарищескую выходку по отношению полкового адъютанта сотника Потапова», содержится объяснение по этому поводу командующего полком: «Только щадя доброе имя полка, прослужившего в Баку 4 года и собравшегося благополучно вернуться домой, я не захотел возбуждать дело о предании Калаушина суду, а ограничился лишь 7 дневным арестом его на гауптвахте» [27].

В обязанность судов чести входило также рассмотрение вопросов, связанных с семейной жизнью офицеров. Офицерское собрание, через избираемый им суд чести следило и за частной жизнью офицера, главным образом, за выбором невест [28]. Офицерские жены составляли как бы часть полка, и потому прошение офицера о вступлении в брак рассматривалось самым серьезным образом, обсуждалась кандидатура невесты, ее происхождение и образование, запрашивались всевозможные рекомендации с места проживания. Например, на ходатайство прапорщика 6-й Кубанской запасной пешей сотни Зелинского о разрешении ему брака с дворянкой девицей Затонской, суд чести, учрежденный при Войсковом Штабе Кубанского казачьего войска для всех обер-офицеров, под председательством полковника Шапарева, рассмотрев просьбу и «ознакомившись с документами, приложенными к переписке, закрытой баллатировкой постановил: признать невесту вполне достойной стать женою офицера, почему и брак этот признать вполне допустимым» [29].

С началом Первой Мировой войны деятельность судов чести продолжилась в полной мере, выносились приговоры, но в случаях связанных с назначением поединков, приговоры временно не исполнялись, что подтверждают такие телеграммы из столицы: «Суд чести может рассмотреть дело теперь. Поединок должен быть отложен до конца войны» [30]. После событий 1917 года офицерские суды чести постепенно прекращают свою работу, позже в новой армии будут созданы иные организации, призванные формировать нравственный облик нового офицера.

Подводя итоги, можно отметить следующее. С утверждением закона 1894 года и учреждением в армии судов чести, с точки зрения законодательства сложилась необычная ситуация. «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» имели статус закона и действовали для офицеров большинства воинских частей, включая Кубанское казачье войско, но определение степени оскорбления, причины признаваемой судами чести достаточной для назначения дуэли, назначение судебного поединка, его условий и выбор секундантов определялись статьями Дуэльных кодексов, появившихся в печати после принятия закона 1894 года, которые со-

ответствовали исключительно традициям и нормам дворянской культуры, и которые стояли «вне рамок закона», но выступали в роли своеобразного комментария к новому закону. Другой особенностью было то, что распространение действия закона в Кубанской области наглядно демонстрировало очередное изменение отношения правительства к дуэльному вопросу – раньше на Кавказ отправлялись разжалованные за участие в дуэли офицеры.

Обращение именно к дуэльной традиции имело в основе своей стремление к возрождению офицерской чести и носило воспитательный характер. Одновременно выделялась и подчеркивалась роль командира части и офицеров, достойных быть избранными в суды чести, которые в свою очередь должны были представлять «лучший авторитет по всем вопросам чести и благородства... быть лучшим посредником между офицерами в их ссорах... и верным хранителем и выразителем традиций своей части о дуэли» [31].

Такое явление в русской армии как суды чести офицеров, имело важное значение для воинских частей, в которых они действовали. Для Кубани появление судов общества офицеров, а затем и судов чести, становилось законодательным оформлением неписаных правил дворянского кодекса чести, расширением его социальных границ. А прекращение деятельности таких судов, как и ликвидация дворянского сословия, само по себе разрешало столь важную в глазах современников антитезу «чести и бесчестия».

Примечания

1. Калинин П. Дуэли в офицерской среде (По поводу закона 13-го мая 1894 года) // Военный сборник. 1894. №8. С.339.
2. Там же. С.325.
3. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. С-Пб., 1998. С.50.
4. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.9901. Л.91.
5. Калинин П. Дуэли в офицерской среде (По поводу закона 13-го мая 1894 года) // Военный сборник. 1894. №8. С.340.
6. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.9901. Л.44.
7. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.8472. Л.1.
8. Там же. Л.38.
9. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.9901.Л.91.
10. Там же. Л.45.
11. Там же. Л.91.
12. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.10798. Л.72.
13. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.9901. Л.92.
14. Куприн А.И. Избранные сочинения. М.1985. С.425.
15. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.10240. Л.19.
16. Там же. Л.20.

17. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.10634. Л.146.
18. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том 14. 1894. Спб., 1898. С.259.
19. Куприн А.И. Избранные сочинения. М.1985. С.441.
20. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.10634. Л.121.
21. Там же. Л.142.
22. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. С-Пб., 1998. С.64.
23. Там же. С.67.
24. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.9901. Л.15, 19.
25. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. С-Пб., 1998. С.108.
26. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. С.83.
27. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.9901. Л.33.
28. Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С-Пб., 2005. С.41.
29. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.11318. Л.10а.
30. Там же. Л.42.
31. Калинин П. Дуэли в офицерской среде (По поводу закона 13-го мая 1894 года) // Военный сборник. 1894. №8. С.340.

К. С. Чикаева

Благотворительная деятельность дворянства Северного Кавказа в начале XX века

Дворянство Северного Кавказа играло ведущую роль в политической, культурной и общественной жизни региона, являлось опорой российской государственности. Добываясь материального благосостояния, имея достойное образование и воспитание, высшее сословие активно занималось общественной и благотворительной деятельностью, принося этим пользу обществу.

Благотворительная деятельность осуществлялась в форме пожертвований, организации различных вечеров, концертов, спектаклей, сбор с которых поступал в пользу общественных организаций, культурных учреждений и отдельных лиц.

Дворянское сословие в силу своего особого положения уделяло большое внимание воспитанию и образованию своей молодежи. Дворянская организация Северного Кавказа выдавала из дворянской сиротской кассы пособия на обучение детей. Необходимо отметить, широкое участие дворян в оказании финансовой помощи образовательным и культурным учреждениям Кубанской и Терской областей, Ставропольской губернии. Из дворянской среды общество

избирало попечителей или почетных блюстителей училищ, гимназий, школ и других учебных заведений. И в этом плане, безусловно, вклад дворянства в развитие образования и культуры региона можно охарактеризовать как весьма значительный.

Мусульманская знать всегда считала своим долгом содействовать распространению просвещения среди горцев и выделяла финансы на развитие горских школ. В газете «Северный Кавказ» была помещена информация о том, что 10 января 1907 года во Владикавказе скончался отставной полковник Бануха Долгиев, оставивший по духовному завещанию все свое движимое имущество в пользу местного общества распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области[1].

Дворяне активно занимались не только общественной, но и благотворительной деятельностью, оказывая помощь русской армии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., формируя ополчения и обозы с продовольствием, медикаментами, собирая денежные средства, помогали пострадавшим в русско-японской войне.

К тому же, благотворительная и общественная деятельность дворянства проявилась в заботе о прогрессивном развитии земледелия, ветеринарном обслуживании, попечении о народном образовании, духовности, здоровье народа.

В годы Первой мировой войны политическая деятельность дворянства активизировалась. Были забыты все политические распри между общественными организациями. Всех объединил общий патриотический подъем. На Северном Кавказе, как и по всей стране, проходили спонтанные манифестации – люди несли национальные знамена, портреты Николая II, Цесаревича Алексея, Великого князя Николая Николаевича, иконы. Звучали колокола, в церквях служили молебны, везде исполнялся русский национальный гимн «Боже, царя Храни!». Все общество заговорило о единении народа перед лицом германской угрозы.

В первые дни войны дворянство активно включилось в создание организаций, целью которых ставилось оказание помощи русской армии. 26 июля 1914 года состоялся Всероссийский съезд губернских предводителей дворянства, который предложил всем дворянским корпоративным организациям объединиться и создать общую организацию помощи раненым[2].

В постановлении Всероссийского съезда губернских предводителей дворянства отмечалось, что в настоящее время существует настоятельная потребность в снабжении поездов, доставляющих раненых с театра военных действий в глубь страны, всеми необходи-

мыми предметами для оборудования вагона-теплушки для раненых и возможного улучшения условий их перевозки. С этой целью губернским дворянским собраниям было поручено избрать по одному представителю на Всероссийский съезд представителей дворянства для оказания помощи раненым. В связи с тем, что могут измениться условия, было решено предоставить этим представителям широкие полномочия в смысле организации помощи раненым. Кроме того, съезд поручил уполномоченным от дворянств избрать из своей среды постоянный комитет, в обязанности которого будет входить исполнение постановлений съезда. Также было решено создать общую кассу из пожертвований дворянских обществ и предоставить ее в распоряжение комитета.

Эта инициатива была поддержана дворянами Северного Кавказа. 17 августа в городе Ставрополе состоялось чрезвычайное губернское дворянское собрание для рассмотрения вопросов, касающихся постановления Всероссийского съезда губернских предводителей дворянства. В деятельности собрания участвовали: губернский предводитель дворянства С.П. Бурсак, уездный предводитель дворянства П.Н. Никольский, помощник уездного предводителя дворянства А.А. Есаулов, дворяне В.М. Есаулов, А.А. Зозулевский, К.И. Белецкий, К.П. Бурсак, В.И. Манжос-Белый, А.Н. Мальцевский, В.И. Кувшинский, И.П. Кувшинский, В.Г. Ермаков и Г.Н. Прозрителев.

В начале собрания в духе верности монархии было совершено молебствие о провозглашении многолетия Императору и российскому воинству. Предводитель дворянства С.П. Бурсак предложил дворянам выразить Императору Николаю II верноподданнические чувства по поводу постигшего Россию тяжелого испытания, вызванного войною. Собрание постановило послать монарху телеграмму следующего содержания: «Ставропольское дворянство, имеющее в своих рядах и дворян славных воинственных областей Кубанской и Терской, созданное на Чрезвычайное собрание, переживает в едином порыве беспредельной Русью Святой, величие совершающихся исторических событий, вызванных грозною войною. Внимая благодному призыву своего Верховного Вождя, дворяне, все, как один, готовы принести к подножию Престола Царского свое достоинство и самую жизнь дабы отразить натиск надменного врага, дерзновенно поднявшего меч против Державы Российской и молят Всевышнего о благоденствии Вашего Императорского Величества, Августейшей Семьи наследника Цесаревича, Царственного Атамана наших казачьих войск. Свидетельствуя, по единодушной просьбе собравшихся, о чувствах безграничной преданности и несокрушимой верности, одушевляющих

всех нас, счастлив провозгласить славу победоносному Русскому Царю- Самодержцу, Верховному правителю мира славянского. Ставропольский губернский предводитель дворянства в звании Камер-юнкера Двора Вашего Императорского Величества Бурсак» [3]

На собрании было зачитано постановление Всероссийского съезда губернских предводителей дворянства. Дворянская корпоративная организация решила присоединиться к общедворянской организации помощи больным и раненым воинам. Дворяне постановили пожертвовать на военные нужды пять тысяч рублей из общественных дворянских сумм.

От Императора Ставропольское дворянство получило ответную телеграмму: «Искренно тронут чувствами выраженными мне ставропольским дворянством и искренне благодарю за молитвы о всей нашей семье и за готовность послужить престолу и Родине. Николай» [4]

Было предложено привлечь к благотворительности для оказания помощи раненым дворян Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей. Дворяне решили выделить семьсот шестьдесят рублей Ставропольскому при Красном Кресте Дамскому комитету для оборудования двадцати кроватей в госпитале имени Ставропольского дворянства. На Всероссийском съезде уполномоченных дворян для оказания помощи раненым от Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей были избраны С.П. Бурсак и его заместителем князь В.П. Трубецкой. Дворяне создали постоянный комитет, в обязанности которого входило исполнение постановлений съезда, и кассу из дворянских пожертвований.

Собрание предоставило верхний этаж дворянского дома для госпиталя, а нижний – для Дамского комитета. Дворяне постановили: «Просить Общедворянскую организацию один из образованных санитарных поездов назвать именем Ставропольского, Кубанского и Терского дворянства» [5]. Дворяне Северного Кавказа, выражая патриотические чувства, пожертвовали на военные нужды десять тысяч рублей. В благотворительности приняло участие сорок пять дворян. Две тысячи рублей выделил П.П. Белик из города Грозного, одну тысячу двести пятьдесят рублей пожертвовал барон В.Р. Штейнгель, владелец имения «Хуторок», по одной тысяче рублей – С. П. Бурсак, К.И. Назаров, по пятьсот рублей – Е.Л. Вербицкий, барон П.Л. Штейнгель, князь В.П. Трубецкой, по триста рублей – А.И. Терпугов (Владикавказ), В.П. Глебов, А.Ф. Федюшин (Ессентуки), по двести рублей – С.И. Писарев (Владикавказ), барон

Л.В. Штейнгель (Владикавказ), по сто рублей – С.Н. Николич и Е.П. Бульмеринг, остальные выделили на помощь раненым от двад-

цати рублей и менее. Они оказали посильную материальную помощь государству. В этом проявилась присущая дворянству тяга к самопожертвованию во имя Царя и Отечества.

Пожертвования от дворян Северного Кавказа для оказания помощи раненым воинам Кавказской армии были вручены Императору Николаю II 4 декабря 1914 года в городе Владикавказе. Дворяне, воодушевленные встречей с Императором, отправили ему телеграмму следующего содержания:

«Ставропольское, Кубанское и Терское дворянство, пережив незабываемые минуты высокой чести и истинного счастья лицезреть своего верховного вождя, в светлый день Тезоименитства Вашего Величества, усердно молит Царя Царствующих, да ниспошлет он своему Помазаннику долгие, славные дни Царствования, благоденствия Августейшей семьи и надежд Цесаревичу, победу войскам царским, мир и тишину Родине. Ставропольский Губернский Предводитель Дворянства в звании Камер-юнкера Двора Вашего Императорского Величества Бурсак» [6].

8 декабря дворяне получили от Императора ответную телеграмму следующего содержания: «От души благодарю Ставропольское, Кубанское и Терское дворянство за их молитвенные благопожелания, с радостью сердечной вспоминаю недавно проведенные среди них минуты. Николай» [7].

В годы Первой мировой войны дворянство решало массу проблем по оказании помощи фронту, снабжению продовольствием и товарами мирного населения, принимая на попечение беженцев и раненых.

Дворянство задавало тон в общественной жизни Северного Кавказа, являлось главной опорой самодержавной власти, так как государственное управление и самоуправление состояло в основном из представителей высшего сословия, и офицерский корпус был только дворянским. Именно, из дворянской среды выходило подавляющее число чиновников и военных, ученых и деятелей культуры. Дворянство внесло значительный вклад в экономическое развитие, культурную и общественную жизнь юга России.

Примечание

1. Северный Кавказ. 1907. 28 января. С.2.
2. ГАСК. Ф. 52. Оп.1. Д. 383. Л. 22 об.
3. ГАСК. Ф. 52. Оп.1. Д. 383. Л. 29.
4. Там же.
5. Там же. Л. 23.
6. ГАСК. Ф.52. Оп. 1. Д. 391. Л. 8.
7. Там же.

Сведения об авторах

Белецкая Екатерина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета

Болдырев Юрий Анатольевич

киновед, член Союза кинематографистов России, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета

Бондарь Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, директор Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия ИТЦ «Кубань–Юг»

Вартаньян Эгнара Гайковна

доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета

Гайворонская Александра Владимировна

соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Еремеева Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств

Казаков Аслан Владимирович

кандидат исторических наук, подполковник

Кринко Евгений Федорович

доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории, истории и методов социальной работы филиала Российского государственного социального университета в г. Майкопе.

Почетный работник общего образования Российской Федерации

Леусян Ольга Алексеевна

старший научный сотрудник отдела истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Максидов Анатолий Ахмедович

кандидат исторических наук, зав.сектором генеалогии и геральдики Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН

Матвеев Олег Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»

Опрышко Олег Леонидович

писатель-историк, заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики

Ратушняк Олег Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета

Тасев Емил Вергилович

член правления Краснодарской краевой общественной организации болгарской общины «Шипка»

Фролов Борис Ефимович

заведующий отделом истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Хлынина Татьяна Павловна

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований г. Майкопа

Чикаева Карина Суреновна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-правовых дисциплин Северо-Кавказского института бизнеса, инженерных и информационных технологий

Шкуро Владимир Ильич

главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края», историограф Дворянского Собрания Кубани

Содержание

Раздел I. Подвиг освободителей

- О.В. Матвеев* «Путем графа Вронского...»
Русское дворянство в войне за освобождение славян 3
В.И. Шкуро «Из Болгарии с золотой шашкой»
(о Степане Яковлевиче Кухаренко) 16
Ю.А. Болдырев Освобождение Балкан от османского ига
в отечественном кинематографе 24
Е.М. Белецкая Русско-турецкая война 1877–1878гг.
в песенном фольклоре гребенских и терских казаков .. 29
Е.В. Тасев Дружба, рожденная в боях 35

Раздел II. Российско-южнославянские общественные и культурные связи

- Б.Е. Фролов* 9-й пеший полк Черноморского казачьего
войска в русско-турецкой войне 1806–1812 годов 45
О.Л. Опрышко, А.А. Максидов
Владимир Александрович Черкасский и его роль
в освобождении Болгарии от османского ига.
(1877–1878гг.) 52
А.В. Казаков Черкесский дворянский род Улагаев
и Балканы 60
О.В. Ратушняк Казаки-эмигранты в Болгарии
(1920–1930-е гг.) 67
Е.Ф. Кричко Создание и действия русского корпуса
на Балканах (1941–1945гг.) 74
Э.Г. Вартамян Симеон II, Царь Болгарский:
возвращение на родину 84

Раздел III. Мир русского офицерства

и чиновничества: ценности и символы сознания

- О.В. Матвеев* «Je vous attends...»
Графиня Е.П. Ростопчина и М.Ю. Лермонтов 92
А.Н. Еремеева Майкопские страницы биографии
академика П.С. Уваровой 101
В.В. Бондарь К истории Остзейского рода
фон Засс 105
Т.П. Хлынина Город и его обитатели: идеалы и
практика общественного служения
на рубеже XIX–XX вв. 114
О.А. Леусян Деятельность графа Ф.Н. Сумарокова-
Эльстонана посту Наказного Атамана Кубанского
казачьего войска и Начальника Кубанской области .. 121
А.В. Гайворонская Суды чести и дуэли в Кубанской
области 127
К.С. Чикаева Благотворительная деятельность
дворянства Северного Кавказа в начале XX века 137
Сведения об авторах 142

